

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

176

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

176

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КAVKAZ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), **Н. Н. ГУРИНА**,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, **В. В. КРОПОТКИН**,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, **В. М. МАССОН**, **Н. Я. МЕРПЕРТ**,
Р. М. МУНЧАЕВ, **В. В. СЕДОВ** (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Средняя Азия и Кавказ

КСИА, вып. 176

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства **Ю. Г. Гордина**. Художественный редактор **Н. Н. Власик**.
Технический редактор **Е. Н. Евтянова**. Корректоры **К. П. Лосева**, **В. С. Федечкина**

ИБ № 26852

Сдано в набор 09.06.83. Подписано к печати 16.09.83. Т-15865. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,9. Усл. кр. от. 10,15. Тираж 1600 экз. Тип. зак. 2941. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

В. И. МАРКОВИН

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНОСТЕЙ КАВКАЗА

Почти каждая кавказоведческая монография, написанная на археологических материалах, завершается очерком социально-экономической структуры того или иного изучаемого общества древности. Обычно подобные описания трафаретны, так как в основе их лежат ограниченный вещевой и остеологический материал и самые общие положения о возможной социальной структуре.

Термин «социально-экономические отношения» применительно к эпохе бронзы звучит несколько модернизированно и не совсем точно. В своих реконструкциях археологам приходится идти от раскрытия бытовых, экономических условий жизни человека древности к социальным отношениям в обществе.

К. Маркс в «Капитале» указывает, что «средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹; «средствами труда» у него являются, по сути дела, инструменты, с помощью которых рабочий «вызывает заранее намеченное изменение предмета труда», приспособлявая «вещество природы» к потребностям человека². Таким образом, только изучение средств труда позволяет в какой-то степени восстановить процессы производства и только затем уже производственные отношения, т. е. реконструировать взаимоотношения людей в обществе, их соподчиненность.

Однако всегда ли мы можем с достаточной легкостью воссоздать все стороны древней экономики, и особенно структуру социальных отношений, имея в руках лишь археологические остатки?

Можно ли для воссоздания картин древней экономики использовать как равнозначные данные, получаемые с территории древних бытовых памятников (стоянок и поселений) и из могильников? Очевидно, их изучение должно вестись на разных уровнях. Приведу пример. Во многих западнокавказских дольменах встречены собачьи кости. Их больше, чем костей других животных. Если к этим остаткам подходить с привычными мерками как к находкам, происходящим с бытовых памятников, то можно подумать, что строители дольменов были прежде всего ярыми собаководами. Но во время раскопок Дегуакско-Даховского дольменного поселения кости собак вообще не были найдены. Среди собранных материалов удалось обнаружить лишь костные остатки рогатого скота и свиней³. Как видно, вопрос о собаководстве как особой отрасли хозяйственной деятельности у строителей дольменов отпадает. Вероятно, собачьи кости в дольменах — дань ритуальным обычаям.

Конечно, сопоставление костей животных, обнаруженных на поселениях, с соответствующим костным материалом могильников может дать самое общее представление о разных сторонах деятельности человека древности, но делать решающие выводы об особенностях ведения хозяйства на такой основе было бы неверно.

Однако зоолог К. Н. Золотов, обрабатывая костные остатки ряда памятников Дагестана, смешал воедино материал из поселений и могильников. Поэтому его вывод о том, что в хозяйстве дагестанцев — жителей III—II тысячелетий до н. э. огромную роль (до 40—45%) играла охота⁴, мне кажется мало обоснованным. Вслед за ним М. И. Пиккуль, обобщая данные по костным остаткам Макинского поселения и могильника VII—IV вв. до н. э. (Дагестан), также «смешала» их⁵. О. М. Давудов объединил костные находки из Нижне-Сигитминского и Макинского поселений с материалом, происходящим из Хабадинского и Мугерганского могильников эпохи раннего железа⁶. Приведенная им таблица более всего раскрывает культовые особенности, имевшие место в среде местного населения: лошади, ослы и собаки сопровождали умерших на «тот свет» как прижизненные, а значит, и посмертные их спутники, а мясо мелкого и крупного рогатого скота в одинаковой мере являлось «посмертной» пищей.

Е. И. Крупнов, пользуясь в основном случайными памятниками майкопской культуры (преимущественно погребальными), писал в 1957 г., что у ее носителей в основе хозяйства лежали «земледелие и скотоводство при значительной роли охоты»⁷. В. И. Цалкин высказал сомнение по этому поводу⁸. Работы А. А. Формозова и А. Д. Столяра в Прикубанье на поселениях этой же культуры показали, что роль охоты в хозяйстве местных племен на раннем этапе была «невелика, основу его составляло развитое животноводство»⁹.

Погребальные памятники, как видно, не дают глубокой картины хозяйственных занятий древнего населения любого края. Но и к материалам, собранным во время исследования бытовых памятников, надо подходить с учетом возможных встреч опять-таки с некоторыми ритуальными особенностями¹⁰.

В фольклоре северокавказцев сохранилось интересное положение: сберегать все кости убитых на пищу животных. Считалось, что животные должны возродиться, но лишь в том случае, если части их скелета будут целыми¹¹. Кстати, судя по библейским текстам, такой обычай «не сокрушать костей» («Исход», 12, 46) бытовал на более широкой территории Востока¹² (не только на одном Кавказе). В XVIII—XIX вв. подобные представления у кавказских горцев, как видно, несколько изменились. Теперь они старались сохранить только череп, помещая его возле святилища. Это касалось прежде всего крупных домашних и охотничьих животных¹³.

Представляется, что многие так называемые хозяйственные ямы, которые часто встречаются на древних поселениях, служили не чем иным, как специальными вместилищами именно для таких костных остатков. Вот почему их много и они заполнены в основном костями животных. Так, на Сержень-Юртовском поселении начала I тысячелетия до н. э., занимавшем площадь 600×300 м, было исследовано 347 ям¹⁴. Вероятно, не все из них исполняли функции кладовых и холодильников. Можно пожалеть что содержимое этих ям изучено суммарно и никто не поинтересовался, в каком же состоянии находились в них кости (целом, разрубленном, переломанном). Таким образом остеологические материалы, полученные на поселениях, требуют не только простых подсчетов (сколько и каких костей на них было найдено), но и определенных коррективов на желательное возрождение представленных ими животных. Речь идет об очень важном в хозяйстве, в первую очередь крупном рогатом скоте, а затем о таких диких промысловых животных, как олени и туры. Овцы, вероятно, не всегда входили в подобную категорию. Так, относительно недавно у многих кавказцев для угощения почетного гостя резали не овцу, а теленка или жеребенка («гостевой зарез» у адыгов)¹⁵. Исходя из этого, В. Г. Котович писал о большом значении в хозяйстве древних горцев не овцеводства, а разведения крупного рогатого скота¹⁶. Если исходить из сказанного, кости овец на поселениях могли специально не сохранять.

Еще большие сложности вызывает интерпретация социальных отношений в древности. Напомню высказывание Ф. Энгельса: «В родовой или сельской общине с общей собственностью на землю, т. е. в той общине, с которой — или с весьма заметными остатками которой — вступают в историю все культурные народы, довольно равномерное распределение продуктов является чем-то само собой разумеющимся; там же, где между членами общины возникает более или менее значительное неравенство в распределении, это служит уже признаком начинающегося разложения общины»¹⁷. Как видно, для того чтобы говорить о социальных градациях в древнем обществе, исходя из археологического материала, надо преодолеть многие трудности.

На Северном Кавказе издавна существует обычай строить поселения на хорошо обогреваемых, южных — солнечных — склонах гор и долин. На такую практику в Дагестане указывают, например, многочисленные отселки — хуторки (махи), превращающиеся затем в селения. Даже дверные и оконные проемы стремились ориентировать на юг. Это связано не только со вполне естественным желанием обогреть дом¹⁸, но, вероятно, и с культом Солнца, хорошо зафиксированным в верованиях чеченцев¹⁹. Представляется, что в южной части горных поселений и следует искать их древнейшие участки. Здесь же могли размещаться постройки наиболее знатных («близких Солнцу») людей, что немаловажно для реконструкции социальных отношений.

Сам вопрос о равенстве и неравенстве в обществе эпохи бронзы очень сложен. Казалось бы, «группа производств, связанных с получением и обработкой продуктов питания», должна иметь в силу своей чисто житейской первоэкономической, наиболее важное значение. Может быть, среди представителей этой группы, если удастся как-то их выделить на материале некрополей, и следует искать вождей и вершителей судеб в древнем обществе.

В другой группе (по В. М. Массону) — «внепищевых производств»²⁰ — наибольшее значение в древности на Кавказе имела металлообработка²¹. Известно широкое распространение кавказских бронзовых изделий далеко за пределами Кавказа. Исследования таких специалистов, как Г. Ф. Чурсин, Б. Е. Деген-Ковалевский, показывают необычайное уважение, какое выпадало даже в недалеком прошлом на долю простых горских кузнецов. Им поклонялись, их считали чудесниками, хотя бы в силу того, что они имели дело с духами огня, равного Солнцу²². В подобной среде в древности, вероятно, имело место выделение лиц, на которых, по Ф. Энгельсу, была возложена охрана общих интересов «хотя и под надзором всего общества». В их функции входило «разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права», они же исполняли «религиозные функции», представляя в целом «зачатки государственной власти»²³.

Но далеко не всюду и не везде плавил и обрабатывали металл, а производственные отношения существовали всегда, где жили людские коллективы. В них в эпоху бронзы имели место отношения соподчиненности, давшие в дальнейшем начало классовым отношениям. В изучаемое время жители Кавказа уже, несомненно, обладали прибавочным продуктом. Это не только металл, получивший широкое распространение за пределами Кавказа, но и ценные породы камня (змеевики разных видов, сердолик и др.), скот и зерно. А раз имелся прибавочный продукт, то можно говорить, следуя за В. И. Лениным, об «институте частной собственности», который «возникает только с появлением обмена»²⁴. Ни о каких «равнообеспечивающих», «равнообязательных» и других подобных отношениях²⁵ для этого времени говорить не приходится. К эпохе бронзы возникли и укреплялись не уравнивательные отношения, а противоположные им. Но вот как изучить их по археологическим материалам? Всегда ли и обязательно ли ценный инвентарь, найденный в погребениях, должен принадлежать высокопоставленным лицам? Вероятно, не всегда²⁶.

Снова обращаюсь к этнографическим данным. Еще в начале века у осетин любой лично свободный бедняк с первых же дней трудовой жизни начинал думать о своих будущих похоронах и поминках. Он приобретал себе хорошее платье, богатое оружие и хотя бы перед смертью стремился купить коня: ведь ему предстоит путешествие в загробный мир (для этой цели у коня отрежут кончик уха). Отсутствие последующих поминок может привести к вечному голоду и самого усопшего бедняка, и его предков²⁷. Этот обычай всеми элементами свидетельствует о его древности. Погребение такого человека вряд ли может указывать на его былую нищенскую жизнь. Оно могло бы ввести в заблуждение исследователя: покойник должен выглядеть на «том свете» богатым и довольным, тогда и в среде живых сторицей приумножатся богатство и благополучие.

Погребальный ритуал абхазов довольно близок описанному. Во время похорон вели двух коней. Одного, принадлежавшего умершему, другого — как дар его жены. Второй конь должен был выступать в процессии и в том случае, если умерший был вдовым. На последующих поминках фигурировали уже три коня, они находились под разными седлами умершего: детским, щегольским и боевым²⁸. Аналогичный ритуал, но несколько видоизмененный мусульманством, описан Н. Дубровиным (70-е годы XIX в.) для адыгов (черкесов)²⁹.

Если представить, что нечто подобное могло происходить в древности, то описанный погребальный ритуал (лишь с сохранением его следов) вполне мог бы заставить задуматься любого исследователя: кому же принадлежало это захоронение?

Обратимся к другим случаям. Если человек погибал во время грозы, то у осетин, абхазов, адыгов и у вайнахов (чеченцев и ингушей) его нельзя было хоронить как обычного умершего или убитого в сражении. Считалось, что он взят в жертву божеством Уацилла (у осетин), Афы (у абхазов), Шибле (у адыгов), Мятсели (у вайнахов). Даже скот, в который ударила молния, но оставшийся в живых, считался с этого момента свободным. Его не ели и отпускали на волю со специальной биркой на шее. Но если животные во время грозы погибали, то для них устраивали особые похороны. Намного сложнее было погребение убитого человека. Штедер в конце XVIII в. описал похороны женщины-осетинки, погибшей во время грозы. Тело ее, положенное в гроб, было выставлено на восемь дней на специальный помост, а затем на двух быках ее отвезли к могиле. Далее, как пишет Штедер, «на возвышении в несколько футов, поставили гроб и заложили его кругом и сверху камнями, образовав возвышение в сажень высоты. Рядом с кучей камней воздвигли шест с натянутой козьей шкурой и головой; рядом на более маленьком шесте повесили лучшие одежды усопшей и поели сообща у могилы»³⁰. Напомню, что речь идет о погребении христианки.

В Абхазии, по словам Ш. Д. Инал-Ипа, похороны в подобных случаях превращались в особый недельный праздник для родственников, а день смерти отмечался и в последующие годы³¹. Семидневный пир и не совсем обычный обряд погребения в таких случаях практиковались и у черкесов, ибо смерти во время грозы, по словам Л. Я. Люлье, «приписывают... мысль блаженства»³².

Ясно, что в древности, когда культы, связанные с силами природы, в процессе ее познания интенсивно развивались, похороны в аналогичных случаях могли быть весьма пышными. И, конечно же, все то, что описано этнографами, — это жалкие крохи тех процессий, триз, молений, какие могли иметь место в древности, судя по обилию кромлехов, менгиров, солярных и прочих знаков, обилию охры и других элементов, которые археологически хорошо фиксируются во многих захоронениях.

Приведу последний пример из этнографии. Если человек утонул, то считалось, что захлебнулась его душа. В таких случаях практиковался обряд вылавливания души, хорошо зафиксированный у абхазов, сванов и других народов. С помощью музыки на свирели (ачарпыне) ее привле-

кали из воды и ловили в мех (бурдюк) у абхазов³³, у саванов ее «сажали» в курицу³⁴. Примерно так же поступали, если человек умирал на чужбине и тело его нельзя было доставить на родину. Затем душу переносили в подобных вместилищах домой и там хоронили. Так могли возникнуть «пустые» могилы и кенотафы — с инвентарем, но без тела. Конечно, захоронения подобного рода не являлись рядовыми, обычными, хотя и могли принадлежать «духам» самых рядовых членов общества.

Я думаю, что учет этнографических данных (хотя бы в качестве возможных погребальных вариаций и отклонений от обычных ритуальных «норм») должен иметь некоторое место во всех социологических построениях, касающихся эпохи бронзы и раннего железа, ибо общество того времени было осложнено не столько сословной иерархией, сколько культовыми — обрядовыми условностями, подчиненностью формирующимся обычаям. Интересно, что очень поздние «вольные общества» Дагестана (и отчасти Чечни) были подвластны духовным лицам — кадиям, хотя все члены их имели равные политические права лишь при наличии некоторых классовых противоречий³⁵.

Можно предполагать, что у древних племен часто более стабильными являлись не экономические преимущества, которые по воле случая (удачного набега, хорошего урожая, сохранности стад во время эпизоотий и пр.) могли исчезнуть, а преимущества жреца, гадалея, человека, «отмеченного божествами». Именно из таких людей возникла в дальнейшем «аристократия», отмеченная имущественным превосходством. И все же сомнения, которые я высказал в порядке обсуждения, не должны мешать археологической интерпретации отдельных памятников. Именно «качественные отличия», как замечает В. М. Массон, могут служить «надежным критерием социальной дифференциации, выделения племенной аристократии»³⁶. Дело, вероятно, в мастерстве рассмотрения массового материала (а не одного могильника или кургана), выделении нюансов в типическом. Так, дольмены ст. Новосвободной, обнаруженные в конце XIX в. Н. И. Веселовским и совсем недавно В. С. Бочкаревым, несомненно, могли принадлежать родо-племенным вождям³⁷. К подобному разряду погребений можно отнести гробницы, вскрытые И. М. Чеченовым у Налчика и у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии и рассматриваемые как захоронения племенной знати³⁸. Подобные примеры дают и довольно рядовые курганные древности эпохи бронзы. Например, курганы Константиновского плато у Пятигорска имеют иногда спиралевидные кромлехи с вписанными в них могилами. Спираль отходит от центральной могилы, в которой, несомненно, был захоронен знатный человек³⁹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд., т. 23, с. 191.

² Там же, с. 191, 192.

³ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с. 275, 278, табл. 18; *Он же*. Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Майкопском районе. — В кн.: Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977, с. 50, 51.

⁴ Золотов К. И. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. — В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961, т. 2, с. 288—291, табл. 1—3.

⁵ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 102, 103.

⁶ Давудов О. М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 117.

⁷ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 67.

⁸ Цалкин В. И. Древнейшие животные Восточной Европы. — МИА, 1970, № 161, с. 223.

⁹ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 90.

¹⁰ Здесь и далее я исхожу из вполне обоснованного сейчас тезиса о глубочайших местных (преемственных) корнях в культуре современного населения Кавказа, включая культуру ираноязычных осетин.

¹¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 112; Чудесные родники. Грозный, 1963, с. 142 (сказка «Колдунья-великанша»); Далгаг У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 270 (сказка «Зять и теща»); Сказки адыгских народов/Сост. А. И. Алиева. М., 1978, с. 88, 89 (сказка о Хагоре).

¹² Библия. М., 1976, с. 32.

¹³ Согласно осетинским сказкам, одного черепа вполне достаточно для возрождения всего животного. См.:

- Осетинские народные сказки/Сост. Г. А. Дзагуров. М., 1973.
- 14 Козенкова В. И. Кобанская культура: Восточный вариант.— САИ, 1977, вып. В2-5, с. 12—15.
  - 15 Литература вопроса обширна. Укажу лишь некоторую, посвященную осетинам и адыгам: Калоев Б. А. Осетины. М., 1967, с. 170; Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927, с. 8; Мамбетов Г. Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов.— Учен. зап. Адыгейского НИИ. Майкоп, т. VIII, 1968, с. 239; Калмыков И. Х. Черкесы. Черкесск, 1974, с. 193.
  - 16 Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.— Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, т. IX, 1961, с. 279—296; Он же. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности.— СА, 1965, № 3, с. 5—13.
  - 17 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 151.
  - 18 Исламмагомедов А. И. Поселения.— В кн.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 110; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 82; Азмедова Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И. Поселения.— В кн.: Агулы. Махачкала, 1975, с. 67; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971, с. 85.
  - 19 Далгат Б. Первобытная религия чеченцев.— В кн.: Терский сборник. Владикавказ, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 119.
  - 20 Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 19.
  - 21 Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 120.
  - 22 Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 96 и сл.; Деген-Ковалевский Б. Е. К истории железного производства в Закавказье.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 120, с. 343 и сл.
  - 23 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 183, 184.
  - 24 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 152.
  - 25 Гурьев Д. В. О специфике производственных отношений первобытного общества.— СЭ, 1977, № 1, с. 81.
  - 26 Все перечисленные далее сомнения были высказаны на теоретическом семинаре ИА АН СССР в 1973 г. и на секторальных занятиях 1979 г., а также подготовлены в виде доклада «К изучению погребальных обрядов и ритуалов эпохи палеометалла» для конференции «Идеологические представления древнейших обществ» (М., 1980, тез. докл., с. 83, 84). Публикуемый текст был просмотрен Р. М. Мунчаевым и И. М. Чеченовым. За сделанные замечания приношу им благодарность.
  - 27 Калоев Б. А. Осетины, с. 201—204.
  - 28 Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. 2-е изд. Сухуми, 1965, с. 540—544; Акаба Л. Х. О некоторых религиозных пережитках у абхазов.— В кн.: Современное абхазское село. Тбилиси, 1967, с. 48, 49.
  - 29 Дубровин Н. Черкесы (адыге), с. 110 и сл.
  - 30 Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году.— В кн.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников/Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967, с. 54, 56.
  - 31 Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы, с. 531.
  - 32 Люлье Л. Я. Черкесия. Краснодар, 1927, с. 33.
  - 33 Акаба Л. Х. О некоторых религиозных пережитках..., с. 49; Хашба И. М. Из музыкальной культуры абхазов.— В кн.: Современное абхазское село. Тбилиси, 1967, с. 99.
  - 34 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, кн. II, с. 113; Чурсин Г. Ф. Очерки..., с. 158 и сл.
  - 35 Хашаев Х.-М. О общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 220—225; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала, 1957, с. 69.
  - 36 Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе: (Некоторые аспекты социологической интерпретации).— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 107.
  - 37 Бочкарев В. С., Резепкин А. Д. Работы Кубанской экспедиции.— АО 1979 г. М., 1980, с. 97, 98.
  - 38 Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, с. 62; Он же. Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 30.
  - 39 Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, 1960, № 93, с. 54, рис. 19, 6.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В наши дни кавказская археологическая наука переживает период своего подлинного расцвета — накоплен огромный и разносторонний фактический материал, разрабатываются проблемы периодизации и хронологии, выделенные этапы наполняются конкретным историко-культурным содержанием, что дает возможность реконструировать исторические процессы, протекавшие в этом регионе на протяжении тысячелетий. Кавказская археология, являвшаяся многие десятилетия «археологией могильников», за послевоенные годы развернула широкий фронт исследований поселений.

Вместе с тем с особой остротой обнажился ряд назревших проблем, без разработки которых целостная картина прошлого Кавказа не может быть восстановлена. Среди последних следует прежде всего назвать проблему выделения, генезиса и хронологии кавказских археологических культур.

Определенные успехи на пути решения этой проблемы сегодня уже, бесспорно, имеются. Мы хорошо знаем ряд археологических культур Кавказа с их четкими признаками и очерченными хронологическими и географическими рамками. К таким культурам следует отнести куро-аракскую, триалетскую, майкопскую и ряд других. Однако большие серии памятников длительных хронологических периодов и значительных территориальных массивов до настоящего времени не имеют культурной атрибуции. Тем самым картина культурогенеза в целом остается пока нерешенной.

Это проявилось при подготовке к печати IV (кавказского) тома Археологии СССР¹ — издания, призванного подытожить всю сумму научных достижений отечественной археологии. К моменту написания главы, посвященной средней бронзе, на территории Южного Кавказа были выявлены лишь две археологические культуры — западногрузинская (протоколхская) и триалетская, локализующиеся, по мнению грузинских археологов, в пределах Западной и Юго-восточной Грузии. Вся остальная часть региона оставалась представленной группами аморфных археологических памятников, не объединенных в археологические культуры. Большинство этих материалов, будучи неопубликованными, хранятся в республиканских и краеведческих музеях Закавказья.

Таким образом, перед автором стояла задача проработки всех этих материалов с целью их научной систематизации. К сожалению, сам характер источников с первых же шагов ограничил рамки исследований. Хорошо изученных, эталонных памятников здесь оказалось очень мало. В большинстве эти материалы происходят из полуразрушенных и лишь в отдельных случаях доследованных захоронений с незафиксированными данными о характере могильных сооружений и погребальных обрядов. Как правило, эти комплексы представлены лишь набором специфической посуды, что является характерной чертой всех рядовых могил рассматриваемого периода. Поселения средней бронзы до настоящего времени почти не исследовались.

Совершенно очевидно, что систематизация имеющихся материалов, направленная на выявление археологических культур на большей части рассматриваемого региона, сегодня может базироваться главным образом на керамике, которая, являясь самым массовым материалом, послужила основанием для выделения целого ряда древних культур на территории СССР. Помимо керамики, намечаются и другие, сопутствующие определенным ее типам особенности; однако возведение их в признаки культур пока

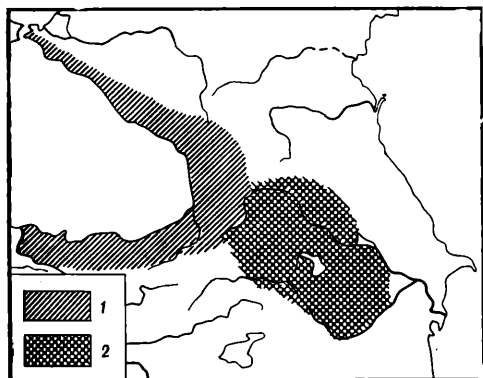

Рис. 1. Схематическая карта распространения закавказских культур периода средней бронзы

- 1 — территория распространения западно-грузинской культуры;
2 — территория распространения триалетской культуры на позднем этапе развития

представляется преждевременным; для этого необходима более массовая информация.

Как уже говорилось, до недавнего времени на территории Южного Кавказа были намечены лишь две археологические культуры периода средней бронзы. В результате новых исследований нами выделены еще три культуры² (кармирбердская, севано-узерликская и кизыльванкская), занимавшие большую часть региона. Таким образом, сегодня можно говорить уже о пяти археологических культурах этого периода.

Среди перечисленных южнокавказских культур наблюдаются как резкие различия, так и большая близость, что объясняется экологическими факторами, местными традициями и характером внешних связей. Так, культура Западной Грузии с ее влажным субтропическим климатом является глубоко самобытной, наделенной рядом присущих только ей признаков. Она впитала в себя местные традиции, имела свое направление связей. В центральной же, южной и восточной областях, где господствовал засушливый континентальный климат, с конца III тысячелетия до н. э. на базе куро-аракской культуры периода ранней бронзы развивались близкие по облику, родственные культуры — триалетская, кармирбердская, севано-узерликская. Пятая из выявленных культур, представленная памятниками типа Кизыл Ванк, несколько отличается от местных закавказских культур и тяготеет к культурам иранского круга.

Детальная разработка хронологии и периодизации вновь выявленных культур — задача будущего. Нами эти вопросы намечены лишь в первом приближении. Представляется, что выделенные культуры имели различную хронологию — одни сосуществовали, другие сменяли друг друга. Границы синхронных культур соприкасались, в то время как последовательно сменявшие друг друга культуры занимали одни и те же территории. Различная степень изученности этих культур сказывается на степени полноты и многогранности их характеристик. Наиболее полно представлена триалетская культура, хотя ее исследование еще далеко от завершения. Сегодня кавказские культуры периода средней бронзы могут быть охарактеризованы следующим образом:

Западногрузинская (протоколхская) культура, охватывающая Колхидскую равнину с прилегающими к ней предгорьями и горами³ (рис. 1, 1), пока представлена поселениями. Поселения располагались на искусственных холмах; одни образовались в результате долгой и интенсивной жизни населения (Анаклиа I, Наохваму, Зурга, Цкеми, Носири, Намчедури и др.), другие, не имеющие отношения к древним поселениям, сооружались после прекращения на них жизни (Симатре, Анаклиа II). Деревянные жилища прямоугольной формы сооружались на специальных платформах из деревянных ячеек срубной кладки, забутованных глиной, щепкой и органическими остатками. Площадь поселений — 1200—2000 кв. м. Они не имели фортификации; рвы вокруг некоторых поселений несли дренажные функции. Поселения располагались на расстоянии 1—2 км, что указывает на хуторской характер расселения.

Основной материал — керамика; она прослеживается в динамике, что позволяет установить относительную хронологию колхидских поселений. Керамика представлена несколькими группами: 1) на текстильной основе, тяготеющая к местной посуде III тысячелетия до н. э.; 2) чернолощенная разнообразных форм и размеров, обычно не орнаментированная, с ручками и без ручек, имеющая некоторое сходство с керамикой триалетской культуры; 3) серая, черная и коричневая нелощенная, покрытая гофрированным или зигзагообразным орнаментом; 4) чернолощенная, украшенная так называемым жаберным узором, с множеством выступов и ручек. Остальные находки — кремневые и костяные наконечники стрел, каменные топоры и мотыги, серебряные височные кольца и т. д. — позволяют судить не только о хронологической последовательности памятников, но и о преемственной связи между ними.

Характерными предметами быта местного населения в этот период являлись различные по форме бронзовые трубчатообушнные топоры, получившие позднее широкое распространение за пределами колхидского культурного мира; топоры имели полифункциональное назначение. Находки мотыг двух типов указывают на дифференцированность процессов сельского хозяйства, являвшегося основой экономики местных племен. Сочетание специфических признаков и дает представление о западногрузинской культуре, по своему характеру резко отличающейся от других культур рассматриваемого региона. Ее принятая датировка — первая половина II тысячелетия до н. э.

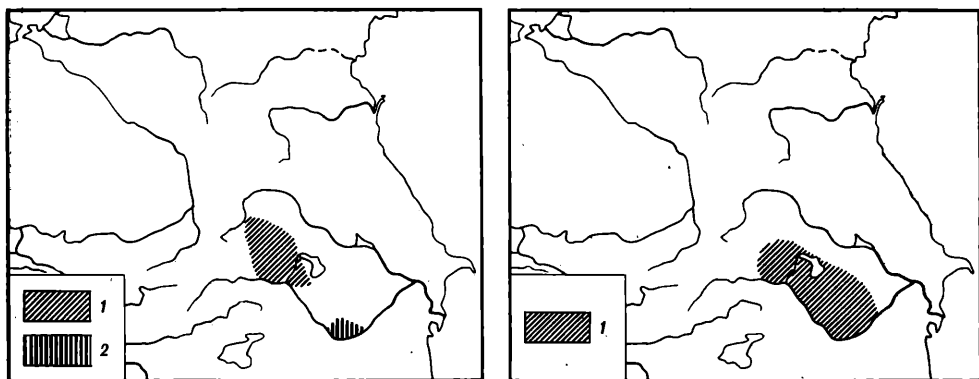
Как уже было сказано, в центрально-юго-восточном Закавказье в период средней бронзы были распространены близкие по облику родственные культуры, составляющие единую культурно-историческую область. Для всех этих культур характерны подкурганные захоронения с расписной и чернолощенной посудой. Однако в каждой культуре керамика своеобразна; особенно это касается расписной посуды.

Традиционное представление о распространении триалетской культуры только в пределах Южной Грузии — Северной Армении за последние годы значительно изменилось. На Триалетском и Гомеретском плато представлены наиболее хорошо изученные эталонные памятники. Однако большая серия материалов, выявленная, в частности, во время работы над «Археологией СССР», показывает, что границы триалетской культуры в период ее наивысшего расцвета (кировакано-триалетский этап) охватывали фактически все центральное, южное и восточное Закавказье (рис. 1, 2).

Сегодня триалетская культура изучается по погребальным памятникам преимущественно не рядового характера, с такими яркими признаками, как крупные курганные насыпи, просторные грунтовые могилы или огромные наземные камеры с индивидуальными захоронениями, кремация покойников, наличие колесниц или деревянных погребальных лож. Наиболее массовый материал (керамика) представлен чернолощенными сосудами различных форм и размеров, обычно украшенными пунктирным орнаментом, реже расписной посудой, а также определенным набором бронзового оружия (кинжальные клинки, втульчатые наконечники копий, топоры-секиры) и разнообразными предметами ювелирного искусства (золотые и серебряные сосуды, узорчатые обкладки деревянных предметов, медальоны, булавки, золотые и каменные бусы и др.).

В развитии триалетской культуры намечаются два хронологических этапа, каждый из которых имеет свои внутренние членения. В ранних погребениях развитие идет от крупных курганов со сложными погребальными сооружениями и бедным инвентарем (Цалка, Самгори) к грандиозным курганам с одиночными захоронениями на деревянных ложах, сопровождаемых разнообразной посудой, драгоценными изделиями, колесницами, жертвенными животными и человеческими жертвоприношениями (Бедени, Цнори, Ховле и др.). Чернолощенная керамика, несущая на первых порах черты гончарного производства предшествующей куроаракской эпохи, постепенно приобретает особенности, характерные для

Рис. 2. Схематическая карта распространения закавказских культур периода средней бронзы

1 — территория распространения кармирбердской (тазакендской) культуры; 2 — памятники кызылванкской культуры

Рис. 3. Схематическая карта распространения севано-узерликской культуры

1 — территория культуры

следующего этапа — периода расцвета триалетской культуры. Сегодня время раннего этапа определяется последней третью III тысячелетия до н. э.

Следующий этап — период «цветущей поры» триалетской культуры — представлен огромными курганами с каменными насыпями, обширными могильными камерами или грандиозными погребальными залами со стенами, выложенными насухо из камней и перекрытыми бревенчатым накатом (Триалети, Зуртакети, Месхети, Лори-Берд и др.). К некоторым залам подводили длинные дромосы. Эти индивидуальные погребения характеризуются кремацией; прах покойного находился на специальном погребальном ложе. В могилы помещались колесницы, оружие и большое количество предметов ювелирного искусства. Самый массовый материал (керамика) приобретает специфические законченные формы. Чернолощечная посуда совершенствуется, архаичные черты исчезают. Появляются крупные вытянутые расписные (на красном фоне черная роспись) «гидрии» с характерной «схемой воды» и водоплавающими птицами. В погребальном обряде и инвентаре наблюдается значительное влияние малоазийско-средиземноморского культурного круга. Наряду с погребениями представителей богатой верхушки встречаются скромные могилы рядовых общинников.

Время существования «цветущей поры» триалетской культуры падает на первую половину II тысячелетия до н. э. Однако комплексы с крупными вытянутыми расписными «гидриями», обнаруженные в разных частях Закавказья, должны быть отнесены к XVII—XV вв. до н. э. По-видимому, именно на этом завершающем, «кировкакано-триалетском» этапе триалетская культура достигает наиболее широкого распространения.

Кармирбердская (тазакендская) культура — одна из наиболее архаичных культур периода средней бронзы Закавказья. Распространена она в южной зоне в границах, примерно совпадающих с территорией современной Армении (рис. 2, 1)⁵ и известна преимущественно по погребальным памятникам рядового характера и единичным поселениям. Степень изученности памятников крайне слабая.

Наибольшее количество известных памятников сосредоточено в Арагатской долине (Камир-Берд, Верин-Навер, Элар, Гарни, Эчмиадзин и др.), присеванских районах (Нор-Баязет, Золакар, Лчашен и др.) и в северо-западной Армении (Арич, Кети). Это скромные подкурганые, перекрытые плитами грунтовые могилы с одиночными скорченными захоронениями, заупокойной пищей и следами тризны, в которых, как

правило, встречается только керамика и лишь изредка — кинжалы или украшения.

Кармирбердская культура характеризуется самой ранней в Закавказье расписной посудой, внезапно появившейся в южной зоне примерно на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Эти лепные широкогорлые кувшины, раздутые горшки и грубые миски, расписанные (по красному фону черная роспись) широкими фризами с метопами, заполненными сетчатыми прямоугольниками, «двойными секирами», шахматными полями, параллельными углами и треугольниками. Ее сопровождает чернолощенная и грубая кухонная посуда. Перечисленные признаки в совокупности с архаичной расписной посудой значительно отличают скромные могильники кармирбердской культуры от богатых захоронений триалетского круга.

Керамика кармирбердской культуры имеет ряд черт, уходящих в традиции куро-аракской культуры. На территории Армении известны также комплексы промежуточного между этими культурами характера (Арагац)⁶; они относятся к концу III тысячелетия до н. э. Кармирбердская же культура, сравнительная кратковременность которой документируется соответствующими напластованиями на некоторых поселениях, датируется примерно XX — серединой XVIII вв. до н. э.

Севано-узерликская культура, сменившая кармирбердскую, распространилась на более широкой территории*. Помимо Араратской долины, Ширака и районов Севана, памятники ее зафиксированы в Мильской степи и на территории Нахичеванской АССР (рис. 3). Следовательно, в ее границы входила также большая часть восточного Закавказья. В отличие от кармирбердской культуры она изучена как по памятникам погребального характера, так и по поселениям.

Одним из узловых памятников севано-узерликской культуры является поселение Узерлик-тепе в Мильской степи⁷. Это единственный бытовое поселение периода средней бронзы, на котором произведены широкие археологические исследования. Узерлик-тепе — крупный искусственный холм, напластования которого образованы тремя культурными слоями. Первоначально поселение носило открытый характер; в дальнейшем оно было обнесено мощной оборонительной стеной из сырцовых кирпичей с входом, фланкируемым контрфорсами; в последний период жизни на поселении стена была сnivelирована.

Основной тип построек — прямоугольные дома на деревянных столбах со стенами, обмазанными глиной, и помещения из сырцового кирпича. Очаги каменные либо глиняные, переносные.

Основные группы керамики: кухонная и чернолощенная; орнамент последней в нижнем слое выполнен резьбой, в верхнем — «шагающей гребенкой». Верхние слои характеризуются также расписной (на красном фоне черная роспись) посудой, украшенной волнистыми линиями и поясами косозаштрихованных ромбов. Эта посуда — наиболее выразительный признак севано-узерликской культуры.

На поселении обнаружено большое количество зерен, костей животных и орудий труда, связанных с обработкой сельскохозяйственных продуктов, изготовлением изделий из металла, кости, камня, ткачеством.

Серия поселений с аналогичной керамикой известна в Мильской степи, Араратской долине, на юго-восточных отрогах Малого Кавказа. Севано-узерликская культура характеризуется также погребальными памятниками; слабая изученность последних не позволяет выявить другие руководящие признаки этой культуры. Все погребения одиночные, подкурганые, грунтовые. Среди них есть сравнительно богатые (Лчашен) и рядовые (Золакар, СеварГЭС, Нор-Баязет и др.). Погребения характеризуются наличием трех перечисленных типов посуды. Расписная керамика отсутствует в могилах Ширака, но принадлежность последних к

* Мы не исключаем, что эти две культуры могут являться последовательными этапами одной культуры. Эта проблема может быть решена лишь с получением новых материалов.

севано-узерликской культуре доказываются характерными чернолощеными сосудами.

Памятники севано-узерликской культуры более богаты изделиями из металла, нежели кармирбердские. В этот период начинают изготавливаться местные изделия из оловянистой бронзы. Среди них — кинжалы, втульчатые копыя, долота, браслеты, кольца. На связи с переднеазиатско-малозападным миром указывают находки кинжалов с рамочной рукоятью, разъединителей бус.

На замену кармирбердской культуры севано-узерликской указывает совмещение в нескольких закрытых комплексах (Кармир-Берд, Верин-Навер, Мецамор) расписной посуды обоих типов. Это говорит о том, что какой-то незначительный отрезок времени подобные типы посуды сосуществовали. Учитывая толщину культурных напластований на поселении Узерлик-тепе, можно считать, что протяженность бытования этой культуры — примерно два столетия. Хронологические рамки севано-узерликской культуры пока могут быть ограничены XVIII—XVII вв. до н. э. Создается впечатление, что в южной зоне на смену памятникам севано-узерликской культуры к концу XVII в. до н. э. пришли памятники завершающего, «кировкакано-триалетского» этапа триалетской культуры.

Наконец, на юго-востоке Закавказья (Нахичеванская АССР) известны комплексы с расписной посудой несколько иного облика (могильники Кизыл-Банк⁸, Шахтахты⁹, поселения Кюль-тепе I и II¹⁰ и др.). Они представляют так называемую кизылванскую культуру (рис. 2, 2). Степень изученности этих комплексов крайне слабая. Захоронения производились в каменных ящиках различных размеров, иногда окруженных кромлехами. Погребения — индивидуальные и коллективные. Ведущий признак (керамика) представлен приземлистыми лепными горшками, глубокими мисками и чайниками. Сосуды покрыты красным ангобом, поверх которого на светлом фоне черной и красной красками нанесены сетчатые и сплошные треугольники, прямоугольники, ромбы и отдельные сены.

Подобная полихромная посуда в других районах Закавказья не встречается. Зато эта керамика широко распространена в соседних с Закавказьем приурмийских районах Ирана, где она зафиксирована в соответствующих слоях поселений Хафтаван-тепе¹¹, Геой-тепе¹² и др. По-видимому, в районах северо-западного Ирана и на территории соседней Нахичеванской АССР бытовала культура, характерным признаком которой является специфическая полихромная посуда. Так называемая кизылванская культура развивалась параллельно кармирбердской и имела, скорее всего, хронологические границы в пределах XIX—XVIII вв. до н. э.

¹ Автор настоящей статьи является одним из редакторов и автором ряда разделов этого тома.

² Под археологической культурой мы подразумеваем «совокупность связанных между собой объектов материальной культуры, ограниченных во времени и пространстве» (Массон В. М. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры. — ИМКУ, 1, Ташкент, 1974, с. 17).

³ *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, 1959. Т. I, II; *Микеладзе Т. К.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974; *Он же.* Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси, 1978; *Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В.* О некоторых итогах исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. — АИН ГССР. Тбилиси, 1976.

⁴ *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; *Он*

же. Археологические раскопки в Цалкинском районе в 1947 г. Тбилиси, 1949; *Джaparидзе О. М.* К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1960; *Он же.* Археологические раскопки в Триалети в 1957—58 гг. Тбилиси, 1960; *Гогодзе Э. М.* Периодизация и генезис курганных культур Триалети. Тбилиси, 1972; *Дедабришвили Ш. Ш.* Курганы Алазанской долины. — ТКАЭ. Тбилиси, вып. 2, 1979; *Гобеджишвили Г. Ф.* Беденские курганы. Тбилиси, 1981; *Джaparидзе Н. О.* Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии: (Триалетская культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981; *Церетели А. Т.* Южная Грузия в эпоху средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.

⁵ *Кушнарева К. Х.* Тазакендский могильник в Армении. — СА, 1960, № 1; *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1974; *Симонян А. Е.* Исследование могильников эпохи

- бронзы Верин-Навер.— КСИА, 1983, вып. 176; Ханзадян Э. В. Гарни IV. Ереван, 1969.
- ⁶ Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
- ⁷ Кушнарeва К. Х. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе.— МИА СССР, 1959; № 67; Она же. Новые данные о поселении Узерлик-тепе.— МИА СССР, 1965, № 125; Ханзадян Э. В. Лчашенский курган № 6.— КСИА, 1969, вып. 91.
- ⁸ Спицин И. И. Некоторые закавказские могильники.— ИАК, 1909, вып. 29.
- ⁹ Алекперов А. К. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство.— СА, 1937, № 4.
- ¹⁰ Алиев В. Г. Крашеная керамика Азербайджана. Баку, 1977.
- ¹¹ Burney Ch. Excavations at Haftavan Tere. 1973.— Iran, 1975.
- ¹² Burton Brown T. Excavations in Azerbaijan 1948. London, 1951.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭПОХЕ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ

Среди курганов в могильниках, исследованных Кубанской экспедицией ЛОИА АН СССР в 1980 г. в Краснодарском крае (руководитель В. С. Бочкарев), два раскопанных автором отличались наибольшими размерами и содержали 38 погребений различных культурно-хронологических периодов.

Курган 5 в 4 км к востоку от станицы Новокорсунской, высотой от древнего горизонта 2 м, диаметром 62—64 м. Изучение насыпи по трем бровкам показало, что курган создавался в три приема. Из 18 погребений кургана 13 относились к нескольким культурным группам эпохи бронзы (в позднюю группу входили пять меото-сарматских погребений — 2—4, 7, 12).

К первой группе конца эпохи ранней бронзы принадлежали основное погребение 15 и погребение 1, впускное в первую насыпь и перекрытое второй насыпью. Оба погребения совершены в небольших прямоугольных ямах; костяки слабо скорчены, на правом боку, головой на запад. Дно посыпано охрой. У впускной могилы сохранилась часть заплечиков с черепом и костями ног коровы.

Ко второй группе относилось погребение 6 в большой прямоугольной яме (2 × 1 м) с заплечиками, впускное в полу второй насыпи. На заплечиках и в заполнении уцелели остатки перекрытия (циновка, темный органический тлен и истлевшее дерево), на котором местами просматривалась раскраска охрой и мелом в виде узких полосок. Костяк слабо скорчен на спине, головой на север; на стопах — охра. Это погребение по обряду близко к захоронениям 1 и 15 позднемногого типа. Найденные под черепами в погребениях 1 и 6 круглые бронзовые подвески в 1,5 оборота (рис. 1, 14, 17) характерны для северо-кавказской культуры и встречаются в нижнедонских катакомбных погребениях донецкого типа¹.

К другой культурной группе можно причислить впускное в восточную часть второй насыпи погребение 13 в узкой прямоугольной яме с заплечиками, уцелевшими частично (на них лежал череп коровы). Характер перекрытия и следов раскраски на нем здесь такой же, что и в погребении 6. В могиле костяк подростка вытянут на спине, головой на юго-запад. Дно посыпано охрой. В головах стоял миниатюрный баночный сосудик грубоватого обжига (рис. 2, 3). Третья, последняя насыпь, вероятно, была сооружена над одним из этих погребений.

В устройстве рассмотренных четырех могил имеются черты, присущие концу ранней — началу средней бронзы: заплечики, конические ямки для столбов по углам могилы, слегка расширяющейся ко дну.

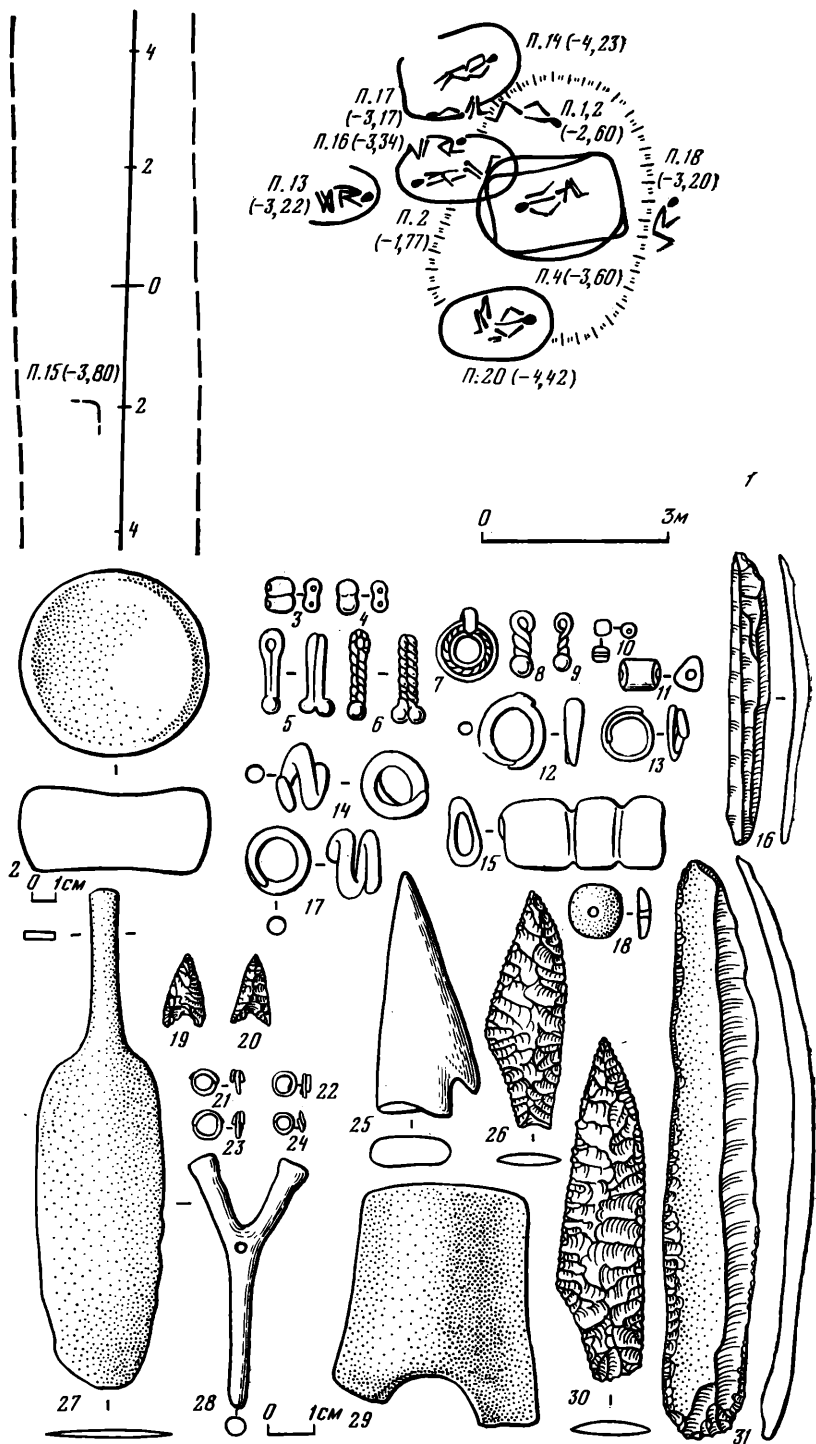
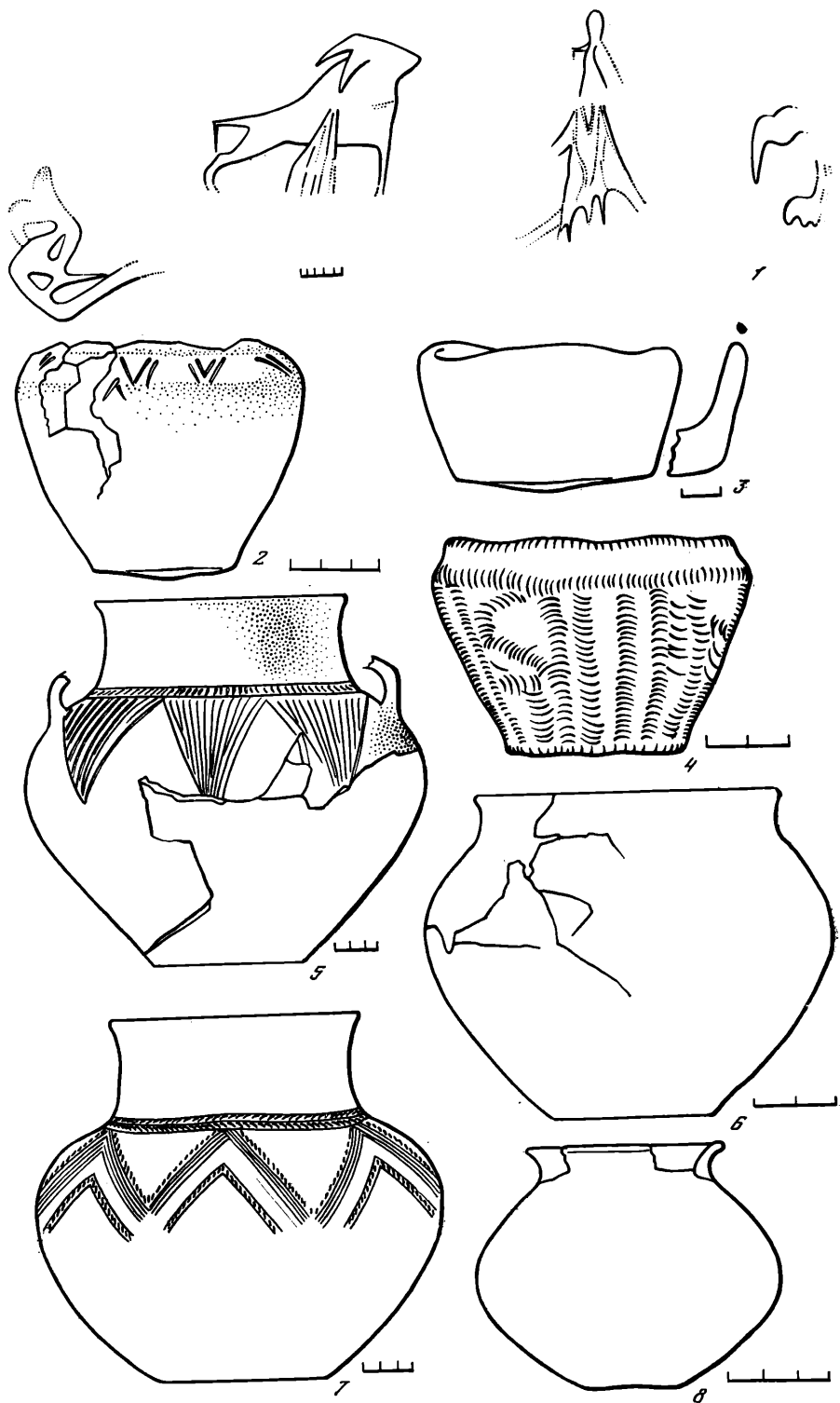

Рис. 1. План кургана и вещи из погребений

1 — курган 3, деталь общего плана; 2, 19, 20, 27 — погребение 11, курган 3; 3, 4 — погребение 10, курган 5; 5—8 — погребение 9, курган 3; 9—11, 13 — погребение 10, курган 3; 12 — погребение 11, курган 5; 14 — погребение 1, курган 5; 15, 18, — погребение 6 курган 3; 16 — погребение 14, курган 3; 17 — погребение 6, курган 5; 21—24, 28 — погребение 4, курган 3; 25, 26, 30 — погребение 12, курган 3; 29 — погребение 13; курган 3; 31 — погребение 20, курган 3 (1, 2, 5—11, 13, 15, 16, 18—31 — Батуринский могильник II; 3, 4, 12, 14, 17 — Новокорсунский могильник), 2, 29 — камень; 3—10, 13—14, 17, 27 — бронза; 12, 21—24 — серебро; 11, 15, 18, 25, 28 — кость; 16, 19, 20, 26, 30, 31 — кремень

Рис. 2. Роспись и сосуды из погребений

1 — роспись на заплевках погребения 11 кургана 3; 2 — погребение 8; 3 — погребение 13; 4 — погребение 5; 5 — погребение 10; 6 — погребение 6; 7 — погребение 19; 8 — погребение 13 (1, 6—8 — Батуринский могильник II, курган 3; 2—5 — Новокурсу́нский могильник, курган 5).

Со следующей хронологической группой эпохи средней бронзы связаны восемь погребений катакомбной культуры, среди которых выделяются три подгруппы. Погребения 9, 11, 14 и 17, более ранние по обряду, стратиграфии и топографии, располагались дугой по восточной и южной полам третьей насыпи и направлены камерами к центру. Вдоль длинных стен прямоугольных колодцев находились устухи, вход в камеру устроен в узкой стенке колодца. У двух погребений — 11 и 14 — камеры прямоугольные в плане и с уплощенным сводом. В погребении 11 встречены жаровня из днища сосуда, 30 астрагалов барана и 10 нижних челюстей куницы (?) — все с отверстиями и серебряная подвесочка со сведенными концами (рис. 1, 12). Подобный тип украшений распространен в северокавказской культуре, известен в донецкой катакомбной культуре, а также в комплексах у станицы Новосвободной². Погребения 14 и 17 — кенотафы.

Отдельную подгруппу составляли погребения 5 и 18 близ центра третьей насыпи. У них узкие колодцы и овальные камеры, направленные к центру. В погребении 5 на руке подростка, ориентированного на север, был браслет из костяных цилиндрических пронизей, в головах — баночный сосудик со сплошным ногтевидным узором (рис. 2, 4); погребение 18 безинвентарное. В погребениях обеих подгрупп костяки слабо скорчены на правом боку и сопровождалась черепом и костями ног барана.

В третью, позднюю подгруппу входили два погребения — 10 и 16 — в центре третьей насыпи. От погребения 16, срезанного колодцем погребения 10, сохранилась часть камеры с расчлененным захоронением и обломки сосуда с врезным узором из свисающих заштрихованных треугольников. У погребения 10 вход в камеру находился в длинной стенке глубокого прямоугольного колодца. Костяк слабо скорчен на боку, головой на юг. При нем найдены 55 бронзовых биноклевидных бус и два темнолощенных кувшина с ручками, также орнаментированные свисающими треугольниками (рис. 1, 3, 4; 2, 5).

На дне камер и на костяках, особенно детских — охра. Вероятно, ко времени этих позднекатакомбных могил принадлежало детское погребение 8, впущенное в колодец погребения 18. Положение костяка в результате просада нарушено. В могиле был грубый серый баночный сосудик с сильно стянутым внутрь устьем. Вверху нанесены небрежно прочерченные свисающие вложенные углы (рис. 2, 2). Этот сосуд близок до некоторой степени формам северокавказской культуры, встречающимся в катакомбах³.

Курган 3 у станицы Батуринской был крайним в цепочке из четырех насыпей. Высота его от древнего горизонта 2,6 м, наибольший диаметр 65 м. Курган, исследовавшийся той же методикой, что и курган 5, был сооружен в три приема. Из обнаруженных 20 захоронений (рис. 3) 17 принадлежало шести культурно-хронологическим группам эпохи меди — бронзы (безынвентарные погребения 3 и 5 относились к эпохе железа, погребение 8, возможно, раннесредневековое).

В самую раннюю группу входили энеолитические погребения 14, 15, 17, 20 под первой насыпью, являвшиеся очевидно, древнейшими подкурганными захоронениями в Восточной Европе. Одно из них — детское (15) — основное, остальные могилы располагались к северо-востоку от него (рис. 1, 1). В овальных материковых ямах костяки лежали на спине с подогнутыми ногами, головой на восток; кисти рук покоились на газе. Дно могил и костяки обильно покрыты красной охрой. Одно захоронение (14) двойное: взрослый и ребенок. В другом (20) около ног взрослого находилось второе, так называемое расчлененное захоронение, тоже густо покрытое охрой. Впечатление, что оба захоронения одновременны, и, возможно, расчлененное являлось ритуальным жертвоприношением. Инвентарь представлен кремневыми ножевидными пластинами с ретушью (рис. 1, 16, 31) и обломочком бронзовой обоймочки (рассыпалась). В заполнении одной могилы встречен обломок округлой стенки грубого темного сосуда с примесью песка в глиняном тесте. Одно из погребений (17),

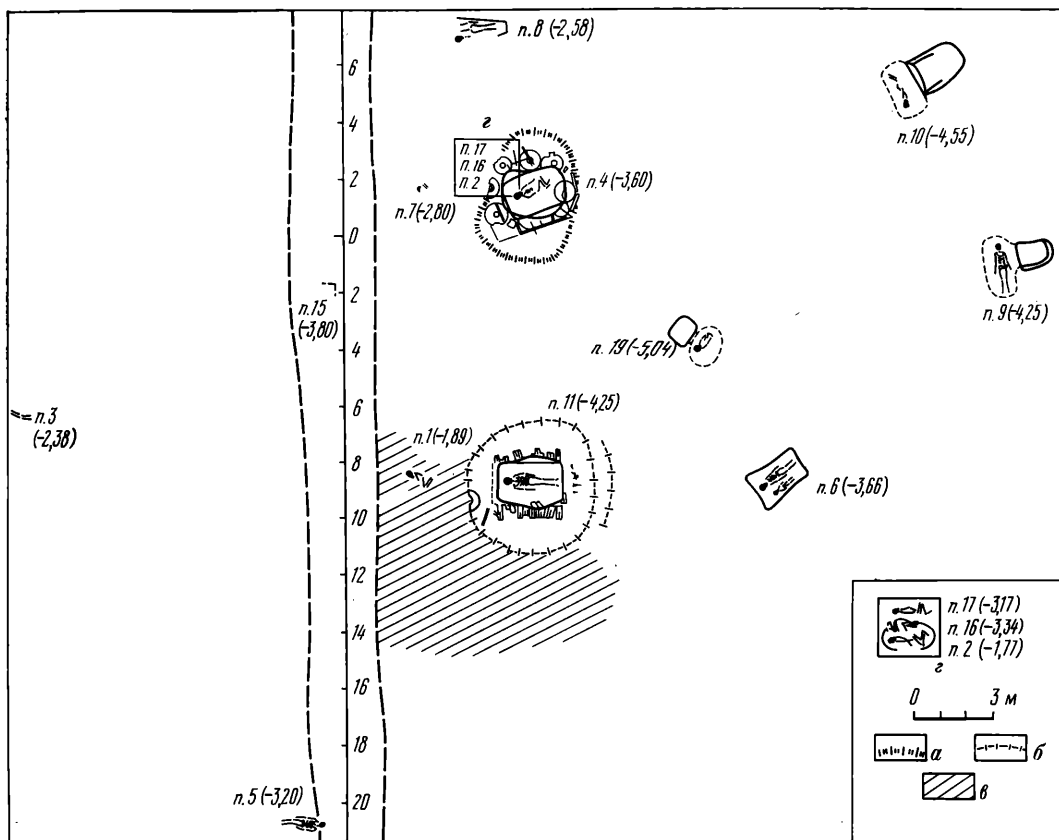

Рис. 3. Батуринский могильник II, курган 3, план

а, б — остатки тлена на заплечниках могилы; в — материковый выкид из погребения 11; г — планы погребений 17, 16, 2

ориентированное в отличие от других на запад, перекрывало край тоже энеолитического погребения 14, а само было нарушено погребением 16 новосвободненского типа.

Рассмотренные энеолитические захоронения, видимо, можно связывать, в первую очередь, с основными курганными погребениями Койсугского могильника в дельте Дона (и, может быть, Суворовского могильника в верхнем Прикубанье)⁴, совершенно аналогичными по обряду с нашими. В плане периодизации очень существенно, что койсугский комплекс перекрывался майкопским погребением, а последнее нарушено позднейшим захоронением с западной ориентировкой.

Батуринские энеолитические комплексы отличаются по обряду от курганных погребений майкопской культуры, но их синхронность с раннемайкопскими, видимо, не исключается. Вместе с тем батуринские захоронения по обряду аналогичны бескурганам среднестоговским и хвалынским погребениям⁵. В последних часто встречались расчлененные захоронения при основном.

Вторую группу составляли позднемайкопские погребения новосвободненского типа (12, 13, 16, 18; рис. 1, I). Два из них перекрывали энеолитическое погребение 17. Погребения совершены в небольших овальных ямах. Костяки сильно скорчены на левом боку (в одном случае на спине — погребение 12), головой на восток, кисти рук — перед лицом. На костях местами — слабая окраска охрой. Инвентарь — костяной гарпун и девять кремневых наконечников стрел асимметричной флажковидной формы (рис. 1, 25, 26, 30), кремневые отщепы с ретушью, обушковая часть сверленого топора и серолощенный сферический сосудик с коротким

отогнутым венчиком (рис. 1, 29; 2, 8). Подобный тип наконечников стрел известен в новосвободненских комплексах Костромского кургана и в могильнике Чегем II; сосудик тоже очень характерен для позднемаякопских древностей⁶.

К третьей группе принадлежали два особых погребения в больших ямах (2,2×1,5×1,3 м и 2,62×1,52×1,55 м) с широкими заплечиками, относящиеся к рубежу III—II тысячелетий до н. э. Одно из них — 4, впущенное в первую насыпь, перекрывало своими заплечиками погребения 12, 16 и 18 новосвободненского этапа (и энеолитические погребения, рис. 1, 1). На заплечиках погребения, покрытых очень темным органическим тленом, сохранились остатки деревянной разобранной повозки: восемь сплошных колес и узкие планки от рамы кузова (может быть, было две повозки). Диаметр колес 0,8 м, диаметр массивных ступиц 0,18 м. Костяк крупного мужчины лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на запад. Череп со следами охры покоился на земляной подушке. У височных костей лежали по две серебряные подвесочки, 1,5 оборота, около груди — костяная рогатая булавка с отверстием посередине и остатками бронзовой обоймочки (рассыпалась) около него (рис. 1, 21—24, 28). Этот тип костяных изделий встречается в погребениях Приазовья, Поволжья и Предкавказья (костики ориентированы на восток), причисляющихся обычно к древнеямной культуре⁷. В. Я. Кияшко предполагает, что такие рогатки, применявшиеся в конце III тысячелетия до н. э., предшествовали в целом костяным молоточковидным булавкам, а их форма схематически передавала голову быка, что позволяет, по его мнению, видеть в этих своеобразных букраниях отражение культа быка.

Второе погребение — 11 — было впущено во вторую насыпь, возведенную над погребением 4, и оба они перекрыты большой третьей насыпью (рис. 3). В обряде погребения 11 также отражен культ быка, но в более яркой, изобразительной, впервые встреченной форме. На восточных заплечиках, на пространстве 1,0×0,3 м, сохранилась уникальная роспись красной киноварью на темном органическом покрытии (возможно, это отпечаток ткани, упавшей на заплечики)⁸. На росписи, находящейся в 0,4 м от торцового края могилы, представлены четыре силуэтных изображения, которые смотрятся со стороны могилы. Крайняя фигура слева (18×13 см) напоминала, скорее всего, прямогрязильное рало. Вторая фигура, в 6—7 см от первой, представляла собой быка (26×18 см) (определение Н. М. Ермоловой). На третьей фигуре схематически изображен человек со змеевидной головой и треугольной формой тела (30×10 см). Четвертая, крайняя справа фигура, частично разрушена: сохранились в фас крыло и хвост птицы (8×4 и 7×5 см) (рис. 2, 1).

Тематика росписи не является неожиданной. Наскальные изображения древнейших прямогрязильных однорукояточных рал рубежа III—II тысячелетий до н. э., на которые похоже наше изображение, известны в Северном Причерноморье на Симферопольской стеле⁹ (в отношении этого памятника имеется и иная точка зрения¹⁰). Существует мнение, что этот тип рал, возникший в начале III тысячелетия до н. э. на юго-западе Средней Азии и в долине Инда, проник в Восточную Европу через Северный Каспий и Причерноморье¹¹. Прямогрязильное бесполезное рало обнаружено в позднемном погребении конца III — начала II тысячелетия до н. э. в Запорожье¹².

От основания батуринаского рала до ног быка тянулась полоса, связывающая оба изображения в один сюжет. Впечатление таково, что бык с некоторым напряжением тянет рало. Изображение быка — очень широко распространенная тема в первобытном искусстве. Батуринаский бык исполнен реалистически и несколько своеобразно. У него мощный торс, голова с рогами, направленными назад (как у тура?), чуть запрокинута и дана слегка в ракурсе. Батуринаская фигура человека стилистически близка к женским фигурам в конусовидной одежде на известных писаницах поздней группы (VI—V тысячелетия до н. э.) Харитани I в Дагестане, нанесенных красной охрой и рассматриваемых как богини плодородия¹³.

Наше изображение человека перед быком, видимо, отражает синтез двух сюжетов, символизируя культ плодородия у древнейшего земледельческо-скотоводческого населения. Птица на батуринской росписи обнаруживает удивительное сходство с изображениями птиц «в геральдической позе с распростертыми крыльями», представленными в расписной орнаментике керамики Средней Азии и Ирана в IV—III тысячелетиях до н. э.¹⁴ Обряд погребения 11, на заплевиках могилы которого обнаружена роспись (с противоположной стороны заплевиков была часть колеса), такой же, как и в соседнем погребении 4 с повозкой. В обеих могилах — белые камышовые циновки, посыпанные мелом, ямки от столов в углах и т. д. Погребение 11 отличается большей степенью окраски охрой в виде мазков на дне могилы и на костяке, вытянутом на спине, головой на запад и окраской сажистыми линиями циновки. В углу, около ног, лежали кучкой шесть каменных полированных краскотерок (определение Г. Ф. Коробковой, рис. 1, 2). Такие изделия нередко встречаются в погребениях северо-кавказской культуры. В 0,5 м к западу от черепа обнаружены бронзовый черешковый нож и два кремневых треугольных наконечника стрел с небольшой выемкой (рис. 1, 19, 20, 27). Нож в целом типичен для древнейшей культуры Поволжья. Короткие наконечники (длина 2 см) по типу близки к наконечникам стрел донецкой катакомбной культуры и известны в позднемых комплексах Северо-Западного Причерноморья и особенно Нижнего Подонья¹⁵.

Обряд погребений с повозками справедливо рассматривается как проявление неординарного социального статуса¹⁶. Необычность обряда погребений 4 и 11, особенно погребения 11, свидетельствует о том, что здесь под большой насыпью захоронены представители родо-племенной верхушки одного коллектива; один из них, возможно, являлся жрецом-живописцем (погребение 11). Новокорсунское погребение 5/6, входящее в одну группу с этими двумя комплексами, рядовое.

К следующему периоду относились несколько групп погребений, впущенных в третью, последнюю насыпь. Двойное захоронение 6 (взрослый и подросток) — четвертая группа — находилось в восточной части насыпи. В прямоугольной яме костяки вытянуты на спине, головой на юго-запад (рис. 3). У каждого рядом с головой были положены череп и ноги барана. На дне — окраска мелом и реальгаром, угольки; на костях — реальгар. Инвентарь: костяная круглая бляшечка с отверстием и трехчастная пронызь, терочник из известняка и серый плавленый профилированный горшочек без орнамента (рис. 1, 15, 18; 2, 6), близкий по форме ямно-катакомбным сосудам и керамическим формам северо-кавказской культуры Верхнего Прикубанья.

В пятую группу входили два безынвентарных захоронения — 1 и 2, перекрывающие погребения 4 и 11 (в ямах с заплевиками). Костяки слабо скорчены на правом боку, головой на запад и сравнительно интенсивно и равномерно покрыты охрой (рис. 3).

К последней, шестой группе принадлежали три катакомбных погребения, из которых два (9, 10), впущенные в восточную полу третьей насыпи, аналогичны ранней катакомбной подгруппе Новокорсунского могильника. Костяки покоились: вытянуто на спине, головой на север (погребение 9) и слабоскорченно на правом боку, головой на юго-восток (погребение 10, рис. 3). Инвентарь: изделие из трубчатой кости с треугольным рабочим концом, бронзовая подвеска в 1,5 оборота, браслеты из костяных — цилиндрических и бочонковидных — бус и из бронзовых бус, медальончика и стержневидных подвесок с петелькой на одном конце и шариком — на другом (рис. 1, 5—11, 13). Бронзовые подвески и медальончик характерны для ранних этапов северо-кавказской культуры и распространены на катакомбных памятниках донецкого типа¹⁷. Погребение 19, впущенное ближе к центру, входит в подгруппу позднекатакомбных могил (5/10, 16) Новокорсунского могильника. Расчлененное захоронение сопровождалось темлощенным кувшином без ручек, украшенным врезными зигзагами и углами (рис. 2, 7).

Открытые в курганах погребения образуют несколько культурных групп, хронологически последовательных или иногда частично сосуществующих. Древнейшими подкурганскими захоронениями являлись энеолитические (3/14, 15, 17, 20). Дальнейшие работы покажут, с какими культурно-историческими областями их можно связать, со степной или северо-кавказской (возможно, с первой). Предварительная дата — середина или первая половина III тысячелетия до н. э. Следующий пласт составили позднемайкопские погребения новосвободненского типа (3/12, 13, 16, 18) второй половины III тысячелетия до н. э. Из-за незначительности материала остается пока неясным, существовала ли временная лакуна между энеолитической и новосвободненской группами в данном микрорегионе. Новосвободненские комплексы перекрываются погребениями позднеямского типа со слабоскорченными на спине костяками, сопровождавшимися повозками и росписью (5/6, 3/4, 11). Изображения на росписи отражают представления и идеи, возникшие в среде земледельческо-скотоводческих племен на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Тематика сюжета, манера и техника исполнения дают принципиально новые сведения для выявления образа жизни того населения. Этим погребениям иногда предшествовали безынвентарные, в небольших ямах захоронения позднеямского облика, с костяками как будто иного антропологического типа, слабоскорченными на боку, но также с западной ориентировкой (5/4, 15).

Погребения с повозками и росписью сменились (но, может быть, частично синхронизировались) захоронениями в узких прямоугольных ямах с вытянутыми на спине костяками, головой на запад (5/13, 3/6), на обряде которых, возможно, сказалось влияние северо-кавказской культуры.

К средней бронзе ко II тысячелетию до н. э. относились погребения катакомбной культуры ранней (5/9, 11, 14, 17, 3/9, 10) и поздней (5/10, 16, 3/19) подгрупп. Выделение и последовательность обеих подгрупп установлены в соседних могильниках, и поздняя названа батуринским вариантом, впервые выделенным в этом микрорегионе.

Будущие археологические исследования позволят уточнить и, вероятно, дополнить предложенную периодизацию памятников энеолита — средней бронзы в степях Северо-Западного Предкавказья.

¹ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 69, 131, рис. 13,5; 16,3; 19,5; 20,2; 22,6; 32,13; 14,20; *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 53, рис. 25,9—11.

² *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье..., рис. 16,12; 19,6; 22,2; *Она же.* Суворовский курганный могильник. Киев, 1979, рис. 36,3; 63,6; *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье..., с. 53, рис. 26, 15—16; *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной.— Тр. ГИМ, 1963, 34, с. 41, табл. II.

³ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье..., рис. 42,5; *Она же.* Суворовский курганный могильник, рис. 4,11; 19,2; 22,4.

⁴ *Максименко В. Е.* Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону.— СА, 1973, № 1, с. 249—254; *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник, с. 5, 67, рис. 3,1,2; 72,1.

⁵ *Телегин Д. Я.* Среднеостоговская культура.— Археологія УРСР, Київ, 1971, т. 1, с. 227 и сл.; *Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Раскопки энеолитических могильников в

Хвалынском районе Саратовской области.— АО 1978 г. М., 1979, с. 150—151.

⁶ *Попова Т. Б.* Дольмены..., с. 39, табл. IV, 14—17 (средний ряд); *Мишев И. М., Бегров Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 13, 18, рис. 6,3—10; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1973, с. 287, рис. 65, 5—7,9; 66,3,5—6.

⁷ *Кияшко В. Я.* К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 33—35.

⁸ По заключению на основании химического анализа, произведенного в реставрационных мастерских Эрмитажа. Останец грунта с росписью взят монолитом и передан на хранение в Эрмитаж.

⁹ *Kothe H.* Volkerkundliches zur Frage der neolithischer Anbauformen in Europa.— EAF, 1953, Bd. 1, S. 51; *Шрамко Б. А.* Про час появи землеробства на Півдні Східної Європи.— Археологія. Київ, 1972, № 7, с. 25—35; *Краснов*

- Ю. А. Рала симферопольской стелы.— СА, 1971, № 2, с. 51—53 и сл.; *Он же*. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.
- ¹⁰ *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству.— МИА, 1969, № 165, с. 168—172; *Он же*. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980, с. 108—110.
- ¹¹ *Краснов Ю. А.* Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе.— СА, 1980, № 3, с. 15—23.
- ¹² *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Рало из позднейшего погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э.— СА, 1973, № 3, с. 146—152.
- ¹³ *Котович В. М.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976, с. 65—99.
- ¹⁴ *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964, с. 351, и сл., рис. 72.
- ¹⁵ *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье..., рис. 25,22,23; *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.— АП Нижнего Подонья. М., 1974, т. 2, с. 39—40, табл. XV, 4, 5.
- ¹⁶ *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе: (Некоторые аспекты социологической интерпретации).— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 107—110.
- ¹⁷ *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье..., с. 53, рис. 25,1—7.

В. А. АЛЕКСИН

ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ В ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Вопрос о степени влияния военного фактора на процесс классового образования до сих пор не решен однозначно. В западной литературе существуют весьма различные оценки его роли. Одни исследователи считают, что войны имеют вторичное значение для классового образования, другие утверждают, что война — главный фактор, ведущий к образованию государств¹. Нетрудно заметить, что все концепции, как ограничивающие первостепенное значение военного фактора, так и выдвигающие его на первый план, имеют один недостаток — претензию на универсальность.

В отечественной этнографической литературе справедливо указано, что войны и завоевания, яркую характеристику которых дал Ф. Энгельс², сами по себе не приводят к возникновению классов и государств, они лишь при определенных обстоятельствах стимулируют ведущие к ним процессы³. Однако тезис об универсальности войн в эпоху разложения первобытнообщинного строя не вызывает сомнений у исследователей⁴. Это дает возможность предполагать, что война является неотъемлемой частью процесса классового образования в обществах с различными системами производящего хозяйства.

Обобщения такого ранга требуют тщательного анализа прежде всего на археологическом материале. Эту цель и преследует настоящая работа, задачей которой является оценка роли военного фактора в процессе классового образования у древних земледельцев Средней Азии и Ближнего Востока (Иран, Малая Азия, Месопотамия).

Если война становится неотъемлемой чертой эпохи разложения первобытнообщинного строя, то следствием этого должно было бы явиться поголовное вооружение всего свободного мужского населения или формирование прослойки профессиональных воинов. Этот процесс не мог не отразиться в погребальных обрядах, которые быстро реагируют на изменения в социальной структуре древних обществ, фиксируя все важнейшие тенденции их развития⁵. Следовательно, в период классового образования можно ожидать появления захоронений с оружием как массовое явление (каждый мужчина-воин) или как широко распространенное явление (выделение прослойки профессиональных воинов).

Обратимся к анализу погребений древних земледельцев, рассматривая их в соответствии с периодизацией экономики производящего типа,

разработанной В. М. Массоном⁶: I — период архаической экономики производящего типа (VII—VI тысячелетия до н. э.); II — период сложившейся экономики производящего типа (V тысячелетие для Месопотамии, V—IV тысячелетия до н. э. для остальных регионов); III — период ремесел (IV тысячелетие для Месопотамии, III — начало II тысячелетия до н. э. для остальных регионов); IV — первый этап раннеклассовой формации (конец IV—III тысячелетия для Месопотамии, начало II тысячелетия до н. э. для Центральной Анатолии).

I. Период архаической экономики производящего типа. Учтено около 470 захоронений: 20 в Средней Азии (Туркмения), 50 в Иране, около 400 в Малой Азии. Находки оружия в могилах очень редки. В шести мужских могилах Али-Коша (Иран)⁷ найдены глиняные и каменные шарики, которые, вероятно, служили ядрами пращи. В захоронениях мужчин Чатал-Гуюка (Турция)⁸ обнаружены кремневые наконечники копий и стрел. Количество могил с оружием в Чатал-Гуюке не установлено, так как каталог погребений не опубликован. Судя по предварительным сообщениям, процент захоронений с оружием не так велик, так как подавляющее число могил вообще не содержало инвентаря.

II. Период сложившейся экономики производящего типа. Учтено 748 захоронений: 380 в Средней Азии (Туркмения), 100 в Иране, 85 в Малой Азии, 283 в Месопотамии. Оружие в могилах не представлено, за исключением ядра пращи, обнаруженного в одном из погребений Самарры (Месопотамия)⁹. Этому обстоятельству не противоречат находки каменных топоров в нескольких могилах иранского (Сиалк I¹⁰, Хакалан¹¹) и месопотамского (Ярым-тепе¹²) регионов, поскольку нельзя доказать их использование в качестве боевого оружия.

III. Период ремесел. Учтено 1400 захоронений: 400 в Средней Азии (Туркмения), 400 в Иране, 200 в Малой Азии, 400 в Месопотамии.

В Средней Азии на поселении Алтын-депе в двух могилах найдены бронзовые кинжалы¹³.

В Иране бронзовые кинжалы, топоры и копья обнаружены в Гисаре: слои I и III¹⁴ (в 15 из 126 опубликованных захоронений). В Хурабе и Дайти из семи раскопанных могил оружие обнаружено в трех¹⁵. В слоях Гиян III—IV¹⁶ из 34 раскопанных захоронений оружие (копья и кинжалы) найдены в пяти. Из 20 раскопанных захоронений в тепе Джамшеди¹⁷ оружие встречено в пяти. Всего в Иране на 400 учтенных погребений известно 28 могил с оружием. В это число не включены захоронения с оружием, найденные в Тюренг-тепе¹⁸, поскольку каталоги их не опубликованы. В горных районах Луристана Л. Ванден Берге раскопал ряд могильников, многие из которых датируются III тысячелетием до н. э. Хотя детальные публикации луристанских погребальных комплексов еще отсутствуют, уже сейчас можно сказать, что они изобилуют боевым оружием (топоры, кинжалы, копья)¹⁹.

В Малой Азии (исключая районы Западной Анатолии) зафиксировано 15 могил с оружием. Семь из них найдены в Центральной Анатолии (Машат²⁰, Ахлатлибель²¹, Косумбели²², Бююк-Гюллечек²³, Коручу-тепе²⁴). В захоронении Машата найдены ядра пращи, в остальных случаях — кинжалы, копья, боевые топоры. В Южной Турции обнаружены пять захоронений с оружием (топоры, копья, кинжалы): Гедикли²⁵ (одно), Кархемиш (четыре)²⁶.

Захоронение с ядром пращи раскопано в убеидских слоях Арапачии (Месопотамия)²⁷. В раннеурукских слоях Ура в одной могиле найден каменный топор, в другой — бронзовое копье²⁸. Из 400 захоронений Месопотамии оружие обнаружено только в трех случаях.

Из 1400 учтенных захоронений этого периода оружие найдено в 48 могилах. Захоронения Западной Анатолии и горного Луристана не учтены в обзоре, поскольку отсутствуют подробные публикации раскопанных там могильников.

IV. Первый этап раннеклассовой формации. Учтено 1545 захоронений: 1500 в Месопотамии и 45 в Центральной Анатолии. В погребениях

Месопотамии позднеурукского и джемдетнарсского периодов оружие не найдено. В нескольких случаях оно обнаружено в могилах I и II раннединастических периодов: Чагир-Базар (Северная Месопотамия)²⁹ — два захоронения; Фара (Южная Месопотамия)³⁰ — восемь захоронений. Из 543 захоронений периодов Урук, Джемдет-Наср, I и II раннединастические в Месопотамии известно десять могил с оружием. В Южной Месопотамии для III раннединастического периода известно 957 захоронений (Хафадже³¹, Ур³², Киш³³, Эль Убейд³⁴). В 272 могилах этого периода, что составляет 28% всех раскопанных могил, найдено боевое оружие (кинжалы, топоры, копья). Могилы с оружием концентрируются в крупных городских центрах. Так, в Уре и Кише из 818 могил этого времени 259 погребений содержали оружие, что составляет 32% всех раскопанных могил в этих городах. Для небольших городов процент могил с оружием резко падает. В Хафадже из 49 погребений только в восьми случаях найдено оружие, что составляет 16% всех раскопанных могил. Еще более показательны эти цифры для небольшого сельского поселения Эль-Убейд, где из 90 погребений оружие найдено только в четырех могилах, что составляет 4,5% всех захоронений.

Могилы Карума Канеша в Центральной Анатолии почти не опубликованы³⁵, что не дает возможности установить увеличение числа могил с оружием при переходе от доклассового общества к раннеклассовому. Из 45 учтенных захоронений оружие найдено только в пяти случаях.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что могилы с боевым оружием появляются в раннеземледельческих обществах сравнительно поздно (III период). Наборы вооружений Али-Коша и Чагал-Гуюка (I период) ничем не отличаются от наборов охотничьего оружия. Находки кремневых стрел и копий, ядер пращи в могилах этого периода свидетельствуют о сохранении в погребальных обрядах первых земледельцев древних традиций тех времен, когда охота была одним из основных источников питания и каждый мужчина как охотник, имел набор соответствующего вооружения. Для сравнения можно указать на захоронения охотников и рыбаков мезолитической Европы, в могилах которых зафиксированы находки охотничьего оружия³⁶.

По мере развития земледельческого хозяйства старые традиции в погребальных обрядах полностью отмирают. Захоронения с охотничьим оружием в древнеземледельческих обществах исчезают (II период).

Ситуация меняется, как указывалось выше, в период ремесел, когда повсеместно появляются захоронения с боевым оружием (бронзовые топоры, кинжалы, копья). Но их количество настолько незначительно, что говорить о сложении значительной прослойки профессиональных воинов не приходится.

Погребальные комплексы периода ремесел, в основном совпадающего с эпохой классовобразования, достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что в обществе еще отсутствуют предпосылки для формирования воинской прослойки. Предположение о том, что война является неотъемлемой частью процесса классовобразования у оседлых земледельцев, не подтверждается археологическими материалами из Юго-Западной Азии.

Количество захоронений с оружием резко возрастает в раннеклассовом обществе (III раннединастический период в Месопотамии). Примерно каждое третье захоронение содержит боевое оружие. Для этого периода можно говорить о наличии группы профессиональных воинов. Появление военных дружин определялось в первую очередь антагонистическими противоречиями раннеклассового общества. Господствующий класс нуждался в воинских отрядах для удержания власти в своих руках, для эксплуатации соплеменников. Одновременно начинаются захватнические войны между городами — государствами древнего Шумера. Наконец, потребность в воинских силах вызывалась необходимостью отражать набеги воинственных горных племен, которые, как известно по письменным источникам³⁷, неоднократно завоевывали Месопотамию.

Процесс классовобразования в раннеземледельческих обществах прохо-

дил под огромным воздействием «городской революции», которая постепенно привела к формированию экономических и культурных основ древних цивилизаций³⁸. Протогородские, а впоследствии и городские центры, как об этом свидетельствуют материалы захоронений, оказались мощными стимуляторами процессов социального и имущественного расслоения населения, тогда как в сельских поселениях эти процессы протекали значительно медленнее³⁹.

Там, где уровень развития земледелия был невысок (Средняя Азия, Иран), протогородские центры постепенно приходили в упадок, что отрицательно сказывалось на процессе классообразования. Упадок протогородских центров в Иране и Средней Азии фактически оборвал процесс сложения раннеклассовых обществ в этих регионах. Нельзя утверждать, что земледельцы совсем не знали войн в догосударственный период. Миграции земледельческих племен не могли обходиться без локальных войн. Военственные горцы, очевидно, нападали на земледельческие оазисы и в догосударственный период. Именно этим моментом обязаны своим возникновением древнейшая фортификация и оружейное ремесло протогородских центров Ближнего Востока и Средней Азии. Однако эти локальные войны были лишь кратковременными эпизодами в жизни древних земледельцев.

Два момента могли препятствовать возникновению войн у ранних земледельцев Передней Азии в догосударственный период: во-первых, захват основного средства производства — земли — был сопряжен с большими трудностями и требовал для удержания ее значительных воинских контингентов, которых общество еще не имело; во-вторых, как показывают данные этнографии, сильная социальная стратифицированность некоторых земледельческих обществ еще в догосударственный период способствовала значительной эксплуатации общинников знатью⁴⁰, что давало ей возможность получать значительный прибавочный продукт, не прибегая к грабительским войнам. Когда возможности извлечения прибавочного продукта подобным образом перестали удовлетворять верхушку общества, начались захватнические войны, характерные для раннеклассовых обществ.

Большое количество находок оружия в могильниках Луристана (III период) требует соответствующего объяснения. В Луристане, расположенном в горах Загроса, основа хозяйства была иной, чем в других районах Передней Азии. Существует мнение, что хозяйство луристанских племен в III тысячелетии до н. э. было скотоводческо-земледельческое⁴¹. В последнее время появились основания относить возникновение яйлажного скотоводства в Загросе к середине или концу IV тысячелетия до н. э.⁴² В обществах скотоводческого типа грабительские войны фиксируются с глубокой древности. Достаточно вспомнить неоднократные набеги скотоводческих племен Загроса на земледельческие оазисы Месопотамии второй половины III тысячелетия до н. э. Этим набегам, безусловно, предшествовали столкновения между горными племенами за скот и пастбища. Аналогичная ситуация хорошо известна по материалам степных культур Евразии раннего железного века. Непрерывные военные столкновения способствовали почти поголовному вооружению мужского населения, что и нашло отражение в погребальных комплексах луристанских могильников. Два обстоятельства способствовали развитию войн в обществах скотоводческого типа: во-первых, грабительские войны стимулировались легкостью захвата скота как военной добычи; во-вторых, в скотоводческих обществах довольно рано выделилась аристократическая верхушка⁴³, в то время как основная масса общинников почти не была затронута процессом социального и имущественного расслоения и сохраняла все свои права. Свободные общинники были неподходящим объектом для эксплуатации; поэтому родовая знать, стремясь обладать дополнительными источниками получения прибавочного продукта, постоянно прибегала к грабительским войнам против соседей как к средству обогащения⁴⁴. В свою очередь, грабительские войны в скотоводческих обществах содей-

ствовали процессу социального и имущественного расслоения рядовых общинников, являясь важным фактором классовообразования.

Существует точка зрения, что, подобно Луристану, скотоводческие племена издавна населяли Центральную Анатолию⁴⁵. Приведенные количественные данные по погребениям этого региона пока не подтверждают высказанное предположение. Количество могил с оружием в Центральной Анатолии такое же, как и в других сельскохозяйственных регионах Ближнего Востока, что скорее свидетельствует о сельскохозяйственном характере хозяйства центральноанатолийского населения⁴⁶. Впрочем, степень изученности этого региона еще недостаточна для окончательных выводов. Проблема может быть решена только после полной публикации всего накопленного турецкими археологами материала по Центральной Анатолии.

Гораздо больше оружия найдено в захоронениях Западной Анатолии⁴⁷, но каталоги погребений не опубликованы. Западная часть Малой Азии в культурно-географическом отношении тяготеет к культурам бронзового века Киклад и Эллады, где уже в III тысячелетии до н. э. находки боевого оружия в могилах составляли массовое явление⁴⁸. Процесс классовообразования в этих регионах имел свою специфику, и рассмотрение ее выходит за рамки настоящей работы.

Проведенный анализ захоронений древних земледельцев Юго-Западной Азии не подтверждает тезис о универсальности войны в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Война как фактор классовообразования играла важную роль в древневосточных обществах со скотоводческой экономикой, в то время как в среде оседлых земледельцев Передней Азии значение этого фактора было ограничено.

¹ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы.— В кн.: Исследование по общей этнографии. М., 1979, с. 137—138.

² Мэфкс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 164.

³ Хазанов А. М. Классообразование..., с. 138.

⁴ Там же, с. 138.

⁵ Алексин В. А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя).— В кн.: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981, с. 18—19.

⁶ Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка).— В кн.: VII Междунар. конгр. доисториков и протосториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966, с. 154—165.

⁷ Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran plain.— Memoires of the Museum of Anthropology University of Michigan, Ann Arbor, 1969, 1, p. 247—255.

⁸ Mellaart J. Catal Hüyük. A neolithic town in Anatolia. London, 1967, p. 204—209.

⁹ Herzfeld E. Die vorgeschichtlichen Töpferereien von Samarra.— In: Die Ausgrabungen von Samarra. Berlin, 1930, Bd. 5, S. 1—4.

¹⁰ Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Paris, 1938, vol. 1, p. 10—11.

¹¹ Berghe van den L. La necropole de Nakalan.— Archeol., 1973, N 57, p. 49—58.

¹² Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Большаков О. Г. и др. Исследования раннеземледельческих памятников в Северной Месопотамии.— АО 1970 г. М., 1971, с. 452—453.

¹³ Раскопки Каракумской экспедиции под руководством В. М. Массона. Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность В. М. Массону за возможность использовать в работе материалы неопубликованных захоронений.

¹⁴ Schmidt E. Excavations at tepe Hissar, Philadelphia, 1937, p. 62—87, 232—261; *Idem*. Tepe Hissar. Excavations 1931.— MJ, 1933, vol. 23, N 4, p. 440.

¹⁵ Stein A. Archaeological Reconnaissances in North—Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, p. 119—122; Tosi M. A Tomb from Damin and the problem of the Bampur Sequence in the third Millenium BC.— East and West, 1970, vol. 20, p. 9—51.

¹⁶ Contenau G. Ghirshman R. Fouilles du tepe Giyan. Paris, 1935, p. 31—37.

¹⁷ *Ibid.*, p. 108—111.

¹⁸ Wulsin T. R. Excavations at Tureng tepe near Asterabad.— Suppl. Bull. Amer. Inst. for Persian Art and Archaeol., 1932, March, vol. 2, N 1 bis, whole N 3, p. 7—12.

¹⁹ Berghe van den L. La necropole de Bani Surmah.— Archeologia, 1968, N 24, p. 54—55; *Idem*. Prospections archeologiques dans la region de Bard.— Archeologia, 1970, N 36, p. 15; *Idem*. Le Luristan a l'Age du Bronze.— Archeologia, 1973, N 63, p. 26—34; *Idem*. Recherches archéologiques dans le Luristan.— IA, 1972, IX, p. 23—35; *Idem*. Excavations in Luristan. Kaley Nisar.—

- Bull. of the Asia Institute of Pahlavi University Shiraz, 1973, N 3, p. 25—38.
- ²⁰ *Ozgüc T.* Die Bestattungsbrauche im vorderschichtlichen Anatolien. Ankara, 1948, S. 19.
- ²¹ *Bittel K.* Beiträge zur kleinasiatischen Archäologie.—Afo, 1936, Bd. XI, 1/2, S. 42.
- ²² *Mellink M.* Archaeology in Asia Minor.—AJA, 1966, vol. 70, N 2, p. 148.
- ²³ *Kosay H., Akok M.* Ausgrabungen von Büyük.—Güllücek. Ankara, 1957, s. 50, Tf. IV.
- ²⁴ *Loon van M.* The Excavations at Korucutepe, Turkey, 1968—70. Preliminary Report.—JNES, 1973, vol. 32, N 4, p. 360—361.
- ²⁵ *Alkim U. B., Alkim H.* Excavations at Gedikli.—Belleten, 1966, vol. 30, N 117, p. 47—51.
- ²⁶ *Woolley L.* Carchemish, Part III. London, 1952, p. 218—222; *Idem.* Hittite burial Customs.—AAA, 1914, vol. 6, N 3, p. 89—91.
- ²⁷ *Mallowan M. E., Rose J. C.* Prehistoric Assyria. The excavations at tall Arpaçchayah. London, 1935, p. 38—42.
- ²⁸ *Woolley L.* Ur Excavations, vol. IV: The Early Period. Philadelphia, 1955, p. 21, 87—89.
- ²⁹ *Mallowan M. E.* The Excavations at tall Chagar Bazar and an archaeological Survey of the Habur region, 1934—35.—Iraq, 1936, vol. 3, p. 58—59; *Idem.* The Excavations at Tall Chagar Bazar.—Iraq, 1937, vol. 4, p. 126—127.
- ³⁰ *Heinrich E.* Fara. Ergebnisse der Ausgrabungen der Deutschen Orientgesellschaft in Fara und Abu Hatab 1902/03. Herausgeben von W. Andrae. Berlin, 1931, S. 17—20.
- ³¹ *Delougaz P., Hill H. D., Lloyd S. L.* Private Houses and Graves in the Diyala Region.—OIP, 1967, vol. 88, p. 114—133.
- ³² *Woolley L.* Ur Excavations, vol. 2: The Royal Cemetery. London, 1934, p. 412—480; *Idem.* Ur Excavations, vol. 4..., p. 39—40, 127—133; *Nissen H. J.* Zur Datierung des Königstriedhofes von Ur. Bonn, 1966.
- ³³ *Moorey P. R. S.* Cemetery «A» at Kish: Grave Groups and Chronology.—Iraq, 1970, vol. 32, p. 89—126.
- ³⁴ *Woolley L.* Ur Excavations vol. 1: Al-Ubaid. Oxford, 1927, p. 142—154, 172—203.
- ³⁵ *Ozgüc T.* Ausgrabungen in Kültepe, 1948. Ankara, 1950, s. 161—163; *Idem.* Ausgrabungen in Kultepe, 1949. Ankara, 1953, S. 150; *Idem.* Kültepe-Kanis. Ankara, 1959, S. 73, 77.
- ³⁶ *Péquart M. S.-J., Boule M., Vallois H.* Tevieg station necropole mesolithique du Morbihan.—AIPH, 1937, vol. 18, p. 25—59; *Péquart M., et S.-J. Hoedic.* Deuxieme station-necropole du mesolithique cotier armorican. Paris, 1954, p. 28—60; *Albrethsen S. E., Petersen E. B.* Excavation of a Mesolithic Cemetery of Vedbaek, Denmark.—Ac Arch., 1976, vol. 47, p. 1—28.
- ³⁷ *Оппенгейм А. Лео.* Древняя Месопотамия. М., 1980, с. 157, 376—378.
- ³⁸ *Массон В. М.* Типология древних городов и исторический процесс.—В кн.: Древние города: Материалы к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977, с. 5—7.
- ³⁹ *Алекшин В. А.* Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977, с. 12.
- ⁴⁰ *Хазанов А. М.* Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества.—В кн.: Первобытное общество (основные проблемы развития). М., 1975, с. 126.
- ⁴¹ *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964, с. 227—229.
- ⁴² *Mortensen P.* A Survey of Prehistoric Settlements in Northern Luristan.—Ac Arch., 1975, vol. 45, p. 33; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980, с. 238—239.
- ⁴³ *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства.—В кн.: Конф. «Возникновение раннеклассового общества»; Тез. докл. М., 1973, с. 2—3.
- ⁴⁴ *Хазанов А. М.* Разложение..., с. 127—128.
- ⁴⁵ *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства..., с. 3.
- ⁴⁶ Захоронения с оружием Аладжи-Гююка в работе не рассматриваются, поскольку они являются погребениями вождей, тогда как нас интересует в первую очередь степень вооруженности рядовых общинников. К тому же вопрос об автохтонности населения, оставившего некрополь в Аладже-Гююке, еще не решен окончательно. Не исключено, что эти скотоводческие, как считает Б. Б. Пиотровский, племена сравнительно поздно попадают на центральноанатолийское плато, издавна населенное земледельцами (памятники типа Алишар, Кюль-тепе).
- ⁴⁷ *Bittel K.* Ein Graberfeld der Jortankultur bei Babakoy.—AFO, 1939, Bd. 13, 1/2, s. 1—20; *Idem.* Einige Kleinfunde aus Mysien und aus Kilikien.—Ist. Mit. 1956, 6, s. 114, fig. 1—7, s. 117, fig. 8—10; *Mellink M.* Excavations at Karatasemayük.—AJA, 1964, vol. 68, N 3, p. 271—277; 1965, vol. 69, N 3, p. 243—250; 1967, vol. 71, N 3, p. 253—256; 1968, vol. 72, N 3, p. 253—260; 1969, vol. 73, N 3, p. 321—327.
- ⁴⁸ *Блаватская Т. В.* Черты военной демократии в обществах Элады III—II тысячелетия до н. э.—В кн.: Конф. «Возникновение раннеклассового общества». М., 1973, с. 12—21.

КАВКАЗСКИЕ ДУГОВИДНЫЕ ФИБУЛЫ
РАННЕЖЕЛЕЗНОЙ ЭПОХИ

Дуговидные бронзовые фибулы являются одним из наиболее ярких компонентов культуры, характеризующей колхидско-кобанскую металлургическую провинцию в эпоху ее расцвета. Довольно часты находки таких фибул и в синхронных комплексах Восточного Закавказья. До сих пор, однако, единого взгляда на хронологию и генезис кавказских фибул не сложилось.

Наиболее распространена точка зрения, согласно которой рассматриваемые фибулы появились на Кавказе во второй половине — конце II тысячелетия до н. э. (Р. Вирхов, Е. Шантр, Ф. Ганчар, Х. Блинкенберг, Г. К. Ниорадзе, И. Зундвал, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов, Р. М. Абрамишвили, О. Д. Лордкипанидзе, Б. В. Техов и др.)¹, причем в качестве прототипов кавказских фибул указываются то «субмикенские» греческие (Х. Блинкенберг, Г. К. Ниорадзе, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов, О. Д. Лордкипанидзе и др.), то итальянские (Е. Шантр, Р. Вирхов и др.) фибулы. Ряд исследователей ограничивает период бытования этих фибул на Кавказе рамками VIII—VI вв. до н. э. (П. С. Уварова, А. Калитинский, О. В. Мускарелла, Л. Н. Панцхава и др.)². Особняком в вопросе происхождения кавказских фибул стоит Б. В. Техов: «Нам кажется, — пишет он, — что кавказская дугообразная фибула возникла на местной кавказской почве... Может быть, через Колхиду эта форма проникла в Грецию в конце XII—XI вв. до н. э.»³.

Типологические кавказские фибулы подразделяются на фибулы: 1) с гладкой или орнаментированной дужкой круглого сечения (рис. 1, 6—8); 2) с орнаментированной или гладкой дужкой круглого сечения, имеющей утолщения у перехода к пружине и приемнику (рис. 2, 8, 9), и 3) с витой дужкой (рис. 3, 6—8). Производными от первого и второго типов являются фибулы с дужкой ромбического сечения (рис. 1, 20; 2, 17).

Фибулы первого типа по происхождению связаны со смычковыми фибулами с прямой спинкой, получившими распространение в Италии и Греции на заключительном этапе позднемикенского периода (PMIII), т. е. в XIII—XII вв. до н. э. (рис. 1, 1, 2, 17)⁴. Наиболее ранние едетонкопроволочные дуговидные фибулы первого типа появляются в Средиземноморье в XI в. до н. э., фиксируясь в Италии (Протовилланова) и Сицилии (Панталича II) в комплексах второй половины XI—X вв. до н. э. (рис. 1, 9, 10)⁵, а в Греции с керамикой протогеометрического стиля (рис. 1, 3)⁶. Наиболее близки к кавказским по форме и орнаменту средиземноморские фибулы IX—VIII вв. до н. э., распространившиеся в Греции в эпоху геометрического стиля (рис. 1, 4)⁷, а в Сицилии и Италии характеризующие множество комплексов в могильниках Панталича III, Тарквиния I, Терни II, Есте I, Кумы I, Болонья II и др. (рис. 1, 11—13)⁸. На Ближнем Востоке фибулы этого типа распространяются с VIII в. до н. э. и доживают до 500 г. до н. э. (рис. 1, 5)⁹. Фибулы этого типа с дужкой ромбического сечения в Греции получили распространение в геометрическую эпоху (рис. 1, 18)¹⁰, но на Кавказе они известны пока лишь в комплексах конца VII—VI вв. до н. э. (рис. 1, 19)¹¹.

Кавказские дуговидные фибулы первого типа в своем развитии переживают ряд стадий. Наиболее ранние имеют сравнительно тонкую плавно изогнутую дужку, украшенную поясками круговых нарезок и елочного орнамента (рис. 1, 6). Эти фибулы в комплексах (Тли — 23а, 37, 52, 64, 83, 115 и др.)¹² сочетаются с топорами и другими изделиями, украшенными гравировкой в более или менее натуралистической манере, характеризующей раннюю стадию колхидско-кобанского искусства, что в сочетании с другими элементами комплексов (кинжалы с пламевидными

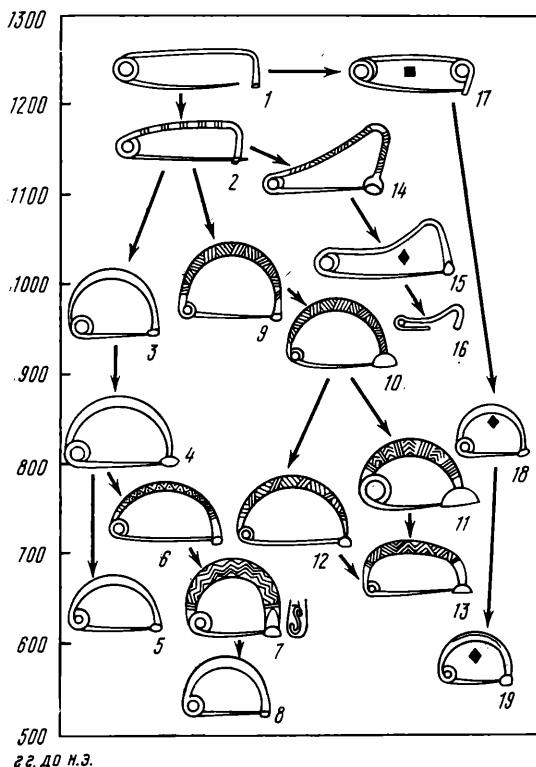

Рис. 1. Эволюция фибул первого типа

1, 3, 4, 18 — Греция; 2, 9—13, 14, 15 — Италия; 5 — Нимурд; 6—8, 19 — Кавказ

фибулами в XIII—XII вв. на территории Греции (рис. 2, 1)¹⁷ и Италии (рис. 2, 10)¹⁸. Производными от них являются «триангулярные» и асимметричные фибулы, бытовавшие в Средиземноморье в XII—IX вв. до н. э. (рис. 2, 2, 3)¹⁹, и так называемый «островной» тип греческих фибул, существовавших на территории Греции до VII в. до н. э. (рис. 2, 5)²⁰ и отсюда распространившихся по всему Ближнему Востоку, где подобные фибулы в различных вариантах бытовали в VIII—VII вв. до н. э. (рис. 2, 6)²¹. В Италии и Сицилии наиболее ранние дуговидные фибулы рассматриваемого типа появляются на стадии Панталича II (вторая половина XI—X вв. до н. э. (рис. 2, 11, 13)²² и бытуют здесь до IX—VIII вв. до н. э. (рис. 2, 14, 15)²³. Из европейских фибул к кавказским наиболее близки балканские IX—VIII вв. до н. э. (рис. 2, 12)²⁴. Но наибольшее сходство с кавказскими имеют фибулы, известные по ряду урартских комплексов конца VIII—VII вв. до н. э. (рис. 2, 7)²⁵. Фибулы этого типа с дужкой ромбического сечения получают распространение в Греции в протогеометрическую эпоху (рис. 2, 16)²⁶, но в кавказских комплексах встречаются пока лишь в конце VII—VI вв. до н. э. (рис. 2, 17)²⁷.

Фибулы второго типа бытовали на Кавказе, по-видимому, одновременно с массивными фибулами первого типа, т. е. в конце VIII—VII вв. до н. э.²⁸ В конце VII—VI вв. дужка этих фибул становится тонкой и утрачивает орнаментацию (рис. 2, 9)²⁹. В Северо-Западной Колхиде найдено несколько фибул этого типа, украшенных гроздьями стерженьков с утолщениями на концах³⁰. Аналогичное оформление имели греческие культовые подвески конца VIII—VII в. до н. э.³¹ и фибулы, распространившиеся в Италии после основания там греческих городов (с конца VIII в. до н. э.)³². В Кубанском могильнике найдены фибулы, украшен-

клинками, браслеты со спиральными концами и др.) определяет их дату в рамках VIII—начала VII в. до н. э.¹³ Позднее эти фибулы приобретают более массивную с крутым изгибом дужку и плоский приемник, часто украшенный снаружи гравированными изображениями животных (комплексы Тли—86, 98, 160, 165, 202, 228, 229, 231, 234, 249, 254, 262, 264, 285 и др.)¹⁴. Сопровождающий инвентарь (топоры, кинжалы прямого контура, пряжки и др.), как и манера исполнения животных в S-видной схеме, характерной для позднего этапа развития колхидско-кобанского орнамента, определяют дату этих фибул в рамках VII в. до н. э.¹⁵ В конце VII—VI вв. дужка таких фибул вновь становится тоньше и утрачивает гравированный орнамент (комплексы Тли—68, 85, 129, 130, 139 и др.) (рис. 1, 8)¹⁶.

Дуговидные кавказские фибулы второго типа обнаруживают связь по происхождению со смычковыми фибулами поздненимойского времени, бытовавшими

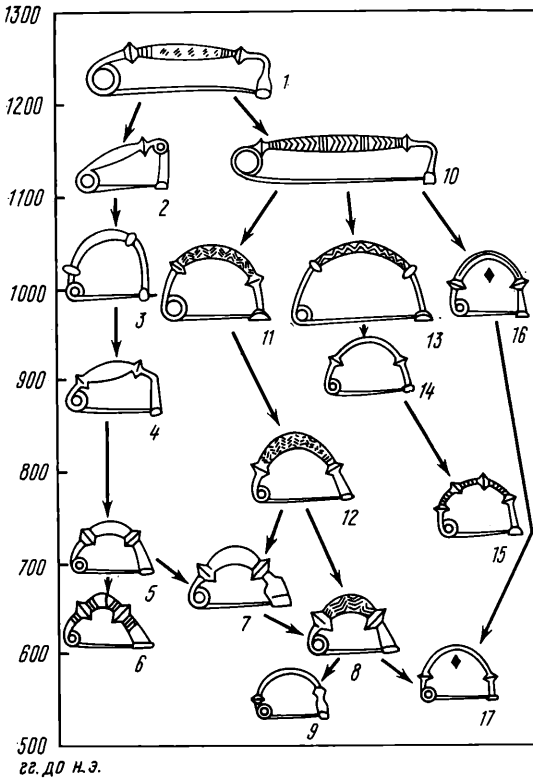

Рис. 2. Эволюция фибул второго типа

1—5, 16 — Греция; 6 — Богазкей; 7 — Урарту; 8, 9, 17 — Кавказ; 10, 11, 13—15 — Италия и Сицилия; 12 — Югославия

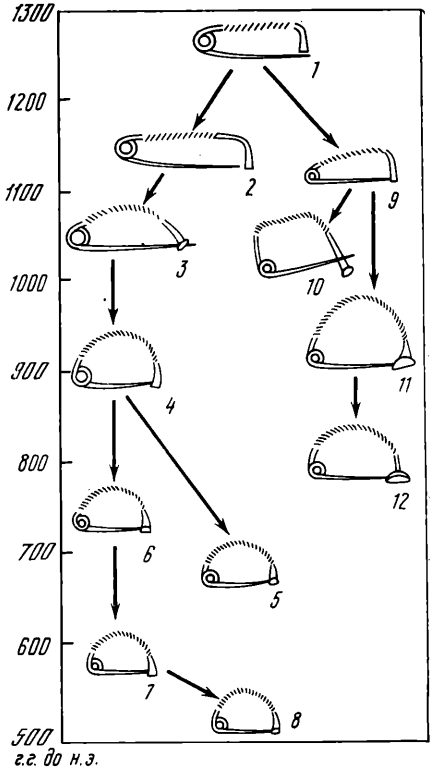

Рис. 3. Эволюция фибул третьего типа

1, 9—12 — Италия и Сицилия; 2—4 — Греция; 5 — Богазкей; 6—8 — Кавказ

ные тремя скульптурными головками козла³³. Среди итальянских фибул VII в. известны экземпляры, украшенные тремя фигурками птиц³⁴.

Фибулы третьего типа по происхождению связаны с застежками позднемикенского времени, широко бытовавшими в Италии и Греции в XIII—XII вв. до н. э. (рис. 3, 1, 2, 9)³⁵. Наиболее ранние дуговидные фибулы в Греции появились в субмикенское время (рис. 3, 3)³⁶ и существовали здесь до раннеархаического времени (рис. 3, 4)³⁷. На территории Италии такие фибулы фиксируются в памятниках XI—VIII вв. до н. э. (рис. 3, 10—12)³⁸, а в Югославии близкие к кавказским формы представлены в комплексах 800—750 гг. до н. э.³⁹ В VIII в. до н. э. через Грецию они проникают в Малую Азию (рис. 3, 5)⁴⁰. В памятниках колхидско-кавказского круга они бытуют одновременно с двумя другими типами. Они были достаточно популярны и в Восточном Закавказье, где характеризуются комплексы типа Самтавро/591 (Байэрна), датируемые одними исследователями VIII—VII вв. до н. э.⁴¹, другими — XI—X вв. до н. э.⁴² Однако последняя дата, основанная на мнении, что «подобные фибулы в Греции... встречаются только в XII—X вв. до н. э.»⁴³, не подтверждается другими элементами комплекса. Бронзовые мечи, орнаментация пояса, рубчатые браслеты, восточно-кавказская секира объединяют погребение 591 с материалами мастерской из Двина, разрушение которой убедительно связывается с одним из набегов урартов во второй половине VIII в. до н. э. (возраст памятника по C₁₄—720±70 гг. до н. э.)⁴⁴. На VIII—VII вв. до н. э. указывают и другие компоненты комплекса Самтавро 591: плоские наконечники стрел с отверстием⁴⁵, плоский топор с боковыми выступами⁴⁶, роликовая застежка⁴⁷ и др.

В Северном Причерноморье известно менее десятка фибул рассматриваемого времени, большинство которых относится к заключительной

стадии белозерского этапа, определяемого 1150—900 гг. до н. э.⁴⁸ или, что представляется более обоснованным, 1050—750 гг. до н. э.⁴⁹ В этом отношении особенно показателен пример смычковых «триангулярных» фибул, подобные которым в Болгарии встречены в одних комплексах с фибулами VII—VI вв. до н. э.⁵⁰ Из северопричерноморских фибул к ранним кавказским близка асимметричная фибула из Степного⁵¹, которая, как и отнесенная к кругу «киммерийских» памятников фибула с дужкой ромбического сечения, указывает один из возможных путей проникновения фибул на Кавказ. С кавказскими типологически не связана древнейшая из известных на Северном Кавказе проволочная прогнутая фибула (рис. 1, 16), восходящая к сицилийским фибулам XII—X вв. до н. э. (рис. 1, 14, 15).

Итак, все сказанное позволяет утверждать, что в генезисе кавказских дуговидных фибул основную роль сыграли европейские, в первую очередь греческие и итальянские, фибулы, образовавшие на Кавказе свой локальный северо-восточный вариант⁵². Явная связь кавказских фибул с кругом средиземноморских памятников IX—VIII вв. до н. э. определяет дату их проникновения на Кавказ скорее всего в рамках VIII в. до н. э. Эта дата соответствует времени расцвета колхидско-кобанской культурной общности, устанавливаемой в рамках VIII—VII вв. до н. э.⁵³ Если фибулы первого типа на Кавказ могли проникнуть как через Северное, так и через Южное Причерноморье, то в отношении второго типа пока документируется путь только через Малую Азию и Урарту. Не исключено, что прототипы кавказских дуговидных фибул были занесены в Восточное Причерноморье греческими мореплавателями, регулярные плавания которых через Дарданеллы стали возможны и документируются с достаточным основанием именно с VIII в. до н. э.⁵⁴

¹ Virchow R. Graberfunde von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883, S. 10, 26; Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase; t. 2. Paris—Lyon, 1885, p. 67—69; Hancâr F. Kaukasus—Luristan.—ESA, IX, 1934, S. 89; Blinkenberg C. Fibules grecques et orientales. Det Danske Videnskabernes. Selskab. Historisk—filologicke Meddelelser, Bd. XIII, 1. Kobenhavn, 1926, p. 60—64. Ниорадзе Г. К. Земоавчальская могила.—ВГМГ, 1931, вып. 6, с. 202—227; Sundwall T. Die Alteren italischen fibeln. Berlin, 1943, Bd. 22—23; Кухтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе.—ВГМГ, 1944, вып. XII—В, с. 316; Крутных Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 103; Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.—ВГМГ, 1957, вып. XIX—А и XXI—В, 1957, с. 136; Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, с. 22—23; Техов Б. В. О появлении и развитии кавказской дугообразной фибулы.—Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 144—145.

² Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.—МАК, 1900, вып. VIII, с. 54, 361; Калигинский А. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études a la memorie de N. P. Kondakov. Prague, 1926, с. 57; Muscarella O. W. A Fibula from Hasanlu.—AJA, 1965, vol. 69, 3, p. 238—240; Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла Колхидской

и Кобанской культур: Автореф. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975, с. 21—29.

³ Техов Б. В. О появлении..., с. 147.

⁴ Stronach D. The development of the fibula in the Near East.—Iraq, 1959, vol. 21, N 2, p. 182, fig. 1, 1, 2; Sapouna-Sakellarakis E. Die Fibeln der griechischen Inseln.—PBF, 1978, 14, N 4, S. 35, 36.

⁵ Müller-Karpe H. Beitrage zur Chronologie der urnenfelderzeit Nördlich und südlich der Alpen.—RGF, 1959, Bd. 22, S. 204, 208, Abb. 32, 35.

⁶ Sapouna-Sakellarakis E. Die Fibeln..., S. 42—45, Taf. 3, 54, 59.

⁷ Ibid., S. 48, Taf. 5, 144.

⁸ Müller-Karpe H. Beitrage zur Chronologie..., S. 209, 228. Abb. 43, 1, 4, 10; 45, 2; 46, 1; 47, 1; 48, 1; 49, 5, 6. Верхняя дата перечисленных комплексов ограничивается основанием в Италии и Сицилии древнегреческих городов (Сиракузы, Кумы и др.), которое произошло, согласно источникам, в 734—731 гг. до н. э. (Ibid., S. 40, 228). Нижняя же дата комплексов с рассматриваемыми фибулами в окрестностях, например Кум, определяется греческими сосудами с росписью геометрического стиля конца IX—начала VIII в. до н. э. (Ibid., S. 40, 41, Taf. 16B, I). Поэтому дата рассматриваемых памятников в рамках 850—730 гг. до н. э. представляется наиболее обоснованной (Bernabo-Brea L. La Sicilia preistorica.—Escusa Espanola de Roma, Ser. Arg. Roma, 1954, p. 191; Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981, с. 73—74).

- ⁹ *Stronach D.* The development..., p. 185, 186, Fig. 2,2.
- ¹⁰ *Техов Б. В.* Тлийский могильник.— Тбилиси, 1980, табл. 39; 43,1; 46; 49; 60; 70.
- ¹¹ *Панцхава Л. Н.* К истории художественного ремесла..., с. 22—29; *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 200—210.
- ¹² *Техов Б. В.* Тлийский могильник, табл. 61; 64; 83, 84, 89, 95, 98, 100—103, 106, 108, 110, 113, 114, 117.
- ¹³ *Панцхава Л. Н.* К истории художественного ремесла..., с. 26; *Воронов Ю. Н., Гунба М. М.* Новые памятники колхидской культуры в Абхазии.— СА, 1978, № 2, с. 264.
- ¹⁴ *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М., 1980, рис. 2,11,12; 4,17; 9,4; 10,14; 11,3.
- ¹⁵ *Sarouna-Sakellarakis E.* Die Fibeln..., S. 36, Taf. 1,6.
- ¹⁶ *Техов Б. В.* Скифы..., рис. 18,1; 20,1.
- ¹⁷ *Sarouna-Sakellarakis E.* Die Fibeln..., S. 36, Taf. 1,6.
- ¹⁸ *Müller-Karpe H.* Beitrage zur Chronologie..., S. 23, Abb. 26,1.
- ¹⁹ *Stronach D.* The development of the fibula..., p. 182, Fig. 1, 3, 5.
- ²⁰ *Sarouna-Sakellarakis E.* Die Fibeln..., s. 72. Taf. 20, 616d; *Georghis V.* Excavations in the necropolis of Salamis, I.—Salamis, 1967, vol. 3, S. 88; Pl. CXLI, 7, 18, 19.
- ²¹ *Stronach D.* The development of the fibula..., p. 192, Fig. 6,4—6; *Boehmer R. M.* Die Kleinfunde von Boğazkoj. Berlin, 1972, Taf. VIII, 161.
- ²² *Müller-Karpe H.* Beitrage zur Chronologie..., S. 228, Abb. 32,1; *Betzler P.* Die Fibeln in Süddeutschland, Österreich und der Schweiz, 1.—PBF, 1974, Bd. 14, N 3, S. 69—70, Taf. 14,143.
- ²³ *Müller-Karpe H.* Beitrage zur Chronologie..., S. 204, Abb. 33,3, Taf. 85D, 11.
- ²⁴ *Китановский Б.* Два гроба из Стари јег гвоздег доба Код Прилепа.— Старијар, N. S. Београд, 1961, т. 11, с. 213, св. 2, 4.
- ²⁵ *Маргиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 243, табл. XXIV, 1, 2; *Varney C. A.* A first season of excavations at the urartian citadelle of Kayalidere.— Anatolian Studies. London, 1966, vol. 16, p. 111, Fig. 23,7.
- ²⁶ *Sarouna-Sakellarakis E.* Die Fibeln..., S. 52, Taf. 7, 219.
- ²⁷ *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ..., рис. 14,10.
- ²⁸ *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях..., с. 202—209.
- ²⁹ *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ..., рис. 5,8; 13,9.
- ³⁰ *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XXXVII, 41.
- ³¹ *Bouzek T.* Graeco-Macedonian bronzes. Praha, 1973, Fig. 22—24.
- ³² *Müller-Karpe H.* Beitrage zur Chronologie..., S. 28, Taf. 8,16, 19.
- ³³ *Уварова П. С.* Могильники..., рис. 53.
- ³⁴ *Müller-Karpe H.* Beitrage zur Chronologie..., S. 99, Taf. 0; B, 1.
- ³⁵ *Müller-Karpe H.* Beitrage zur Chronologie..., S. 128, 227, Abb. 21,7; 26,14,15; *Sarouna-Sakellarakis E.* Die Fibeln..., S. 36, Taf. 1, 4, 5.
- ³⁶ *Sarouna-Sakellarakis E.* Die Fibeln..., S. 51, Taf. 7, 200.
- ³⁷ *Idem*, Taf. 6, 195a.
- ³⁸ *Sundwall T.* Die alteren italischen fibeln..., s. 268, 269, Abb. 72—77, 92.
- ³⁹ *Alexander J.* Jugoslavia before the Roman conquest. London, 1972, p. 104, Fig. 60.
- ⁴⁰ *Boehmer R. M.* Kleinfunde..., S. 50, Abb. 29g.
- ⁴¹ *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л., 1949, с. 62, табл. 5.
- ⁴² *Абрамишвили П. М.* К вопросу о датировке..., с. 136.
- ⁴³ Там же, с. 136.
- ⁴⁴ *Кушнарева К. Х.* Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977, с. 88, 107, рис. 48, 1, 2, 5.
- ⁴⁵ *Абрамишвили П. М.* К вопросу о датировке..., с. 136—137.
- ⁴⁶ *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях..., с. 205, рис. 2,27.
- ⁴⁷ *Членова Н. Л.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карауской общности.— В кн.: Искусство и археология Ирана: Докл. Всесоюз. конф. (1969). М., 1974, табл. XLI, 42—47; *Karageorghis V.* Excavations in the Necropolis of Salamis, I—in: «Salamis», Nicosia, 1967, vol. 3.
- ⁴⁸ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 208.
- ⁴⁹ *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— ПСА, 1971, с. 85—87; *Он же.* Курганы..., с. 73—74.
- ⁵⁰ *Мелюкова А. М.* Скифия и фракийский мир. М., 1979, с. 62.
- ⁵¹ *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 202—203, рис. 7.
- ⁵² *Muscarella O. W.* A Fibula from Hasanlu, p. 239—240.
- ⁵³ *Панцхава Л. Н.* К истории художественного ремесла..., с. 22—29; *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях..., с. 216—217.
- ⁵⁴ *Carpenter R.* The Greek penetration on the Black Sea.— AJA, 1948, vol. 52,1, p. 1—10; *Волгунова А. И.* Аргонавты и Колхида.— Мацне, 1976, № 3, с. 41—44.

О ХРОНОЛОГИИ РАННЕЙ ГРУППЫ ПОГРЕБЕНИЙ НИЖНЕ-ДЖУЛАТСКОГО МОГИЛЬНИКА

В настоящее время на территории Центрального Предкавказья известно четыре катакомбных могильника сарматского времени. Два из них — Нижне-Джулатский¹ и Чегемский² расположены в Кабардино-Балкарии, два — в районе Кавказских минеральных вод (Подкумский могильник близ г. Кисловодска³ и могильник в Железноводске, вещи из разрушенных погребений которого поступили в Пятигорский музей краеведения). Таким образом, все могильники, открытые за последние 15 лет, локализируются в предгорной зоне центральных районов Северного Кавказа. Ранее здесь были известны лишь отдельные разрозненные катакомбные погребения, датируемые первыми веками н. э.⁴, появление которых на Северном Кавказе связывалось с приходом сюда сармато-аланских племен, поскольку письменные источники впервые фиксируют алан на Кавказе в I в. н. э., во время их походов в Закавказье.

Значение Нижне-Джулатского могильника состоит в том, что это был первый на территории Северного Кавказа могильник, содержащий значительную группу катакомб с материалами, относящимися ко времени ранее рубежа нашей эры. Однако уточнение нижней даты могильника было затруднено целым рядом обстоятельств, среди которых два основных: 1) отсутствие четких хронологических показателей среди материалов III—I вв. до н. э. центральных районов Северного Кавказа и 2) почти полное отсутствие в материалах этого времени импортных изделий.

В ряде погребений ранней группы Нижне-Джулатского могильника найдены фибулы среднелатенского типа (одна целая и четыре во фрагментах), появление которых на юге европейской части СССР А. К. Амброс относил ко времени не ранее I в. до н. э.⁵ Это обстоятельство не позволило датировать эту группу погребений ранее I в. до н. э. Таким образом, для ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника была установлена дата I в. до н. э. — I в. н. э.⁶

Такая датировка этой группы погребений вызвала возражения. В. Б. Виноградов признавал раннюю дату (I в. до н. э.) лишь для группы грунтовых погребений Нижне-Джулатского могильника, для катакомб же эта дата не представлялась ему убедительной, по-видимому, потому, что он придерживался общепринятой точки зрения о появлении катакомбных погребений на Северном Кавказе с приходом сюда алан в I в. н. э. Поэтому, не учитывая представленные в работе комплексы и обоснования их датировок, В. Б. Виноградов склонен был и ранние катакомбы Нижне-Джулатского могильника датировать I в. н. э.⁷

Тем не менее материалы раскопок 1971 г. содержали комплексы (например, погребение 100), позволившие говорить о возможном укреплении нижней даты могильника на один век⁸; однако группу погребений этого времени в материалах могильника было трудно еще выделить из-за отсутствия, как отмечалось, четких хронологических признаков для погребений центральных районов Северного Кавказа последних веков до н. э.

Проведенные за последнее время планомерные раскопки, в частности на территории Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Ставрополя, способствовали появлению новых материалов, что позволило выделить группу предметов, характерных для погребального инвентаря населения центральных районов Северного Кавказа в последних веках до н. э. Эти материалы позволяют пересмотреть датировку ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника, выделив в ней две хронологические группы: 1) II—I вв. до н. э. и 2) I — начало II в. н. э.

Для выделения погребений ранней группы (II—I вв. до н. э.) большое значение имеют материалы могильника Ханкальского городища № 2

в Чечено-Ингушетии (V в. до н. э.—I в. н. э.)⁹. В этом могильнике значительную группу составляют погребения позднего этапа (II в. до н. э.—начало I в. н. э.)¹⁰, имеющие и по обряду и по инвентарю большую близость к погребениям ранних групп (V—IV и IV—III вв. до н. э.) этого же могильника. Ханкальский могильник, содержащий погребения в грунтовых ямах, рассматривается как памятник автохтонного населения¹¹. В инвентаре и деталях обряда погребений поздней группы наблюдается значительное сходство с погребениями ранней группы Нижне-Джуглатского могильника, а именно: наличие сосудов с гальками и сосудов с цепью, близость форм этих сосудов (особенно двуручных сосудов с гальками) на обоих могильниках, наличие в погребениях втульчатых наконечников стрел, колчаных крюков, однотипных пряжек с неподвижным язычком, некоторых типов фибул, бус и т. д.¹² Все это убедительно показывает синхронность погребений поздней группы Ханкальского могильника и погребений ранней группы Нижне-Джуглатского могильника и подтверждает возможность датировки последней II—I вв. до н. э.

Интересно отметить, что хронология Ханкальского могильника никогда никем не оспаривалась. Однако дата ранней группы погребений Нижне-Джуглатского могильника вызывала и продолжает вызывать возражения. Выше приводилось мнение В. Б. Виноградова, который, придерживаясь правильной датировки для погребений Ханкальского могильника¹³, находил возможным настаивать на датировке аналогичных комплексов Нижне-Джуглатского могильника временем не ранее I в. н. э. Эта его точка зрения была поддержана позднее его учениками Я. Б. Березиным и С. Н. Савенко, которые решили подкрепить фактическими данными тезис В. Б. Виноградова о том, что грунтовые могилы Нижнего Джуглата датируются более ранним временем, чем катакомбы, в качестве нижней даты которых предлагался I в. н. э.¹⁴ Авторы говорят, что в грунтовых могилах найдены только втульчатые наконечники стрел, а в катакомбах большой процент составляют и черепковые, что подтверждает их более позднюю дату; кроме того, в грунтовых могилах нет зеркал-привесок I в. н. э., а в катакомбах они представлены широко, что позволяет считать ранней датой катакомб I в. н. э.¹⁵

Можно сказать, что этот «большой процент» черепковых наконечников в катакомбах составляет 9,2%¹⁶, но этот процент дан по всем катакомбам ранней группы в целом; многие катакомбы, как видно из табл. IX и графических таблиц комплексов, содержали только втульчатые наконечники¹⁷. Зеркала-привески I в. найдены всего в шести катакомбах и не могут служить обоснованием для датировки всей группы катакомб.

Датировка ранней группы погребений Нижне-Джуглатского могильника подтверждается найденными в погребениях этой группы фибулами, представленными главным образом фрагментами (погребения 30, 37, 58, 96), но есть и целые экземпляры (погребение 114). Все они, по-видимому, относятся к фибулам среднелатенского типа. Одна из них с многовитковой пружиной имеет на спинке, обмотанной концом бронзовой проволоки, бочковидную сердоликовую бусину (погребение 96). Пружина и ножка фибулы обломаны (рис. 1, 1). Близкая по форме фибула с сердоликовой бусиной и восьмеркообразным завитком на спинке найдена в Ханкальском могильнике¹⁸. В. А. Петренко приводит в качестве аналогии для нее подобную фибулу из погребения II—I вв. до н. э. Чегемского могильника¹⁹, что делает возможным датировать этот тип фибулы с бусиной II—I вв. до н. э. В погр. 114 Нижне-Джуглатского могильника найдена хорошо сохранившаяся золотая фибула среднелатенского типа «с завязкой» (конец ножки обмотан вокруг дужки) (рис. 1, 2), а в погр. 37 — фрагменты фибулы подобного типа, по-видимому, со скрепкой (рис. 1, 3). Как отмечалось, А. К. Амброз считал возможным датировать найденные на территории СССР фибулы среднелатенского типа временем не ранее I в. до н. э., исходя из существующих датировок комплексов, в которых они были найдены. В последнее время появились новые материалы, позволяющие пересмотреть эту точку зрения, из некрополя Беляусского городища в Севе-

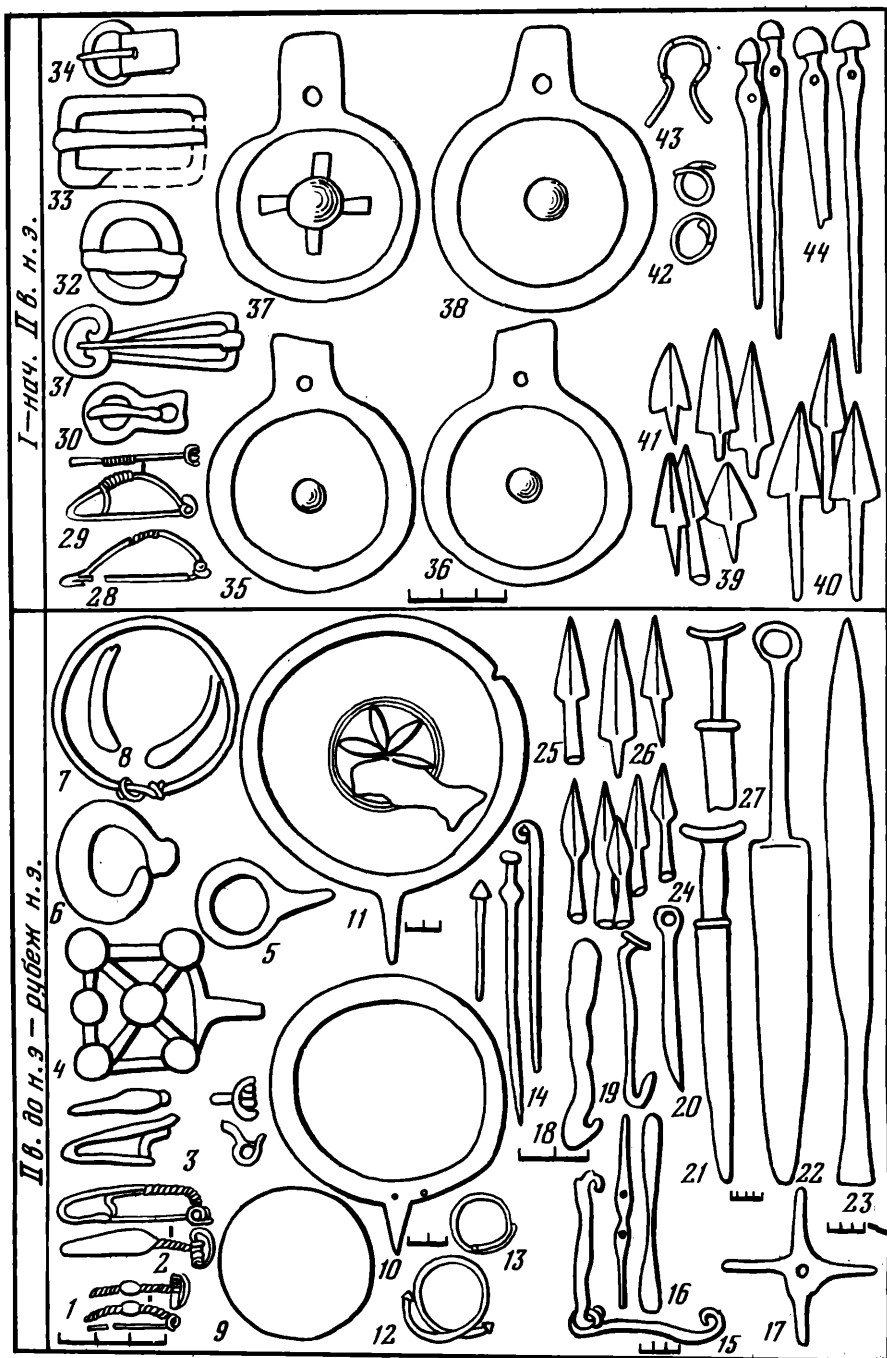

Рис. 1. Инвентарь катакомбных погребений II в. до н. э.— начала II в. н. э. Нижне-Джулатского могильника

ро-Западном Крыму (раскопки О. Д. Дашевской). Прделанная ею скрупулезная работа по датировке отдельных погребений в склепах с коллективными захоронениями позволила уточнить хронологию целого ряда фибул, в том числе и фибул среднелатенского типа, найденных на могильнике в большом количестве. Материалы Беляусского могильника позволяют ограничить время распространения фибул среднелатенского типа II—I вв. до н. э.²⁰ Такая же дата была определена В. П. Шиловым²¹ и поддержана А. С. Скрипкиным²² для фибул среднелатенского типа со скрепкой из сарматских погребений в Поволжье. Таким образом, имею-

щиеся на сегодняшний день материалы позволяют относить время распространения фибул среднелатенского типа на юге СССР ко II в. до н. э. Это еще раз подтверждает возможность датировать раннюю группу погребений Нижне-Джулатского могильника II—I вв. до н. э.

Всего на Нижне-Джулатском могильнике открыто 114 погребений, шесть из них относятся к эпохе бронзы, четыре — к скифскому времени, 23 могилы — к эпохе раннего средневековья²³. Оставшиеся могилы (81 погребение) можно, по-видимому, отнести к сарматскому времени. Из их числа 12 погребений не имеют точной даты из-за полного или почти полного отсутствия инвентаря, причем четыре погребения (45, 50, 80, 101) вообще относятся к сарматскому времени условно. Остальные восемь могил (10, 51, 71, 85, 93, 105, 106, 112) по тем или иным признакам можно отнести к сарматскому времени с большей вероятностью. Из этих могил два погребения (106 и 112) датируются I—III вв. н. э., причем погребение 106 относится, возможно, ко II—III вв., так как найденная в нем миска с клеймом имеет близкую аналогию в погребении 66 II—III вв. н. э.²⁴ Всего к этому периоду II—III вв. н. э. отнесено девять погребений Нижне-Джулатского могильника.

Оставшиеся шестьдесят погребений следует датировать от II в. до н. э. по начало II в. н. э. Из их числа большая часть (42 могилы)²⁵ относится к раннему периоду (II—I вв. до н. э.), что составляет 52% от общего числа могил сарматского времени (81), или 60,8% от числа датированных погребений этого времени (69). Ко второму периоду (I — начало II вв. н. э.) относится 18 могил²⁶, или соответственно 22 и 26%.

Погребения ранней группы представлены катакомбами и грунтовыми ямами. При публикации материалов могильника отмечалась условность отнесения погребений к той или иной группе, тем не менее к числу грунтовых могил раннего периода можно предположительно отнести восемь погребений²⁷, остальные погребения этой группы принадлежат к разряду катакомб.

Катакомбные погребения II—I вв. до н. э. датируются как отмечалось, фибулами среднелатенского типа, а также зеркалами большого размера с валиком по краю и короткой ручкой-штырем (рис. 1, 10—11), характерными для погребений III—I вв. до н. э. на широкой территории, главным образом сарматского мира. Из оружия в катакомбах этой группы найдены кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 1, 21, 27), характерные для сарматских памятников IV—II вв. до н. э.²⁸, а на Северном Кавказе доживающие до рубежа н. э.²⁹ В погребении 64 найден меч с кольцевым навершием и узкой длинной рукоятью (рис. 1, 22), более характерной для кавказских, чем для сарматских, мечей. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием распространяются в Заволжье в III—I вв. до н. э., однако считалось, что они появились на Северном Кавказе лишь в I в. до н. э.³⁰ К. Ф. Смирнов отнес меч из погребения 64 к группе мечей III в. до н. э. — рубежа н. э., являющихся, по его мнению, поздними дериватами мечей синдо-меотского типа³¹.

В 20 катакомбах этой группы найдены наконечники стрел (рис. 1, 24—26), в 18 из них — только втульчатые (в 12 погребениях — от 1 до 10 наконечников, в одном — 16, в четырех — от 20 до 35, в погребении 100 — 55 наконечников, в погребении 36 — 77 наконечников). В погребениях 37 и 40, которые можно датировать рубежом н. э., найдены колчаны с 50—70 втульчатыми наконечниками и 1—2 черешковыми. Лишь в погребении 29, относимом к ранней группе и содержащем до 13 костяков, рядом с последним по времени погребенным обнаружено 11 черешковых наконечников и один втульчатый. Это последнее захоронение относится уже к I в. н. э.

Кроме того, для погребений ранней группы характерны колчаные крюки, наконечники копий, удила с крестовидными и двудырчатыми псалиями, железные и бронзовые пряжки с неподвижным язычком, бронзовые и железные булавки, браслеты с перевязанными концами, височные привески в виде спирального кольца в 1,5—2 оборота (рис. 1, 4—8, 12—20,

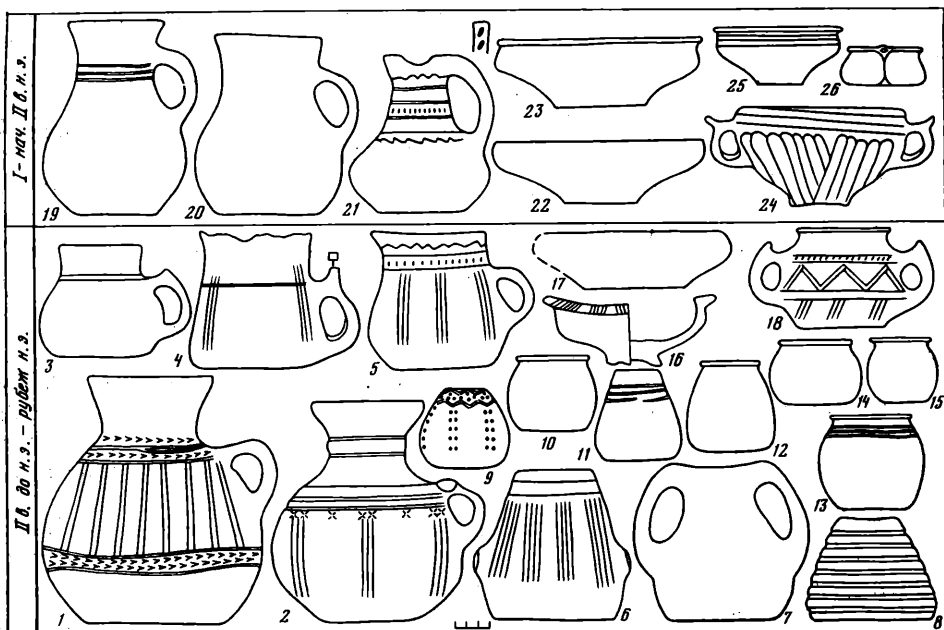

Рис. 2. Керамика из катакомбных погребений II в. до н. э.— начала II в. н. э. Нижне-Джулатского могильника

29), большое количество бус позднеэллинистического типа. Керамику характеризует наличие своеобразной группы ритуальных сосудов, в том числе четыре сосуда с гальками и углем (рис. 2, 6, 7, 9), шесть сосудов с железной цепью (рис. 2, 10–15) и один сосуд (погребение 100) с железной цепью и одной галькой (рис. 2, 8). Кроме того, в погребениях ранней группы хорошо представлены миски, кувшины и кружки (рис. 2, 1–5, 16–18). Керамика этой группы погребений более орнаментирована, чем в последующее время, в чем сказываются, очевидно, традиции предшествующего — скифского — времени.

К погребениям ранней группы относится захоронение коня в особой грунтовой яме, дно которой было покрыто слоем зеленой глины. Костяк коня лежал на левом боку головой на запад. На черепе его найдены железные удила с загнутыми в петлю концами и крестовидный псалий, среди ребер — железное кольцо. Захоронение коня связано, возможно, с погребением 89, рядом с которым оно находилось.

В целом, исходя из аналогий, погребения ранней группы можно было бы датировать III—I вв. до н. э., если бы не найденные в ряде могил этой группы фибулы среднелатенского типа, которые не позволяют расширить хронологические рамки раннего периода за пределы II в. до н. э.— рубежа н. э.

Ко II периоду (I—начало II в. н. э.) относятся 18 могил, из них только две грунтовые ямы (погребения 26 и 52) и 16 катакомб. Датировать погребения этой группы зеркала-привески с боковой петлей, массивным валиком по краю и утолщением в центре (рис. 1, 35–38), найденные в шести могилах, и бронзовая (погребение 59, рис. 1, 28) и серебряная (погребение 102, рис. 1, 29) проволочные одночленные фибулы с подвижным приемником. Из оружия в погребениях этого периода найдены только наконечники стрел (рис. 1, 39–41), либо втульчатые и черешковые (погребение 9: 17 втульчатых и 3 черешковых, у последнего костяка в погребении 29: 1 втульчатая и 11 черешковых), либо только черешковые (погребение 86: 20 наконечников, погребение 103: 14 наконечников). Пряжки, делавшиеся преимущественно из железа, были главным образом круглорамчатыми или прямоугольнорамчатыми с подвижным язычком (рис. 1, 32, 33); в двух могилах (погребения 8 и 27) найдены железные

фигурные пряжки (рис. 1, 30, 31). Из украшений имеются привески золотые в виде спирального кольца в 1,5 оборота — рис. 1, 42 — и бронзовая в виде неполного кольца с отогнутыми в разные стороны концами — рис. 1, 44, бусы и мелкие золотые нашивные бляшки и пронизи. В погребении 59 найдены четыре железные булавки с конической головкой (рис. 1, 49). Керамика представлена главным образом кувшинами и мисками (рис. 2, 19—26). Вся она довольно однообразна и мало орнаментирована. Исключение составляет набор сосудов из погребения 54 (рис. 2, 21, 24—26), близких по некоторым признакам к керамике Кавказской Албании³².

Таким образом, новые материалы позволили пересмотреть периодизацию погребений Нижне-Джулатского могильника, подтверждая высказанное ранее предположение о возможной датировке его со II в. до н. э. К раннему этапу (II—I вв. до н. э.) относится большая часть катакомб сарматского времени, открытых на Нижне-Джулатском могильнике.

- ¹ *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
- ² *Кеферов Б. М., Нагоев А. Х.* Раскопки в зоне Чегемской оросительной системы. — АО 1975 г. М., 1976, с. 123—124.
- ³ *Абрамова М. П.* Могильник у ст. Подкумок близ Кисловодска. — АО 1972 г. М., 1973, с. 106—107.
- ⁴ *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 13; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 71—76.
- ⁵ *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР. — САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 13, 21—22.
- ⁶ *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник, с. 13—16.
- ⁷ *Виноградов В. Б., Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. /Реп. Нальчик, 1972. — СА, 1975, № 1, с. 306.
- ⁸ *Абрамова М. П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 67—70.
- ⁹ *Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.* Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии. — АО 1968 г. М., 1969, с. 86.
- ¹⁰ *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* Раскопки Второго Ханкальского городища. — АО 1970 г. М., 1971, с. 114—115; *Петренко В. А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980, с. 12.
- ¹¹ *Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.* Новые памятники..., с. 86; *Петренко В. А.* Культура населения..., с. 11—12.
- ¹² *Петренко В. А.* Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке. — СА, 1980, № 1, с. 278, рис. 2, 3; *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник, с. 64, рис. 3, 22—26; рис. 4, 1—60, 66—80, рис. 5, 1—75, рис. 6, 1—30, 61—71, рис. 7, 1—39, 72—76, рис. 12, 8—44.
- ¹³ *Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.* Новые памятники..., с. 86.
- ¹⁴ *Березин Я. Б., Савенко С. Н.* К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе. — В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 40.
- ¹⁵ Там же, с. 40.
- ¹⁶ *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник, с. 22, табл. XII.
- ¹⁷ Там же, с. 16, 63—68, 73—74.
- ¹⁸ *Петренко В. А.* Об одной из разновидностей..., с. 278, рис. 2, 27.
- ¹⁹ Там же, с. 277.
- ²⁰ *Михлин Б. Ю.* Фибулы Беляусского могильника. — СА, 1980, № 3, с. 197—200.
- ²¹ *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, с. 438.
- ²² *Скрипкин А. С.* К датировке некоторых типов сарматского оружия. — СА, 1980, № 1, с. 275.
- ²³ *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник, с. 5, 40.
- ²⁴ Там же, с. 69, рис. 8, 50.
- ²⁵ Погребения 7, 12, 13, 19, 22, 23, 25—32, 36—37, 40, 41, 44, 46, 47, 49, 58, 60—62, 64, 73, 82, 87, 89, 92, 94, 96, 98—100, 104, 107, 111, 114.
- ²⁶ Погребения 8, 9, 21, 27, 39, 52—54, 57, 59, 65, 72, 81, 86, 88, 102, 103, 109.
- ²⁷ Погребения 7, 13, 25, 31, 32, 87, 92, 111.
- ²⁸ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 34, табл. 18, 19.
- ²⁹ *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 5—6, рис. 1.
- ³⁰ *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 10.
- ³¹ *Смирнов К. Ф.* О мечах синдо-меотского типа. — КСИА, 1980, вып. 162, с. 42—43, рис. 3, VIa.
- ³² *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. — СА, 1979, № 2, с. 43.

ОБОЛ КУШАНЦА «ГЕРАЯ» ИЗ ДИЛЬБЕРДЖИНА

В 1977 г. в Северном Афганистане при раскопках большого здания в западной части городища Дильберджин, на нижнем полу древнейшей части постройки¹, которая имела, по-видимому, культовое назначение, были найдены две монеты: бронзовая — варварское подражание тетрадрахме Гелиокла² и серебряная — обол «Герая» (рис. 1, а, б).

Варварские подражания тетрадрахмам Гелиокла неоднократно находили на территории Бактрии³. Значительно реже там встречались монеты Герая⁴.

Эти серебряные монеты, известные в двух номиналах — крупные тетрадрахмы (диаметр 28—30 мм, вес 11,86—16 г)⁵ и мелкие оболочки (диаметр 9,5—12 мм, вес 0,42—0,71 г), давно привлекли внимание нумизматов. О них имеется довольно значительная литература, анализ которой дан в работе А. Н. Зографа «Монеты Герая», опубликованной в Ташкенте в 1937 г. Позднее вопрос об этих монетах неоднократно поднимался вновь в связи с новыми находками и исследованиями.

Перси Гарднер опубликовал в 1874 г. первую тетрадрахму с изображением бюста правителя на лицевой стороне и всадника с коронующей его Никой на оборотной. Вокруг всадника и под ногами его лошади на тетрадрахме была надпись, состоявшая из греческих букв и вертикальных черточек. Гарднер восстановил ее как: *Ἡρανοῦντος Ἡραὸν Σάκκα κοράνον*. При этом второе слово — «Герай», или «Эрай», он считал именем сакского царя, ранее из исторических источников неизвестного, который правил, по его мнению, к северу от Гиндукуша между 128 г. до н. э. и серединой I в. до н. э.⁶

Против такого чтения надписи выступил А. Кэннингхем⁷. В его распоряжении было уже «поддюжины тетрадрахм и 13 обол» и ни на одной из монет он не нашел слова «сак». На обол»ах же, где надпись была короче и содержала только два слова, А. Кэннингхем прочел имя *Miaius*, или *Miaius*, а не *Neгаüs*, которое он ранее, так же как и П. Гарднер, читал на тетрадрахмах⁸.

Кэннингхем опубликовал шесть обол»ов, на лицевой стороне которых изображен бюст правителя, близкий, хотя и не идентичный, чеканившимся на лицевой стороне тетрадрахмам, а на оборотной — стоящая мужская фигура вправо с двумя поднятыми руками и греческая легенда из двух слов по обеим сторонам фигуры⁹. В надписи одно из слов содержало имя, пять разных вариантов которого отличались написанием первой буквы. В трех случаях первая буква походила на «М» прямое или перевернутое. Это и позволило Кэннингхему прочесть имя: *Miaius* или *Miaüs*. Вторым словом было *KOPCANOY* (*KOPPANOY*, *KOIIANOY*) и т. д. Его Кэннингхем вслед за Ольденбергом считал ранним воспроизведением племенного имени *Kushâns*¹⁰, позднее появляющимся на монете Куджулы Кадфиза.

Итог дискуссии об атрибуции этих монет подвел А. Н. Зограф. Он изложил существующие точки зрения на эти монеты, подробно разобрал надпись на тетрадрахмах и, сопоставив ее с надписью на обол»ах, пришел к выводу, что имя, встречающееся на монетах обоих номиналов, скорее всего следует читать как *HPAOY*, хотя это и не безусловно. Вместе с тем и для предложенного Кэннингхемом чтения *MIAOY* и для отнесения на основании этого монет к чеканке индо-скифского царя Пенджаба — Мауэса никаких оснований Зограф не нашел¹¹.

Одновременно А. Н. Зограф предостерегал исследователей от попыток связать имя «Герай», или «Эрай», с греческими теофорными именами, происходящими от имени богини Геры, как делал Вальтер Отто¹².

Зограф разделил обол»ы на две группы соответственно применению круглого и квадратного омикрона, считая наличие разных начертаний

«О» доказательством еще не установившейся «переходной стадии» в развитии шрифта. Монеты «Герая» он относил ко времени около середины I в. до н. э.¹³ А. Н. Зографу были известны 12 оболов и 15 тетрадрахм «Герая»¹⁴.

К 1976 г., по данным Б. Я. Ставицкого, ученые располагали уже знанием о 22 тетрадрахмах и 14 оболлах¹⁵, а в настоящее время, как мне любезно сообщил Е. В. Зеймаль, известно более 30 оболлов и более 30 тетрадрахм. Особо важное значение имеют находки монет при археологических раскопках, так как стратиграфия слоев позволяет проверить датировку этих монет и уточнить район их обращения. До настоящего времени из найденных на территории среднеазиатских республик оболлов «Герая» опубликованы оболлы из раскопок Кей-Кобад-шаха¹⁶ и из Тулхарского могильника¹⁷. Кроме того, оболлы были найдены в некрополе на городище Шах-тепе и на Каменном городище. На территории Северного Афганистана дильберджинский обол является пока единственным, происходящим из раскопок.

Он принадлежит к группе оболлов с квадратной формой О (омеги). Его диаметр 11 мм, вес точно не определяется, так как часть монеты утрачена. На лицевой стороне оболла — голова мужчины в профиль вправо. Вокруг — ободок из точек, сохранившийся только сверху. Детали лица и глаз частично стерты. Лицо крупное, мясистое, усы опускаются вниз, подбородок и нижняя губа подчеркнуты выступающими точками. Лоб покатый, волосы перехвачены лентой надо лбом у их основания. Это создает впечатление деформированного черепа, что было отмечено С. П. Толстовым¹⁸.

На оборотной стороне — очень схематично выполненная стоящая фигура в шлеме. Ее правая рука, согнутая в локте, протянута влево. Своеобразна одежда, заканчивающаяся выше колен в виде закругленной юбочки. Колени подчеркнуты округлыми выпуклостями. Слева от фигуры параллельно ей расположена надпись: К] ΠΟΑΝΟ [Υ. Имя, «Герай», которое должно было находиться с другой стороны фигуры, утрачено вместе с отрубленным фрагментом монеты.

Утрата имени кажется неслучайной. А. Н. Зограф опубликовал два оболла; у одного из них также была отрублена та часть монеты, где находится имя. Аналогичные отломы у двух хорезмийских монет именно той части, где помещалось имя хорезмийского правителя, позволили Б. И. Вайнберг предположить, что это был преднамеренный акт последующего правителя, оставившего в обращении монету, но удалившего с нее имя своего предшественника¹⁹.

Все известные нам оболлы «Герая» чеканены различными штемпелями. Портрет на лицевой стороне дильберджинского оболла ближе всего по пропорциям нижней и верхней частей лица и по трактовке его деталей к портрету на тетрадрахме № 8 первого клада, найденного в Вахше²⁰, а стоящая фигура на реверсе по изображению полукруглой юбочки и округлых коленных чашек приближается к оболлу № 10, опубликованному Кэннингхемом, однако начертание надписи иное.

В литературе отмечалось, что в появляющемся впервые на монетах «Герая» названии кушан, переданном греческими буквами, звук «Ш» изображали двумя прямыми или двумя изогнутыми параллельными линиями, а также сочетанием прямой и изогнутой линий с буквой Ρ²¹. На оболле из Дильберджина третья буква, передающая звук «Ш», представлена двумя параллельными палочками. Вместе с тем на штампе, че-

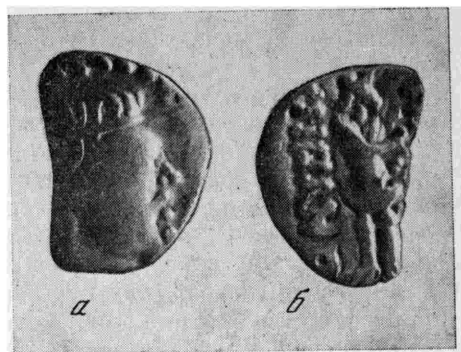

Рис. 1. Обол «Герая».

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона

канившем эту монету, звук «Ш» был ошибочно поставлен на второе место после «капшы», большая часть которой при чеканке оказалась за пределами кружка, а «омега», вместо того чтобы быть перед звуком «Ш», поставлена после него.

Е. А. Давидович обращает внимание на обилие ошибок в надписях на монетах «Герая» и объясняет причины их появления в применении пунсонной техники, при которой надписи на штампах не гравировались индивидуально на каждом штампе, а выбивались на штампах наборами пунсонов²².

Обол из Дильберджина позволяет еще раз вернуться к дискуссионным вопросам о времени и месте чеканки монет «Герая». Несмотря на обстоятельность аргументов А. Н. Зографа в пользу отнесения этих монет к середине или ко второй четверти I в. и на отсутствие новых специальных работ о Герае, после выхода в свет исследования А. Н. Зографа в работах, касающихся этого исторического периода, неоднократно делались попытки «омоложения» этих монет. В. М. Массон относил их «приблизительно» ко второй половине I в. до н. э.²³, Р. Гиршман датировал последней четвертью I в. до н. э.²⁴, А. М. Мандельштам — концом I в. до н. э. или рубежом н. э.²⁵, С. П. Толстов допускал, что они могли чеканиться в начале I в. н. э.²⁶, М. М. Дьяконов также был склонен относить их к I в. н. э.²⁷, В. Тарн считал Герая (или Миаоса) дедом Кадфиза I²⁸, Р. Гиршман — его отцом, Д. Макдоуэл и Н. Вильсон писали, что Герай идентичен «Сотеру Мегасу», а его монеты чеканились в период между правлением Кадфиза I и Кадфиза II²⁹. С. П. Толстов³⁰ выдвинул предположение, что «Герай» не личное имя, а часть титулатуры, что монеты «Герая», или, как он считал, «Санаба», чеканил кушанский вождь, вассал Куджулы Кадфиза, объединивший под своей властью Согдиану, Хорезм и Шаш. Г. А. Пугаченкова, возражая против этой точки зрения, ставит вопрос: не принадлежат ли оболы и тетрадрахмы разным правителям, из которых один предшествовал другому³¹. Приведенные выше предположения С. П. Толстова и Г. А. Пугаченковой не были поддержаны следующими исследователями³².

Как указывалось, дильберджинский обол был найден вместе с «варварским Гелиоклом» на нижнем полу, который относится к самому раннему строительному периоду на данном участке городища (раскоп X). На соседнем раскопе III в той же западной части городища монета «Сотера Мегаса» обнаружена в слое второго строительного горизонта, что, как нам представляется, хорошо отражает относительную хронологию обращения этих монет. Монеты «Сотера Мегаса» в Дильберджине обычно связаны со вторым и третьим строительными периодами. На некоторых участках они встречены вместе с монетами Вимы Кадфиза и Канишки.

Таким образом, стратиграфия раскопов на Дильберджине не дает возможности отождествить «кушанца Герая» с «Безымянным царем», как предполагали некоторые исследователи. Поскольку в Дильберджине, так же как и в Северной Бактрии, не было найдено ни монет с именем Куджулы Кадфиза, ни монет Гермея, с чеканом которого связаны ранние выпуски монет Куджулы Кадфиза³³, можно усомниться в правомочности предположения, что кушанское государство зародилось в западной части Южной Бактрии и что «Герай» был непосредственным предшественником Куджулы Кадфиза.

¹ Работами на данном участке руководил У. Пулатов.

² Монета относится ко второй группе тетрадрахм, имеющих на реверсе изображение неоседланной лошади, идущей влево с поднятой правой передней ногой, с горизонтальной чертой под ногами лошади и с нечеткой надписью, расположенной вертикально слева от лошади и горизонтально под чертой. Монета может быть датиро-

вана концом II — первой половиной I в. до н. э. (Массон В. М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. — ЭВ, 1956, XI, с. 74; там же на таблице изображены монеты (№ 9, 10), близкие дильберджинской тетрадрахме).

³ Массон В. М. Древнебактрийские монеты...; Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. — Тр. АН ТаджССР, 1957,

- XXXVII, с. 95; Она же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г.—Тр. АН ТаджССР, 1959, ХСІ, с. 171 сл.; Давидович Е. А., Мухтаров А. Страницы из истории Гисара. Душанбе, 1969; Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 111; Она же. К стратиграфии новых монетных находок в Северной Бактрии.—ВДИ, 1967, № 3, с. 81; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Новые монетные находки из правобережной Бактрии.—ВДИ, 1971, № 4, с. 103; Массон В. М. Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики.—ЭВ, 1971, № 20, с. 311; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 114, 239—241.
- ⁴ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия..., с. 241—242.
- ⁵ Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая».—ВДИ, 1976, № 4, с. 73.
- ⁶ Gardner P. A coin of Heraüs, saka King. In: Numismatic Chronicle, New ser., 1874, vol. XIV, p. 161, 164.
- ⁷ Cunningham A. Coins of the Indo-Scythian King Miaüs or Heraüs. In: Numismatic Chronicle, 3 ser., 1888, vol. VIII, p. 47—58.
- ⁸ Idem, p. 246—247.
- ⁹ Idem, p. 57, pl. III, 7—12.
- ¹⁰ Cunningham A. Coins of the Indo-Scythians, p. 247; Зограф А. Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937, с. 8; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 177.
- ¹¹ Зограф А. Н. Монеты «Герая», с. 29.
- ¹² Там же, с. 30. Однако Е. А. Давидович в исследовании, посвященном тетрадрахмам «Герая» (ВДИ, 1976, № 4, с. 58) со ссылкой на Ю. Г. Виноградова, вновь определяет это имя как греческое теофорное.
- ¹³ Зограф А. Н. Монеты «Герая», с. 28.
- ¹⁴ Там же, с. 15.
- ¹⁵ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия..., с. 118—119, 241.
- ¹⁶ Мандельштам А. М. Об одном оболе «Герая».—ЭВ, 1961, XIV, с. 53—54.
- ¹⁷ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию.—МИА, 1966, № 136, М.; Л., с. 139.
- ¹⁸ Толстов С. П. К вопросу о монетах «Герая».—ВДИ, 1939, № 2, с. 117; Он же. Древний Хорезм. М., 1948, с. 179.
- ¹⁹ Вайнберг Б. И. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки.—ВДИ, 1962, № 1, с. 119.
- ²⁰ Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм..., табл. III, 8.
- ²¹ Давидович Е. А. (Первый клад тетрадрахм..., с. 69) опровергает утверждение А. М. Мандельштама, что для передачи звука «Ш» использовали также «кашу» (Мандельштам А. М. Об одном оболе «Герая».—ЭВ, 1961, XIV, с. 54).
- ²² Давидович Е. А. Первый клад..., с. 68.
- ²³ Массон В. М. Денежное хозяйство в древней Средней Азии по нумизматическим данным.—ВДИ, 1955, № 2, с. 40.
- ²⁴ Ghirshman R. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans.—MDAFA, 1946, t. XII, p. 109, 112.
- ²⁵ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию.—МИА, 1966, № 136, М.; Л., с. 143, 144; Он же. К предкушанскому чекану Бактрии.—ЭВ, 1966, XVII, с. 91.
- ²⁶ Толстов С. П. К вопросу о монетах «Герая», с. 118.
- ²⁷ Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда.—МИА, 1950, № 15, М.; Л., с. 174.
- ²⁸ Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 505.
- ²⁹ См.: Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм..., с. 72, прим. 45.
- ³⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 179; Он же. К вопросу о монетах «Герая», с. 118.
- ³¹ Пугаченкова Г. А. К иконографии Герая: (О некоторых вопросах раннекушанской истории).—ВДИ, 1965, № 1, с. 136.
- ³² См. последние из работ, касающиеся этого вопроса: Вайнберг Б. И. Монеты Древнего Хорезма. М., 1977, с. 50; Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм..., с. 70, прим. 36; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия..., с. 118—119.
- ³³ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия..., с. 120; Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже.—Тр. ГЭ, 1967, № 1, с. 58, 59.

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ

АНТРОПОМОРФНЫЕ АМУЛЕТЫ VI—IX ВВ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Древности северокавказских алан представляют собой уникальное явление по богатству и разнообразию металлических амулетов (250 экз.), между тем как в находках из Крыма и Приуралья, Приднепровья, Подонья и Подунавья они представлены единичными экземплярами, как правило генетически связанными с территорией Северного Кавказа¹.

Мы принимаем определение амулета как «предмета, магическим образом охраняющего человека от бед»², т. е. «оберега». В данном случае мы

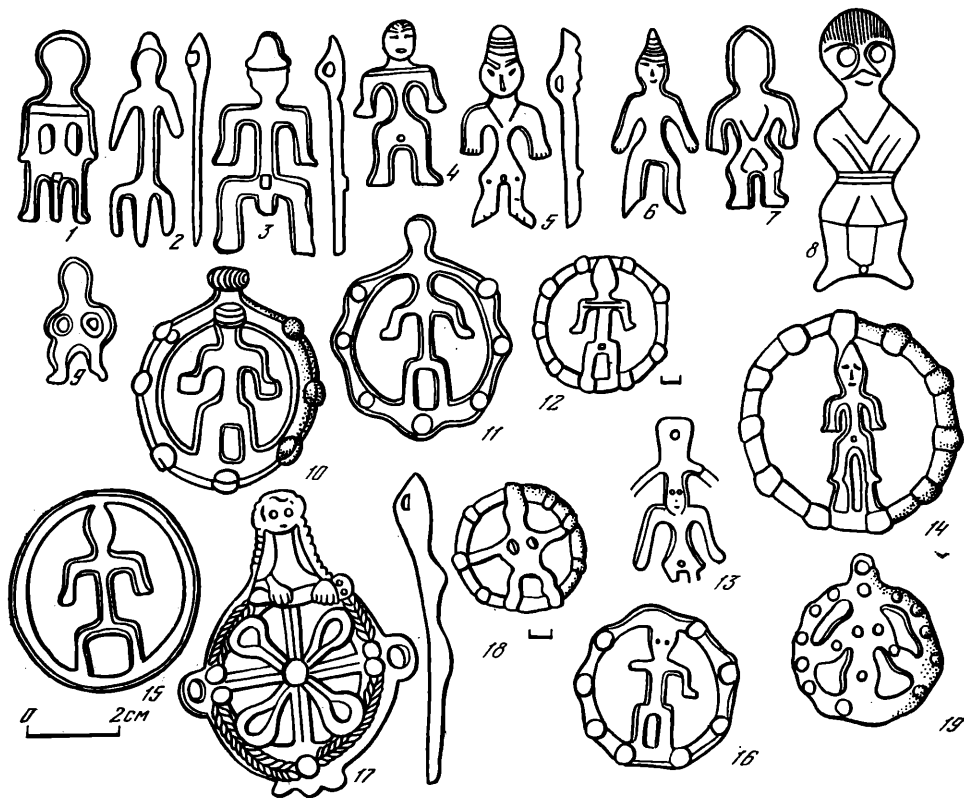

Рис. 1. Антропоморфные подвески Северного Кавказа

выбрали только антропоморфные амулеты. Это подвески в виде человеческих фигурок, иногда заключенных в кольцо. Использовались в качестве украшений.

Мы выделяем иконографические признаки изображения, расчлняя последнее на зоны, исходящие из анатомических особенностей человеческой фигуры: форма головы, наличие детализации лица, характер изображения рук, трактовка верхней, средней и нижней частей туловища и ног.

Тип 1. (пять экз., рис. 1, 1—4). Небольшие, бронзовые (или из низкопробного серебра) односторонние литые фигурки со средней высотой $4,5 \pm 0,19$ см³, шириной $1,8 \pm 0,1$ см. Изображение мужское, обнаженное, фаллическое. Голова круглая или в коническом головном уборе (возможно, изображается искусственная деформация). Черты лица отсутствуют или схематичны. Плечи прямые, в одном случае опущенные руки расположены параллельно туловищу с отогнутыми в сторону кистями. Туловище, как правило, вытянутое прямоугольное. Линия ног повторяет линию рук (хронологическим признаком, очевидно, можно считать изображение ног как прямое продолжение рук — рис. 1, 2). Ноги чаще с выделенными стопами. Ушко для привешивания находится сзади. Спецификой этого типа являются прямоугольные формы. За этим типом подвесок после публикации И. Т. Крутликковой⁴ укрепилось условное наименование «гуинский амулет». В пределах Северного Кавказа подвески первого типа встречены на Кубани в Пашковском могильнике⁵ (рис. 1, 1) и в окрестностях Кисловодска: на р. Подкумок⁶ (рис. 1, 2), в могильнике Мокрая Балка в катакомбе^{4, 7} (рис. 1, 3; 2, 1), у Лермонтовской скалы⁸ и в районе Кисловодска (рис. 1, 4, в Кисловодском народном музее хранится без номера). Один экземпляр происходит из-под Орджоникидзе⁹. Вне территории Кавказа они найдены на Боспоре (восемь экз.)¹⁰, в Херсонесе (ХГМ, инв. № 35273), Чуфут-Ка-

ле, (склеп № 118)¹¹, в Белосарайске Донецкой области¹², Прикамье¹³ и Приаралье¹⁴.

Дата подвесок первого типа определяется по сопровождающему их инвентарю. Наиболее выразителен комплекс катакомбного парного погребения мужчины-воина и подростка, очевидно, девочки из Мокрой Балки. При мужском погребении — богатый ассортимент керамики, поясной набор с серебряной в-образной пряжкой, инкрустированной стеклом (рис. 2, 2), обувные ремешки, украшенные штампованными бронзовыми бляшками (рис. 2, 7, 11—12), ложечка-цедилка (рис. 2, 13), бронзовое зеркальце. Типичные для VI—VII вв. мозаичные бусы, в частности из сине-бело-синих глазков (рис. 2, 8, 9). При детском погребении — антропоморфная подвеска и бронзовый амулет с четырьмя соколиными головками (рис. 2, 10). Детальное сравнение материалов катакомбы 4 с остальными 32 погребениями из раскопок автора и материалом, раскопанным А. П. Руничем¹⁵ и Г. Е. Афанасьевым¹⁶, позволяет датировать ее временем не ранее рубежа VII—VIII вв. Несколько древнее погребение на р. Подкумок с калачикообразными серьгами, круглопроволочным браслетом, железным ножичком, фибулой, небольшим кувшинчиком и стеклянными одноцветными круглыми шестигранными призматическими и глазчатыми с разноцветными глазками-канельками бусами. Катакомбу 3(13) могильника I у Лермонтовской скалы следует датировать VI—VII вв. по браслетам с уплощенными концами, серьгами с 14-гранником, серьгам «калачиком», бусам (глазчатым, полосатым и одноцветным), металлическому флакончику, солярному амулету в виде кольца с семью расширениями и типам керамики.

Пашковский могильник 1 следует датировать не I—V вв., а VII в.¹⁷ К этому времени относится и происходящий оттуда амулет. Как мы видим, во всех тех случаях, когда амулеты 1-го типа происходят из комплексов, они должны датироваться не ранее VI—VII вв. В гуннских памятниках Северного Причерноморья, так же как и в погребениях IV—V вв. на Северном Кавказе, антропоморфные подвески полностью отсутствуют, что подтверждает нашу точку зрения об их появлении лишь в VI—VII вв. В комплексах с «гуннскими» амулетами я не знаю вещей, датированных IV—V вв.

В джетгисарской культуре Приаралья керамика с налестками, тождественными бронзовым фигуркам 1-го типа, датируется концом VI—VII вв.¹⁸ Находки подвесок 1-го типа в катакомбах и грунтовых северокавказских могильниках и их ареал свидетельствуют в пользу их алано-болгарской принадлежности. Недаром О. Менчен-Хелфен называет указанные подвески «фигурками сарматского типа»¹⁹. Материалы из раскопок автора в Мокрой Балке позволяют поставить вопрос об их функциях. Ряд солярных и солярно-лунарных амулетов в комплексах VIII—IX вв. связан с женскими погребениями из парных захоронений, где центральным являлось мужское погребение; причем в одном случае рука мужчины лежала на руке женщины и была связана кожаным шнурком, оканчивающимся двумя солярно-лунарными (символ небесного Супружества Луны и Солнца) амулетами. В погребении 11 VI—VII вв., где женщина (скорее всего насильственно) была погребена с мужчиной, в ногах у последнего стоял крупный трехручный нарядный лощеный сосуд, украшенный фризом из четырех подобных человеческих фигурок, сделанных с помощью ногтевых вдавлений (рис. 2, 1, 4). Возможно, как и амулеты, связывавшие руки погребенных мужчины и женщины, это символизировало обряд посмертного бракосочетания. В катакомбу 4 VII—VIII вв. вместе с мужчиной, снабженным богатым инвентарем и большим количеством заупокойной пищи и питья (восемь сосудов), положена девочка-подросток, у которой и была антропоморфная подвеска (рис. 2, 1). Возможно, что в трех случаях когда наложницей на смертном одре оказывалась девочка-подросток, не прошедшая еще обрядов инициации, амулет в виде фаллической фигурки клал в могилу в качестве символа этого обряда. Интересно, что из девяти подвесок, приведенных И. Т. Кругликовой, семь происходят из детских захоронений: в сел. Айвазовском, Сююр-Таше, Керчи. Антропоморфные фигурки, как

мы видели, можно связывать с погребальным обрядом, захоронением супругом или предшествующими этому обрядами инициации.

Тип 2 (три экз., рис. 1, 5—7). Бронзовые литые односторонние антропоморфные подвески несколько больше (чем 1-й тип) среднего размера ($4,6 \pm 0,1$ см; $2,2 \pm 0,12$ см), устойчивого, но иного, менее геометризованного стилистического канона изображают одетого мужчину в коническом головном уборе, украшенном горизонтальной и наклонной штриховкой, с рельефным профилированным лицом, гравированными глазами и ртом. Общий облик значительно более реалистичен, контуры мягче, хотя продолжает сохраняться прежняя схема — развернутые плечи, опущенные руки, кончающиеся намеченными пальцами, подчеркнутая талия, расширение туловища к бедрам, прямые ноги с опущенными вниз носками. Видна треугольная линия ворота и три выступа по подолу (возможно, в этом можно видеть реминисценцию фалличности, особенно, если сравнить с фаллической подвеской из Гарамихи²⁰); насечки на ногах, очевидно, указывают на невысокие мягкие сапожки.

Амулеты найдены в Дагестане: Урцеках — Варачане (рис. 1, 7)²¹ в катакомбе VIII—IX вв. из Бавтугая близ Беленджера (рис. 1, 5) и в Чегеме²² (рис. 1, 6); близкий экземпляр происходит из Башкирии²³, связь которой с Северным Кавказом прослеживается и по другим материалам. Именно к этому типу близки приведенные Б. А. Рыбаковым этнографические параллели²⁴. В пределах Северного Кавказа второй тип отражает производство восточных, возможно хазарских, мастерских VIII—IX вв.

Тип 3 (три экз., рис. 1, 8). Представлен небольшой вогнуто-выпуклой серебряной штампованной фигуркой из комплекса VII в. в станице Преградной (рис. 1, 8), подробно описанной и изданной Т. М. Минаевой²⁵ и очень близкой стилистически фигуркой из склепа того же времени на горе Кутуль близ Кисловодска²⁶. Они имеют очень относительную аналогию в Агач-Кале VII—IX вв. (рис. 1, 9). Фигурки серебряные, штампованные, значительно большие по размеру, чем предыдущие два типа ($5,9 \pm 0,6$ см, $2,6 \pm 0,3$ см), изображающие мужчину с круглой головой с обозначенными штрихами волосами, глазами, носом, усами и ртом. Руки без выделенных пальцев, уперты в бок. Талия тонкая, перетянутая поясом (несколько рядом штриховки), туловище иксообразное, одежда изображена с двумя полами, ноги слегка раздвинуты, стопы развернуты. Крепилась фигурка, очевидно, на твердую основу (судя по сквозным отверстиям на амулетах из Мартыновки, она пришивалась) и входила в одну композицию с зооморфными изображениями (конями в Мартыновке, львом — в Преграденской).

Тип 4 (12 экз., рис. 2, 10—16). Среди амулетов, найденных в могильниках и представленных в случайных коллекциях Северного Кавказа VI—IX вв., около 200 солярных, от самых простых в виде колец (VI—VII вв.) и «колес» до сложных композиций из ряда кругов, крестов и иных изображений. Сочетание антропоморфных изображений с солярными символами подчеркивало солнечную природу божества, его связь с Небом, Солнцем, Светом²⁷, возможно с астральным культом, так как на ранних амулетах на кольце обычно было семь круглых выступов, позже — девять и 11 (вспомним семибожие у скифов по Геродоту и авдзуары алан²⁸). Антропоморфное изображение очень четко сохраняет все особенности стилистического канона первого типа. Мужская фигура часто фаллическая. Голова округлая, изредка со схематическим изображением лица, плечи прямые развернуты, иногда с прочерченными полосами. Руки параллельны туловищу, кисти отогнуты, туловище прямоугольное, ноги раздвинуты. Высота антропоморфного изображения $4,5 \pm 0,5$ см, при ширине $2,5 \pm 0,2$ см, диаметр кольца $5,5 \pm 0,5$ см. Иногда сверху — ушко. Типичны они для западного локального варианта аланской культуры. В комплексах VII—VIII вв. найдены в верховьях Кубани: в 21 могиле Гиляча (рис. 1, 10) и в Кумыш-Баши²⁹, в 113 катакомбе Мокрой Балки (рис. 1, 11) VIII—IX вв., Лермонтовской скале (в катакомбе 1, рис. 1, 16). Кроме того, найдены в случайных коллекциях из Баксана³⁰ (рис. 1, 14), Нальчика (два экз.)³¹ (рис. 1, 25),

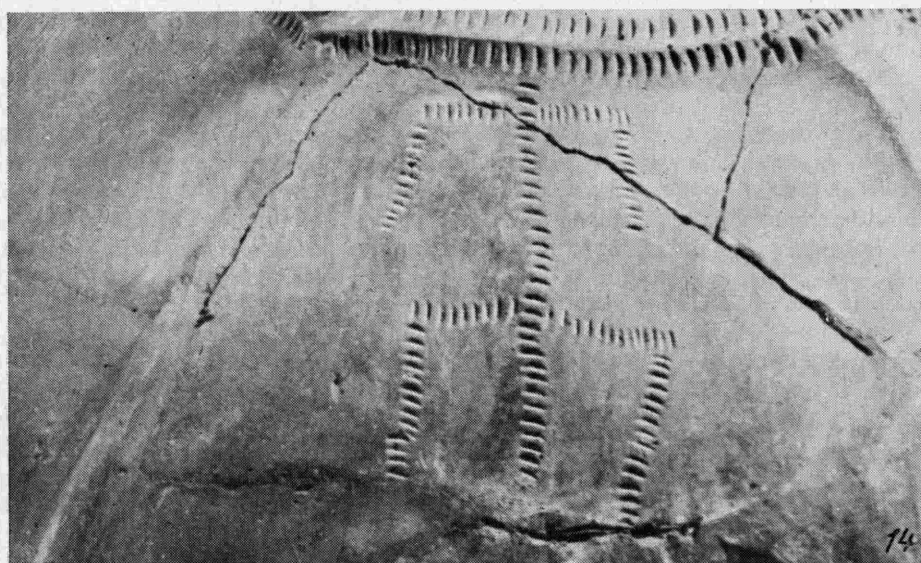
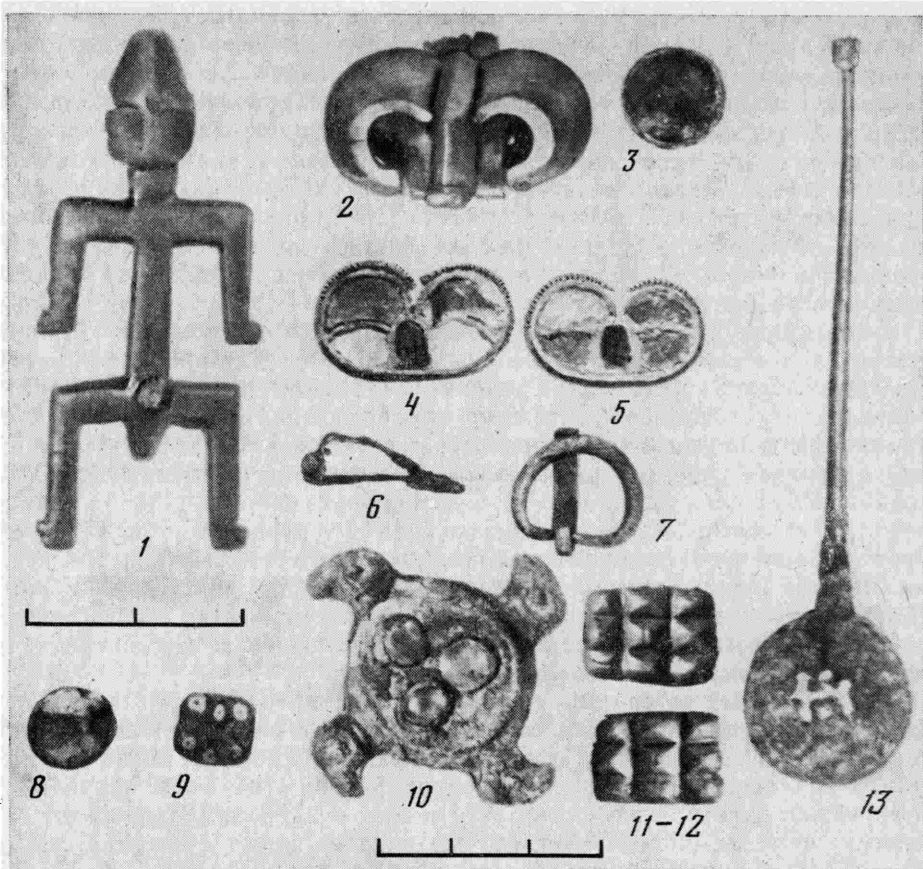

Рис. 2. Могильник Мокрая Балка

1—13 — антропоморфный амулет с сопровождающим материалом из катакомбы 4; 14 — кувшин с фризом из антропоморфных изображений из катакомбы 11 (раскопки автора)

Зилги³², Комунты³³ (рис. 1, 12), Аргунского ущелья³⁴, Джераховского ущелья³⁵ (рис. 1, 13) и «Северного Кавказа» (ближе не известно)³⁶. Вне территории Северного Кавказа мне они не известны.

Среди амулетов Северного Кавказа мы располагаем лишь тремя женскими изображениями. Уникальна Беленджерская «Мадонна с младенцем» из погребения 56 Чир-Юрта (рис. 1, 17)³⁷. Фактически она не имеет аналогий даже по отдельным признакам с рассматриваемыми антропоморфными подвесками, и скорее ее можно сближать с раннехристианскими древностями, хотя и тут она уникальна. Так, на данной подвеске христианскими мотивами можно считать как самый образ матери с младенцем (может быть, косы говорят о том, что это Дева, Богоматерь), являющейся главным в композиции, так и два перекрещивающихся креста, занимающих центральное место и вписанных в круг³⁸, что, с одной стороны, было формой христианского медальона и иконки, а с другой — оставалось символом солярного амулета. Очевидно, мастер стремится примирить здесь новое со старым, внося определенные элементы нового содержания в композиции, близкие старым формам. Датируется этот амулет по сопутствующему материалу VII—VIII вв. или VIII в. — временем пристального внимания Византии к событиям арабо-хазарских войн и усиления торговых и культурных связей и отношений. Примерно к этому же времени относятся сведения Мовсеса Каганкатвадзи³⁹ о крещении населения Кавказской Албании и борьбе епископа с различными проявлениями язычества — в частности, с ношением амулетов (ношение их было запрещено уже постановлением Лаодикийского вселенского собора IV в.)⁴⁰.

Другой амулет состоит из небольшого (диаметр 3,7 см) колечка с десятью выпуклыми полушариями и несколько асимметричной женской фигуркой, руки, голова и ноги которой переходят в кольцо, несколько выпуклых полушарий расположено на самой фигуре — два очень аккуратных на груди, по одному — на месте локтя и одно — на ногах. Происходит эта подвеска из катакомбы 17 Чми, где она найдена вместе с монетой самого конца VIII в. (рис. 1, 19). Близкий амулет происходит из Лизгора⁴¹. Особняком стоит человеческая фигурка в кольце из Чечено-Ингушетии (рис. 1, 18).

Рассмотрение антропоморфных амулетов Северного Кавказа и расположение их в хронологической последовательности помогает нам проникнуть в духовный мир алан. Сведения древних авторов более чем скудны. Мы знаем лишь, что аланы были язычниками и, если для алан, находившихся к западу от Рейна, имеются сведения о частичной их христианизации в середине и второй половине VI в., то северокавказские аланы, как мы можем судить по их могильным памятникам, даже во время существования Аланской епархии (X в.) в основной массе придерживались старых языческих обрядов.

Во второй половине VI—VII вв. среди амулетов появились антропоморфные подвески (1-й тип), которые, очевидно, следует связывать с изображением Главного Божества Неба, аналогичного Роду древних славян, «вдувающего жизнь во все живое»⁴². Празднования аларды у осетин, Гальберды у ингушей и алертоба в Грузии сохранили образ аналогического Божества «небесного огня, плодородия и чадородия»⁴³. Не потому ли большая часть антропоморфных подвесок связана с детскими погребениями, возможно, как замена обрядов инициации. Небесный характер Божества в VII—VIII вв. был подчеркнут тем, что фигура заключена в кольцо и приняла форму ярко выраженного солярного амулета. У алан можно наблюдать возникновение дружинного культа, аналогичного культу Перуна, покровителя воинов и князей, выросшего из недр культа небесного Божества⁴⁴. Этот культ выражается в амулетах 2-го типа, появившихся не ранее VIII в. и генетически связанных с амулетами 1-го типа. Возможно, культ мужского божества плодородия слился с культом героя вождя (вспомним слова автора V в. Клавдия Мария Виктора из Марселя: «аланы поклонялись своим предкам»⁴⁵ — и свидетельства Аммиана Марцелина о поклонении мечу).

Этот же дружинный культ прослеживается в амулетах 3-го типа, которые при наличии ряда общих стилистических черт (поза, реализм в изображении одежды, техника изображения) обладает специфическими особенностями, отражающими мир разноязычных дружинников Евразии эпохи переселения народов. Интересно, что эти антропоморфные изображения входили в какие-то сакральные композиции, когда конь или лев⁴⁶ — символ силы и могущества — оказывался ее необходимой деталью. На Северном Кавказе таким ярким проявлением перехода от культа верховного божества плодородия к дружинному культу является появление в мужских погребениях VIII—IX вв. амулетов в виде всадников⁴⁷, специфичных для аланских древностей VIII—IX вв. По этнографии осетин и нартскому эпосу мы можем предположить, что это — «покровитель мужчин, всадник на чудном белом коне»⁴⁸: Уастырджи, Уац-Георги. В имени божества слилось имя христианского святого Георгия Победоносца с термином «Уац», который, по мнению В. И. Абаева, восходит к скифо-сарматскому времени и обозначает «божество»⁴⁹. До самого недавнего времени это божество войны и охоты (божеством разбоя где-то в XVII—XVIII вв. стал Черный Всадник — Саубарат)⁵⁰ оставалось одним из наиболее почитаемых у потомков алан — осетин.

Смена одних амулетов другими на Северном Кавказе хорошо иллюстрирует периодизацию язычества: архаичный культ Богини — матери всего сущего, самый ранний пласт религиозных воззрений, продолжает существовать в эпоху раннего средневековья лишь в виде отголосков старых верований или в слитом с культом христианской Богородицы виде (этим объясняется небольшой удельный вес женских антропоморфных амулетов). В VI—VII вв. основным является культ мужского божества плодородия (Гальерды), на смену которому в VIII в. приходит дружинный культ божества войны (Уастырджи)⁵¹.

- ¹ Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 132.
- ² Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов.— СМОМПК, Махачкала, 1929, вып. 46, с. 197—198.
- ³ Берется среднее арифметическое $\pm$ среднее квадратическое отклонение (сигма).
- ⁴ Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское.— СА, 1957, № 2, с. 253—257.
- ⁵ Покровский М. В. Пашковский могильник I.— СА, 1936, № 1, с. 165, рис. 6.
- ⁶ Найден в 1937 г. краеведом К. М. Еловским в разрушенной катакомбе у р. Подкумка; сохранился в картотеке Н. М. Егорова, с которой я смогла ознакомиться благодаря любезности Г. Е. Афанасьева.
- ⁷ Ковалевская В. Б., Рунич А. П. Раскопки аланского могильника в окрестностях города Кисловодска.— АО 1969 г. М., 1970, с. 121—122.
- ⁸ Рунич А. П. Отчет о полезных исследованиях в районе Кавминвод за 1973 г.— Арх. ИА АН СССР, Р-1, д. 5009, с. 3, р. 87.
- ⁹ Кузнецов В. А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе.— В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980, вып. 1.
- ¹⁰ Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское, с. 254—255.
- ¹¹ Кротошкин В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму.— КСИИМК, 1965, вып. 100, с. 111, рис. 13, 1—3; *Maenchen-Helfen O. J. The world of the Huns*. Berkeley, Los Angeles, London, 1973, p. 286.
- ¹² Михлин Б. Ю. Гуннский амулет из Ждановского музея.— Археология, 1972, № 5, Київ, с. 96, рис. 1.
- ¹³ ОАК за 1896 г. СПб., 1898, с. 130, рис. 461; *Спицын А. А. Шаманские изображения*.— ЗРАО, 1906, т. VIII, вып. 1, рис. 50.
- ¹⁴ Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джеты-асарской культуре.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 167—178, рис. 2, 3.
- ¹⁵ Рунич А. П. Аланский могильник в «Мокрой балке» у г. Кисловодска.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1975, т. III, с. 132—150.
- ¹⁶ Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка.— КСИА, 1979, вып. 158, с. 43—51.
- ¹⁷ Ковалевская В. Б. Северо-Западный Кавказ.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- ¹⁸ Левина Л. М. К вопросу..., с. 178.
- ¹⁹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106, рис. 13, 2, 3; *Maenchen-Helfen O. J. The world...*, p. 280—286.
- ²⁰ Спицын А. А. Шаманские изображения..., рис. 50.
- ²¹ Маммаев М. М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени.—

- УЗИЯЛ ДагФАН СССР, 1969, 19, кн. 2, рис. 1.
- ²² ГИМ, хр. 67/50а.
- ²³ *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1968, табл. 7.
- ²⁴ *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, № XVII, рис. 20, 4.
- ²⁵ *Минаева Т. М.* Находка близ станицы Преградной на р. Уруп.— КСИА, 1957, вып. 68, с. 133—137.
- ²⁶ Склепы были раскопаны А. П. Руничем в 1976 г. Амулет известен по полному отчету.
- ²⁷ Вспомним «детей солнца» — богатырей Нартов — или же свидетельство армянского автора XIII в. Фрика: «Алан, что Солнце чтит» (Антология армянской поэзии. Ереван, 1940, с. 240).
- ²⁸ *Абаев В. И.* Дохристианская религия алан.— В кн.: Докл. на XXV Междунар. конгр. востоковедов. М., 1960, с. 8.
- ²⁹ *Минаева Т. М.* Из истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис 37, 38.
- ³⁰ ГИМ, № 85/3355.
- ³¹ ГИМ, хр. 67/526, 73/29а.
- ³² МАК I. М., 1882, табл. XIX, 10.
- ³³ МАК VIII. М., 1900, рис. 244.
- ³⁴ ГИМ, хр. 45/21а.
- ³⁵ ГЭ, КЗ, № 4062.
- ³⁶ ГЭ, КЗ, № 1834.
- ³⁷ *Пугинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник.— МАД, 1961, т. II, рис. 11, 8; *Маммаев М. М.* Верхнечирюртовская Мадонна.— Сов. Дагестан, 1973, № 5, с. 76—77.
- ³⁸ Эта композиция, обнаруженная Дж. А. Халиловым в Азербайджане, опубликована в статье «Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжба-ла в Азербайджанской ССР».— СА, 1965, № 3, с. 160, рис. 41.
- ³⁹ *Казанкатвази М.* История агван. СПб., 1861, с. 197.
- ⁴⁰ *Бланков Ж.* О двоеверии и амулетах-змеевиках.— В кн.: Византия, Южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа.— В кн.: Искусство и культура. М., 1973, с. 203.
- ⁴¹ ГЭ, КЗ, № 3358.
- ⁴² *Академик Рыбаков Б. А.* Задачи изучения славянского языческого мировоззрения.— В кн.: Методологические вопросы общественных наук. М., 1966, с. 375.
- ⁴³ *Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г.* Формы жилища и структура поселения горной Осетии.— КЭС, Тбилиси, 1975, V, 1, с. 7—8.
- ⁴⁴ Предположение Г. Е. Афанасьева, высказанное им в статье «Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов Мокрая Балка)» (СЭ, 1976, № 1, с. 130) о том, что антропоморфные амулеты, выделенные нами в качестве первого типа, отражают дружинный культ, базируется на неверном истолковании подвески из катакомбы 4 Мокрой Балки (см. рис. 1, 3), где подчеркнут пол, а отнюдь не изображается поясная пряжка; следовательно, выделяется производящая сила божества.
- ⁴⁵ *Maenchen-Helfen J. O.* The world..., p. 279, 285.
- ⁴⁶ Такая замена коня львом, если мы сравним преградненскую находку с мартыновской, заставляет вспомнить строки из Апокалипсиса о всадниках в огненных бронях: «главы конем их яко главы львом» (917).
- ⁴⁷ *Ковалевская В. Б.* Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 118—120.
- ⁴⁸ *Миллер В. С.* Осетинские этюды. М., 1882, ч. 2, с. 242.
- ⁴⁹ *Абаев В. И.* Дохристианская религия..., с. 14. Слияние функции божества плодородия и божества воинов видно на примере нартского сказания о Уастырджи и Марудзе, когда Уастырджи — дружинное божество — оживил войлочной плетью (функции бога животворящего) похороненных в кургане жену и сына Маргудза (Осетинские нартские сказания. Дауджикау, 1948, с. 477).
- ⁵⁰ *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1971, с. 201.
- ⁵¹ Нельзя не вспомнить в этом случае изображение бога Беса на каменном алтаре из римского лагеря Сайала, по ряду иконографических черт сближающееся как с первым, так и с третьим типом (*Kromer K.* Römische weinstuben in Sayala (Unternubien). Berichte des Österreichischen Nationalkomitees der Unesco—Aktion für die Rettung der Nubischen Altertümer. Wien, IV. 1967, taf. 27), и стелу из Приазовья (*Швецов М. Л.* Стела V—VII вв. из Приазовья.— СА, 1980, № 4, с. 268—269).

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ОШСКОГО ОАЗИСА

В древности Ош-Карасуйский (в дальнейшем его называем просто Ошским) земледельческий оазис был одним из крупнейших в Ферганской долине. Его археологическое изучение начал в 1941 г. А. Н. Бернштам. В 1946—1947 гг. исследования были продолжены и на план нанесены несколько древних поселений на левом берегу р. Акбуры к югу от г. Ош¹. Ныне эти места вошли в границы современного города, и сохранились только два поселения. В 1954—1956 гг. мною выявлено несколько ранее неизвестных памятников в Ошском оазисе.

Большой вклад в изучение прошлого оазиса внесли сотрудники Ошского областного музея Ю. Д. Баруздин, А. И. Пошко и особенно Е. В. Дружинина. В 1956 г. А. И. Пошко обследовал пещеру Орлов на горе Тахти-Сулейман и нашел кремневые изделия, которые ныне относят к эпохе неолита. Он же обследовал древнее поселение около Ошской МТС и обнаружил захоронения древнего периода. На поселении найдены четыре серебряные сасанидские монеты².

Е. В. Дружинина собрала значительную коллекцию чустской керамики на горе Тахти-Сулейман и проводит систематические наблюдения и сборы археологических находок при земляных работах в городе.

Новый этап изучения Ош-Карасуйского оазиса начинается в 1976 г., когда Ферганская экспедиция ЛОИА АН СССР (начальник Ю. А. Заднепровский) приступила к систематическому и планомерному изучению разновременных памятников. В 1976—1977 гг. осуществлены небольшие раскопки на поселении чустской культуры Хожамбаг. Начиная с 1976 г. исследовалось Ошское поселение чустской культуры на горе Тахти-Сулейман. В 1976—1977 гг. раскопана усадьба шурабашатского периода Хожамбаг-тепе, расположенная возле поселения бронзового века. Вторая усадьба этого же времени — Мирзалим-тепе — на восточной окраине г. Ош изучена в 1979—1980 гг. В могильнике Озгор II в долине Акбуры к югу от города вскрыто 18 курганов эпохи раннего железа. На могильнике Озгор I обнаружено богатое женское захоронение в катакомбе первых веков нашей эры. В оазисе найдены каменные орудия эпохи мустье. В северной части г. Ош выявлены остатки построек средневекового пригорода эпохи Бабура XV—XVI вв. В итоге пятилетних исследований получены материалы для характеристики основных этапов древней истории оазиса, начиная с эпохи среднего палеолита, примерно от 40 000 лет тому назад, и до развитого феодализма поры правления Бабура.

I этап. Каменные рубящие орудия эпохи мустье найдены в пещере Сасык-Ункур у сел. Араван в 1967—1968 гг. М. Б. Юнусалиевым и В. А. Рановым³. Два десятка кремневых изделий этого времени встречены нами при раскопках усадьбы Мирзалим-тепе в 1979—1980 гг. В шурфе, заложенном П. Павловым вблизи усадьбы, на глубине более 4 м в слое найдены такие же каменные орудия. Это первый случай обнаружения в равнинной части Ферганы своего рода культурного слоя эпохи мустье. По всей вероятности, на этом месте была стоянка охотников каменного века. Материалы эпохи мустье П. Павлов выявил еще в нескольких пунктах оазиса.

II этап. Оазис был освоен человеком также и в эпоху неолита примерно в V—VI тысячелетиях до н. э., судя по находкам каменных орудий в пещере Орлов на Тахти-Сулейман.

III этап. Оседлоземледельческое население появилось здесь в эпоху поздней бронзы на рубеже II—I тысячелетий до н. э.⁴ В этот период в ряде районов Ферганской долины возникают первые в истории края земледельческие оазисы, население которых принадлежит к чустской культуре. В настоящее время в Ошском оазисе известно около 30 чустских поселений. Это составляет более 1/3 всех известных памятников на территории

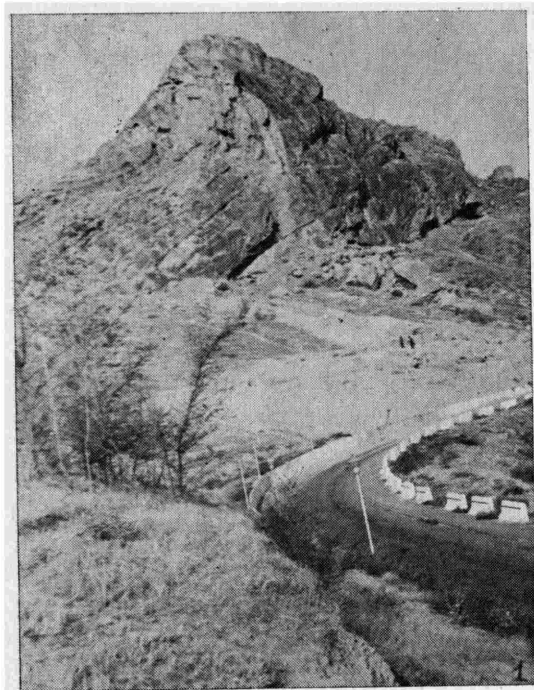

Рис. 1. Ошское поселение эпохи бронзы

1 — общий вид;

ложенных на северо-западном и северном склонах горы, дают основание полагать, что Ошское поселение окружало кольцом центральную вершину Тахти-Сулейман.

На площади около 700 кв. м на террасах выявлены уровни хорошо утрамбованной глинобитной жилой поверхности (пола). На полах четко выделяются многочисленные округлые хозяйственные ямы. В одной из самых больших ям (№ 43, $2,5 \times 1,5$ м) оказались крупные обломки скалы, два раздавленных сосуда *in situ*, четыре обломка зернотерки, четыре отбойника, пест и много керамики, среди которой — 16 фрагментов с росписью. В других ямах найдено много угля. Всего расчищено более 80 ям, выкопанных в твердой щебенке неодновременно.

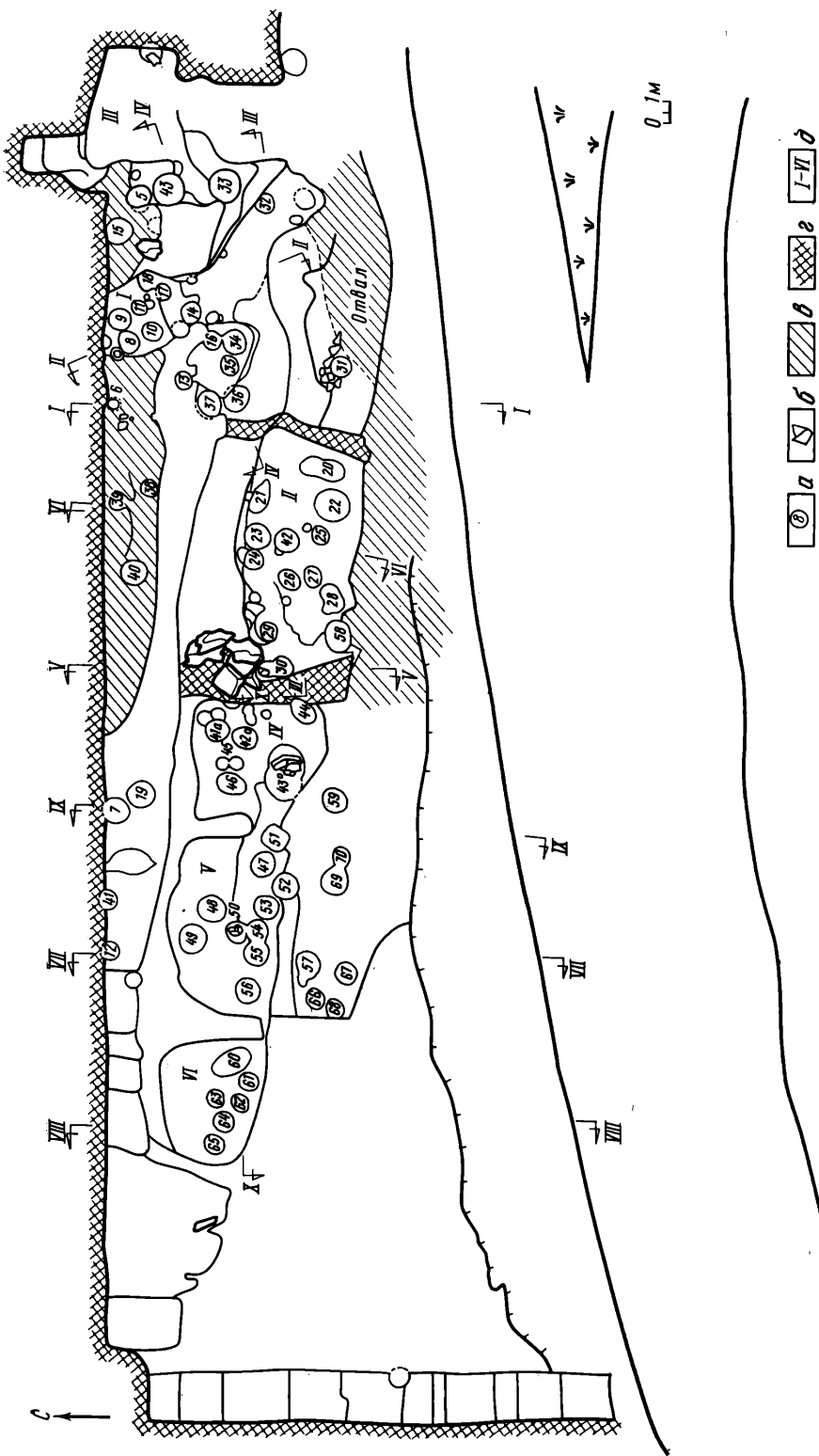
Остатки жилищ в виде котлованов землянок обнаружены на трех нижних террасах. На верхней расчищена прямоугольная узкая землянка, вытянутая с севера на юг, выкопанная в щебенке на глубину 1 м. Ширина ее 3, 5 м; длина сохранившейся части около 5 м. Южная часть землянки на склоне горы разрушена. На ее полу находилось 8 ям, которые занимали почти всю его поверхность. В углу стоял большой кухонный котел. Рядом лежали части второго кухонного сосуда и зернотерки.

Жилище II выделяется большими размерами (длина 11 м и ширина не менее 5 м) и ориентацией по линии запад — восток. На полу оказалось 15 ям. К западу от этого жилища расположена землянка IV. В северный склон горы врезаны котлованы жилища V размером $8,5 \times 6$ м и жилища VI. Все землянки нечеткой формы, что объясняется их местоположением на склоне горы и плохой сохранностью. Ошское поселение — треть в Фергане после Дальверзина и Чуста, где имеются землянки. Их расположение на разных террасах составляет особенность Ошского поселения и до сих пор нигде в Средней Азии неизвестно.

Основную массу находок составляют целые сосуды и их многочисленные обломки. Собрано более 1100 фрагментов керамики всех основных групп, характерных для чустской культуры. Преобладает керамика с крас-

Ферганы в целом. Такое скопление их в одном районе объясняется особо благоприятными условиями, существовавшими здесь для развития земледелия без применения сложных систем искусственного орошения. Центральным поселением было Хожамбагское, занимающее площадь более 4 га. Оно состоит из нескольких холмов-тепе и представляет новый тип рассредоточенного чустского поселения.

Большие стационарные раскопки проводятся на Ошском поселении чустской культуры, расположенном на южном склоне горы Тахти-Сулейман. Древний поселок располагался террасами на крутом склоне, общая высота падения в пределах раскопа составляет около 30 м (рис. 1). Нами исследовано четыре жилых террасы, а всего на данном участке их предположительно было не менее десяти. Они начинаются почти от скального основания вершины горы. Наблюдения в шурфах, за-

2 — план (а — хозяйственные ямы; б — обломки скалы; в — живая поверхность — пол; г — край раскопа и бровки; д — номера землянок)

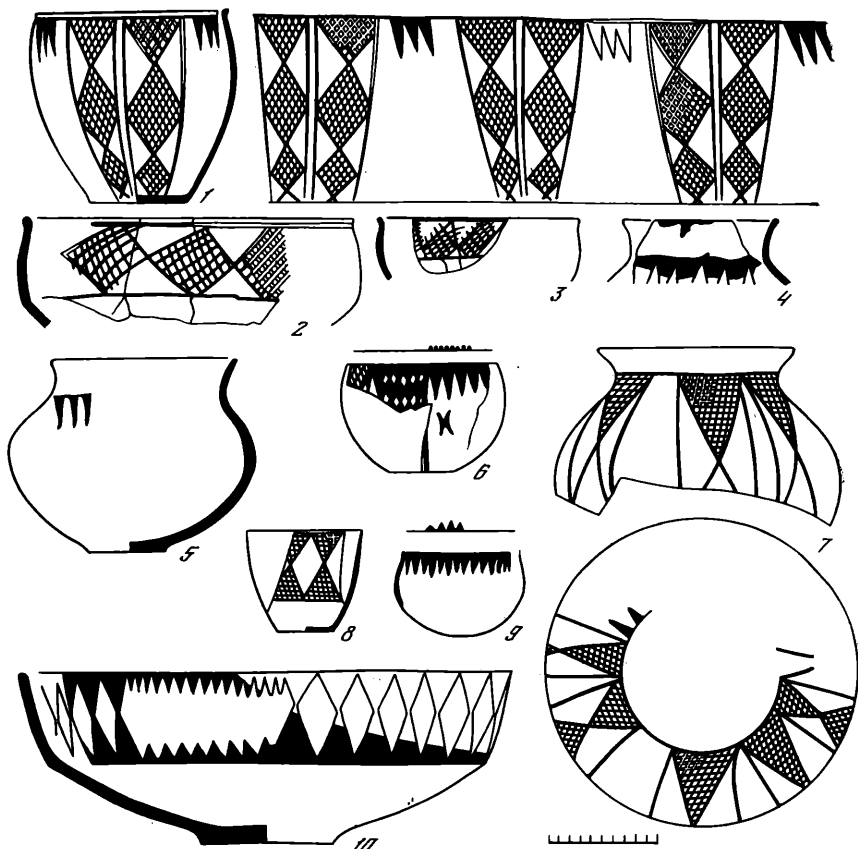

Рис. 2. Ошское поселение. Расписные сосуды (1—10)

ной облицовкой. Основные формы посуды такие же, как в Дальверзине и Чусте.

В отличие от других памятников на Ошском поселении оказалось необычно большое количество расписной посуды (около 7%), тогда как на Дальверзине она составляла всего 1,2%. Всего здесь найдено 740 фрагментов с росписью (рис. 2), и по количеству их Ошское поселение стоит на втором месте в Фергане после Дальверзина — центрального поселения чустской культуры⁵.

В собранной коллекции представлены образцы расписного орнамента, не уступающие лучшим изделиям гончаров «столичного» Дальверзина. Особо отметим уникальные находки расписной керамики с зооморфным орнаментом. На одном из фрагментов изображен козел черной краской на красном фоне, на другом — какая-то птица. Это первые находки за все 30 лет изучения чустских памятников Ферганской долины.

Древние жители широко пользовались каменными орудиями. На поселении собрано более 310 изделий, среди них — типичные для чустской культуры каменные серпы, песты, зернотерки, отбойники и др. Отметим находку прекрасно отшлифованного каменного навершия булавы. Изделия из металла малочисленны — за все годы найдено лишь три бронзовых шила. Имеются также бусы из сердолика и обработанные альчики, которыми пользовались в игре. Весь набор изделий из камня и бронзы идентичен набору изделий других чустских памятников Ферганы конца II — начала I тысячелетия до н. э. Эта дата подтверждается тремя радиоуглеродными определениями возраста Ошского поселения: 3470 ± 40 (1520 $\pm$ 40 до н. э.), 2940 ± 40 (990 $\pm$ 40 до н. э.), 2570 ± 40 (620 $\pm$ 40 до н. э.). Всего в настоящее время по чустской культуре уже имеется шесть определений

по трем памятникам (Дальверзин, Чуст, Ошское поселение), которые в совокупности образуют основу абсолютной датировки древнеземледельческих памятников Ферганы.

Причины, способствовавшие сложению довольно крупного чустского поселения на горе Тахти-Сулейман, пока еще не выявлены, так же как не ясно и функциональное назначение этого поселения расположенного в 50 км от Дальверзина. Не вызывает сомнения только одно: начиная с эпохи поздней бронзы на территории Оша непрерывно обитало оседло-земледельческое население и наблюдается преемственное развитие оседло-земледельческой культуры в оазисе.

IV этап в истории оазиса может быть охарактеризован по находкам в могильнике Озгор II, который относился к эпохе раннего железа. В это время происходят резкие изменения в облике культуры. На смену бронзовым орудиям приходят орудия из железа. В этот период впервые в Фергане появляется гончарный круг и резко меняются формы и способы украшения и отделки глиняной посуды. В ходе работ на могильнике Озгор II были дополнены и уточнены наши представления о культуре раннежелезного века оазиса, известной по малочисленным материалам могильника Тюлейкен, исследованного А. Н. Бернштамом в 1947 г.⁶ Озгор II расположен в 10 км к югу от г. Ош, на высокой террасе левого берега р. Акбура. На небольшом участке разбросано 25 невысоких курганов. При расчистке насыпи обнаружено два каменных кольца вокруг грунтовой могилы. Они сложены из нескольких рядов больших речных валунов. Раскопано 18 курганов. Захоронения производились в простой грунтовой могиле. Все они ограблены в древности, и до нас дошли лишь разрушенные кости и часть сопровождавших умершего вещей.

Всего в могильнике найдено 26 лепных сосудов и 16 сосудов, изготовленных на гончарном круге. Подобная посуда типична для захоронений VI—IV вв. до н. э., которые ранее были изучены Н. Г. Горбуновой около г. Ферганы⁷. Кроме сосудов, в могилах найдены бронзовые украшения, перстни, наконечник стрелы, разные бусы, своеобразные костяные поделки и сильно разрушенные железные предметы. Именно эти находки вместе со своеобразной станковой, эйлатанской посудой и дают основание относить могильник к раннежелезному веку, к памятникам Актамской группы. Последние занимают подгорную полосу, начиная от Ферганы — Вуадилы и до Ошского оазиса. Исследованный могильник от других подобных памятников отличается по устройству наземных сооружений (два каменных кольца), по находкам железных наконечников стрел (в двух курганах), а также по большому количеству станковой посуды, которые не известны в Актамском могильнике. Зато в Озгоре пока не найдено крашенных и расписных сосудов. Все эти особенности составляют локальное своеобразие и, быть может, хронологическое. Есть основание относить могильник к позднему этапу рассматриваемых памятников.

На берегу Акбуры возле могильника выявлены остатки селища, одновременного могильнику. Подобные поселения в других местах не известны.

V этап представлен материалами двух раскопанных домов-усадеб шурабатского периода (IV—I вв. до н. э.) — Хожамбаг и Мирзалим-тепе. Они резко различаются по планировке. На Хожамбаг-тепе (в 6 км к юго-востоку от г. Карасу) полностью вскрыта постройка верхнего строительного горизонта. Дом прямоугольный в плане площадью 750 кв. м. В нем было семь комнат, расположенных в три ряда с севера на юг. Все они небольших размеров, за исключением центральной, площадь которой 20 кв. м. Здание нижнего горизонта вскрыто частично. Оно занимало большую площадь и было ограждено внешней стеной, овальной в плане формы. Хожамбаг-тепе — это отдельно стоящий дом. Размеры комнат, простота убранства и бедность инвентаря указывают на то, что дом принадлежал семье рядового общинника-землеладельца.

Мирзалим-тепе находится на восточной окраине г. Ош, примерно в 15 км от Хожамбаг-тепе (по прямой). Это овальное тепе длиной около

65 м, вытянутое с севера на юг. В северной половине возвышается холм, полностью раскопанный. Площадь укрепленной части составляет более 400 кв. м, (длина 24 м, ширина более 15 м). Ширину точно определить нельзя из-за разрушения восточной части тепе. Удалось восстановить планировку дома. В плане он прямоугольной формы. Внешние стены толщиной 2 м, сложены из прямоугольных пахсовых блоков и сохранились на высоту 2—2,4 м. Внутренние стены из сырцового кирпича.

Монументальной стеной толщиной 1,5 м, в два раза большей, чем обычные стены, дом разделен на две почти равные части — северную и южную. В северной половине — шесть небольших комнат. Три расположены в ряд вдоль северной внешней стены и три — к югу от них. В северо-восточной части был вход в северную половину. Все комнаты соединены проходами. Самая большая в этой части комната 3 площадью 26 кв. м. Стены комнаты оштукатурены и побелены. Посредине восточной стены находятся очаг каминного типа. В юго-западном углу расчищено сооружение неизвестного назначения в виде прямоугольной пристройки с низким глинобитным валиком. Около него найдена очажная подставка катушкообразной оригинальной формы. В полу расчищен большой хум. Почти все основные находки в доме обнаружены на полу комнаты 3, в том числе и медная восточная монета.

В южной половине выделяется размерами и конструктивными деталями комната 4. Это квадратный зал (8,2 × 8,2 м). В центре его, в полу, — большой очаг, по четырем сторонам на равном расстоянии располагались основания для колонн. Хорошо сохранились остатки сгоревшего деревянного помоста, который проходил вдоль трех стен, за исключением южной. Следовательно, перед нами — большой четырехколонный зал с помостом-суфой, служившей для отдыха и коллективных трапез. Кроме центрального очага в разных частях имелось еще десять очагов, расположенных в определенном порядке.

Особо выделяется в доме комната 7 в восточной части. Она отличается четырехлепестковой формой. Никаких находок в ней не было. Аналогий ей в памятниках Средней Азии не известно.

В юго-восточной части находится разрушенная комната 8, которая может быть реконструирована в виде айвана с двумя колоннами, открытого на восток. Южная половина представляет парадную часть дома, в котором основное место занимали квадратный четырехколонный зал — своего рода михмонхона и загадочная фигурная комната, возможно, культового назначения.

При раскопках собрано почти 3500 фрагментов керамики, сходной с керамикой комплекса городища Шурабашат, в том числе своеобразная крашенная и расписная. Судя по количественному соотношению групп керамики, Мирзалим-тепе относится к позднему этапу шурабашатского периода — ко II—I вв. до н. э. Это подтверждается и радиоуглеродным определением сгоревшего дерева от помоста в комнате 4. Он дал 1880 ± 40 , т. е. 70 ± 40 н. э. Отсюда следует, что Мирзалим-тепе можно датировать по C¹⁴ рубежом нашей эры.

В таких укрепленных домах — сельских усадьбах, как Хожамбаг и Мирзалим-тепе, и обитала основная масса земледельческого населения Ферганы эпохи Даваньского царства. Выявленные две разновидности усадьбы позволили дополнить типологию шурабашатских поселений и поселений древней Ферганы в целом.

VI этап датируется первыми веками нашей эры и представлен в археологических материалах станковой ремесленной керамикой, покрытой блестящим красным ангобом. Памятники этого времени в оазисе пока еще мало изучены. К рассматриваемому периоду относятся курганы с захоронениями в катакомбах могильника Озгор I. Это первый подобный памятник в Ошском оазисе. В одной катакомбе была погребена женщина с богатым набором вещей и украшений. Здесь найдены круглое бронзовое зеркало, бронзовый браслет и перстень, пряжка от пояса и медальон со вставками из цветного стекла, подвешенный на бронзовой цепочке. Очень

разнообразен набор бус в ожерелье — из сердолика, перламутра, коралла, а также стеклянные редкой формы. В могиле найден небольшой кувшинчик, покрытый красным ангобом. На поверхности его процарапано несколько тамгообразных знаков. Могила ограблена. В другой катакомбе найдены случайно уцелевшие тонкие пластинки листового золота. В катакомбах хоронили древние скотоводы.

Проведенные работы позволяют точно зафиксировать границы расселения оседлоземледельческого населения и древних скотоводов. В Опском оазисе курганы начинаются в 5 км от Акбуринской крепости — укрепленного городища этого периода, служившего форпостом земледельцев на южной границе оазиса.

VII этап — средневековый период (IX—XII вв.) в истории оазиса — хорошо известен по данным письменных источников и достаточно полно представлен в коллекции, собранной в котловане при строительстве Опского пединститута и в других пунктах. К этому периоду относится единственное сохранившееся на территории Оша архитектурное сооружение — мавзолей Асафа ибн-Бурхия, построенный в караханидскую эпоху и неоднократно перестраиваемый.

VIII этап — позднесредневековый период. К нему относятся остатки построек северного пригорода Оша, обнаруженные по материалам аэрофотосъемки К. В. Шишкиным. Для проверки на одном участке хлопкового поля заложили шурф, и в нем на глубине 80 см нашли поливную керамику XV—XVI вв., такую же, как и на поверхности.

В изложенной периодизации древней и средневековой истории Опского оазиса, отражены основные итоги пятилетних археологических исследований. Особый интерес вызывают начальные этапы формирования и становления центра оазиса, основные вехи исторического развития г. Оша — одного из древнейших в Средней Азии.

¹ Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; *Он же*. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.

² Пошко А. Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. — СА, 1957, № 4, с. 296.

³ Юнусалиев М. Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970.

⁴ Заднепровский Ю. А. Опское поселе-

ние бронзового века. — ИАН КиргССР, 1981, № 2.

⁵ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118; *Он же*. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1978.

⁶ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки...

⁷ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — Арх. сб. ГЭ. Л., 1962, вып. 5.

В. И. РАСПОПОВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИЛИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Задача планомерного исследования городского жилища эпохи раннего средневековья на территории Согда поставлена не только лишь в Пенджикенте. На Афрасиабе раскопаны части нескольких домов, которые дали очень интересный материал и оказались во многом аналогичными пенджикентским¹. Поэтому можно предполагать, что жилищная застройка Пенджикента вообще типична для согдийских городов. Темой самостоятельного исследования стала жилищная застройка Шахристана в соседней с Согдом Уструшане². В Фергане, в пригороде Кувы, раскопаны целые кварталы VII—VIII вв.³ В Хорезме, на Топрак-кале, исследован один жилой квартал IV — начала VI вв.⁴ Большие раскопки проведены на Калаи-Кафирниган в Южном Таджикистане, где выявлены богатое и рядовые жилища⁵.

Изучению пенджикентского жилища посвящены прежде всего работы Б. Л. Ворониной⁶. Опубликованы отчеты о раскопках отдельных участков жилых кварталов О. Г. Большаковым, Б. Я. Стависким, Е. В. Зеймалем, Б. И. Маршаком⁷. В этих отчетах большое внимание уделено вопросам методики исследования жилищ. В книге «Средневековый город Средней Азии»⁸ А. М. Беленицкий обобщил работы по изучению жилищ Пенджикента.

Пенджикент возник в V в. как городское поселение с цитаделью, храмами и крепостной стеной.

Наиболее ранние жилища относятся к концу V — началу VI в., но ни одно из них не раскопано полностью⁹. Насколько можно судить по двум жилищам на XII объекте, в это время не было сплошной застройки. Расстояние между исследованными домами 14 м. Отдельные дома имели массивные фасадные стены (около 2 м толщиной) и тонкие внутренние перегородки. Помещения были площадью от 3 до 10 кв. м.

В первой половине VI в. на некоторых участках древнего города складывается сплошная застройка блоками из примыкающих друг к другу отдельных жилищ. Целиком исследовано одно жилище и частично раскопками затронуто шесть (объект XII). Первоначально все они были одноэтажными, но еще на протяжении VI в. были возведены вторые этажи, устроены сводчатые комнаты. В жилище, исследованном полностью, было шесть помещений площадью от 7 до 15 кв. м. Участок, на котором находился этот дом, занимал 90 кв. м. В жилище со сводчатым перекрытием найдены грузики от небольшого ткацкого станка. В двух жилищах небольшие комнаты площадью 8 и 9,5 кв. м имели перекрытия на четырех колоннах. Высота помещений первого этажа была 1, 8—2 м. К VI в. относится самое раннее жилище с росписью. Оно находится на объекте VI на территории, вошедшей в состав города на рубеже V—VI вв. Отдельные стены этого дома сохранились включенными в толщу более поздних стен. В отличие от более поздних помещений с живописью здесь высота стен от пола до потолка 2 м. В этом жилище имеются следы росписи и на остатке стены второго этажа.

Как показали работы на объектах XVI и XXII, в VI—VII вв. наряду со сплошными жилыми массивами существовали отдельно стоящие дома, которые к рубежу VII—VIII вв. были включены в сплошную застройку.

К первой половине и середине VII в. относятся только отдельные поселения, раскопанные на XII и VII объектах. В двух из этих помещений прослежены деревянные колонны с профилированными базами. Следует отметить, что к этому же времени относится ювелирная мастерская на XII объекте, представляющая собой изолированное от жилых комнат помещение¹⁰.

На объектах XXIII и XXIV целиком исследованы жилища, относящиеся ко второй половине VII в. Это — двухэтажные дома, входившие в кварталы сплошной застройки. Они принадлежали лицам разного социального статуса. Это — как небольшие дома из трех комнат, так и обширные постройки с залами, украшенными росписями, на первом и втором этажах. Возможно, что застройка этого времени раскопана и в других частях городища, например комплексы I и II на объекте VI. Но там датировку еще предстоит уточнить.

Таким образом, мы видим что пенджикентское жилище с V по VII в. претерпело значительные изменения. Ранние городские дома по своим масштабам и по простоте конструкции были гораздо скромнее домов второй половины VII и VIII вв. Самые ранние из исследованных домов сохраняли черты отдельных усадеб. В VI в. уже наблюдается сплошная застройка кварталов и рост города в высоту — появляются верхние этажи.

На протяжении VI—VII вв. складываются те элементы жилой застройки, которые мы наблюдаем в их совокупности в городе первой четверти VIII в. Это поквартальная застройка, увеличение этажности, о чем уже упоминалось, а также выделение парадных залов, украшение частных домов росписью и выделение специализированных лавок-мастерских.

На первую четверть VIII в. в Пенджикенте приходится строительство дворца Деваштича, большого количества богатых и рядовых домов, многочисленных лавок и мастерских, составляющих целые базары¹¹. На то же время приходится широкое распространение росписей и резного дерева, причем росписи есть в домах людей разного достатка и даже в отдельных рядовых домах. Для этого времени мы имеем уже массовый материал по жилищам.

Для первой четверти VIII в. вся исследованная жилая застройка, за редким исключением, выполнена технически на одном и том же уровне. Дома отличались друг от друга числом и размером комнат. В Пенджикенте не было лачуг бедноты, что свидетельствует о зажиточности городского населения Согда.

В 720-х годах город был разгромлен и пережил период запустения. Около 740-го года часть жителей вернулась и восстановила большую часть жилого фонда города, причем согдийцы восстанавливают свои жилища по-старому, часто с живописью и с изображениями языческих богов. Следует отметить, что некоторые дома при восстановлении города в середине VIII в. строятся заново. В некоторых домах помещения с росписью не были отремонтированы, в других, напротив, заново расписали целые залы. Однако город не достиг уровня первой четверти VIII в. В нем появились пустыри на месте базаров, целые дома стояли в руинах.

Позднее, в третьей четверти VIII в., видимо в связи с исламизацией, намеренно уничтожаются росписи и домашние алтари. В это время жилища знати пустеют или превращаются в рядовые дома. Это связано, вероятно, с тем, что местная знать при первых Аббасидах идет на службу к арабам и переселяется в большие города — резиденции наместников. Мелкие согдийские города, каким был Пенджикент, теряют свое значение как центры общественной жизни.

К концу третьей четверти VIII в. происходит окончательное запустение территории города.

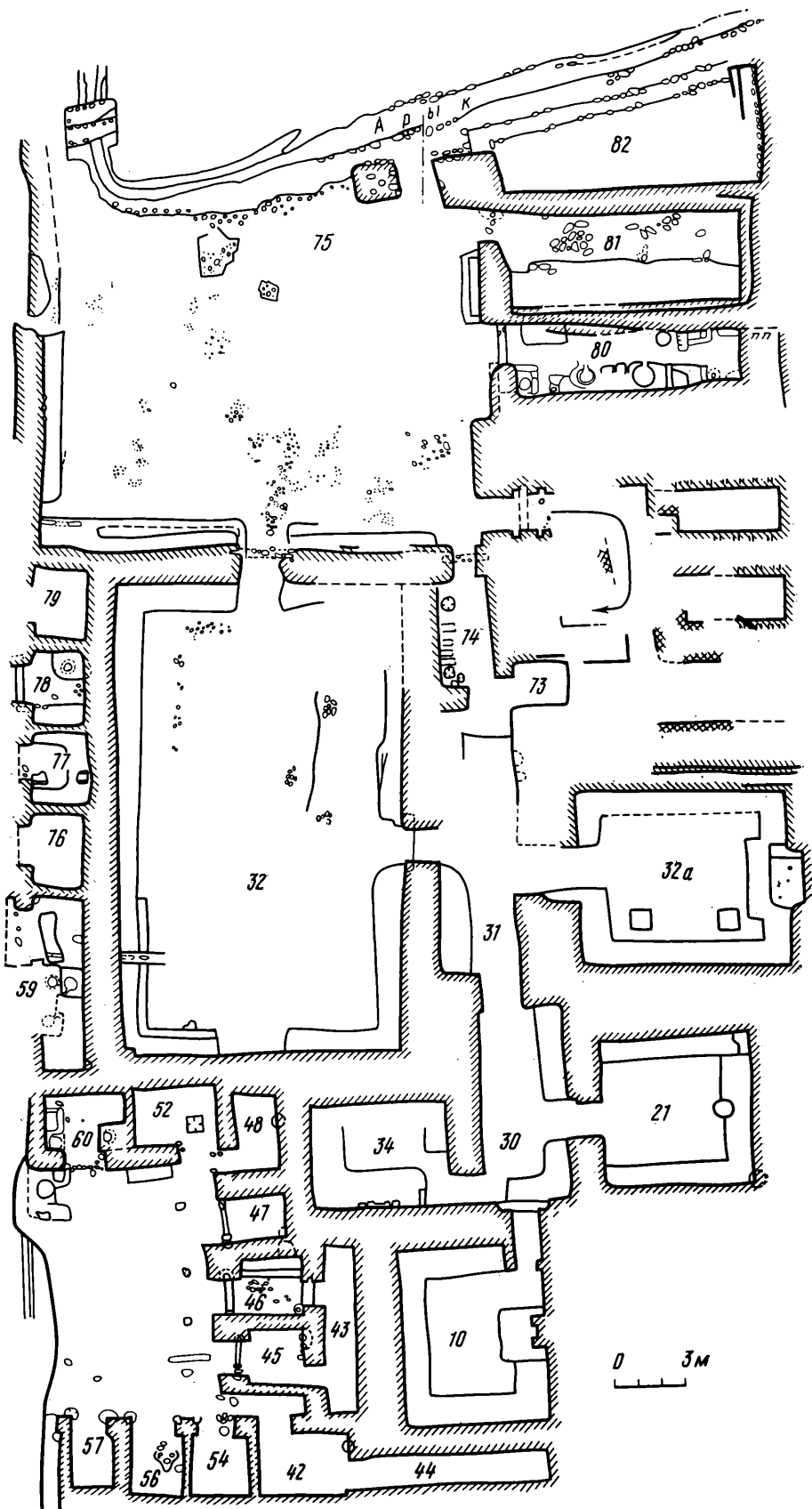
При исследовании жилищ разных периодов наблюдаются их переделы, связанные с разными причинами. Во все периоды имели место разделы домов, что можно связать с разделением семьи или с продажей дома по частям. Наблюдаются иногда сложные переделы, охватывающие до трех домовладений. Наибольший интерес с точки зрения социальной истории представляет присоединение к дому богатого горожанина жилища его рядового соседа¹².

Пенджикентские жилища наиболее изученного времени первой четверти VIII в. дают прекрасный материал для выяснения социальной стратификации согдийского общества. Очень четко выделяются крупнейшие жилища земельной и купеческой аристократии и скромные жилища «работников» (ремесленников и мелких торговцев). По характеру помещений и их декору к жилищам знати близки достаточно многочисленные дома значительно меньшей площади. Основная часть этих домов, видимо, принадлежала землевладельцам и купечеству среднего достатка.

На цитадели Пенджикента, отделенной от шахристана глубоким рвом и окруженной крепостной стеной, находился дворец правителя. Во дворце раскопан тронный зал, парадные коридоры и айван и три четырехколонных зала, т. е. раскопана парадная часть дворца¹³. О жилых покоях дворца судить пока трудно. Чем же отличается дворец от богатого жилища? Во-первых, тем, что он расположен в системе оборонительных сооружений цитадели, во-вторых, наличием нескольких одинаковых по архитектурно-планировочному решению залов. Это характеризует дворец как гипертрофированно богатое жилище.

На территории Шахристана выделяются из общей застройки два дома, которые по размеру и составу помещений приближаются к дворцу правителя Пенджикента. Это жилище, занимающее северо-западную часть объекта XVI (рис. 1), и объект XXI¹⁴. Объект XXI расположен позади храма II, а северная часть объекта XVI выходит на улицу, проходящую вдоль южной ограды храма I. Площадь, занятая основным домовладением объекта

XXI, 1142 кв. м, тогда как домовладение на объекте XVI занимало около 2100 кв. м. Отметим, что вся территория окруженного стеной Шахристана не превышала 13,5 га. План каждого из этих домов делится на функционально различные части: 1) сравнительно небольшое жилище семьи из нескольких помещений первого и второго этажей (сюда включены и кладовые); 2) парадная часть с квадратным (или прямоугольным с прямоугольной же апсидой) залом, коридором перед ним, помещением с пристенным очагом-алтарем и одной-двумя дополнительными комнатами; 3) выходящие на улицу лавки и мастерские, построенные вместе с остальными частями домов, но не сообщавшиеся с внутренними помещениями. Кроме этих трех частей, имеется четвертая, расположенная между входом и парадной частью, функции которой менее очевидны. На объекте XXI в нее входит многоколонный зал площадью 177 кв. м и примыкающие к нему помещения, а на объекте XVI — зал площадью 250 кв. м и большой двор (площадью около 280 кв. м). Для сравнения отметим, что и тронный зал во дворе Деваштича имел площадь около 250 кв. м. Именно дополнительные большие залы сверх обычных в богатых домах парадных залов являются наиболее специфической чертой двух самых больших домовладений. Эти залы и двор могли служить для многолюдных собраний. Некоторые помещения четвертой внешней части домовладений играли роль кухонь, а другие, по-видимому, — роль людских для слуг хозяев.

Следующий уровень по степени богатства представлен тремя домовладениями (на объектах III, VII и XVI) площадью 575—800 кв. м. В этих домах жилая и парадная части такие же, как в самых больших, но у них нет дополнительных залов. Затем следует семь домовладений площадью 330—500 кв. м. У них, как правило, меньше парадная часть. Самые маленькие парадные залы с живописью имеют площадь всего 30 кв. м. У ряда домов этой группы есть торгово-ремесленные помещения, не сообщаемые с внутренними комнатами дома. С уменьшением общей площади, естественно, оказывается меньше жилая часть, однако это уменьшение идет гораздо медленнее, чем уменьшение всей территории домовладения, которое происходит прежде всего за счет уменьшения других частей плана.

Планы жилищ рядовых пенджикенцев представляли собой более или менее упрощенный вариант структуры, нашедшей полное воплощение в планах богатых домов. В первой четверти VIII в. рядовое домовладение занимало среднюю площадь около 60 кв. м, хотя и были дома в полтора раза больше. Парадные комнаты здесь обычно являлись одновременно и жилыми. Только в одном таком доме с тремя комнатами по первому этажу открыты следы живописи в специальной нише. Некоторые помещения снабжены четырьмя столбами, имитируя план парадных залов, но они небольших размеров и лишены декора.

Более или менее богатые жилища с живописью составляют почти треть исследованных домовладений. Показательно, что, как правило, рядовые горожане не имели при домах ни лавок, ни мастерских. Торгово-ремесленные помещения они, вероятно, были вынуждены арендовать у своих богатых сограждан.

Структура застройки пенджикентского городища отражает развитую общественную жизнь.

Рис. 1. Пенджикент. Объект XVI. План самого крупного домовладения Пенджикента

10, 34 — помещения с пристенными алтарями; 21 — парадный зал; 30, 31 — парадные коридоры; 32 — многоколонный зал; 32а — парадный зал с четырьмя колоннами; 42—48, 52—54, 56, 57, 60 — помещения базара; 59, 76—79 — торгово-ремесленные постройки у западного фасада дома; 73 — хозяйственные постройки; 74 — коридор, использовавшийся как хозяйственное помещение; 75 — парадный двор; 80 — кухня; 81 — «людская»; 82 — торгово-ремесленное помещение у северного фасада дома; без номера — пандус и два сводчатых помещения у восточной границы дома

- ¹ *Шишкин В. А.* Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966, с. 12; *Шишкина Г. В.* Работы Афрасиабской экспедиции.— АО, 1979 г. М., 1980, с. 461; *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 11, рис. 3.
- ² *Авзалов Р. Э.* О квартальной структуре Бунджиката.— В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР, 26—31 августа. Душанбе, 1977, с. 81—83.
- ³ *Булагова В. А.* Древняя Кува. Ташкент, 1972, с. 18—50.
- ⁴ *Итина М. А.* Проблемы археологии Хорезма.— СА, 1977, № 4, с. 50; *Неразик Е. Е.* Раскопки городища Топрак-кала.— КСИА, 1972, вып. 132, с. 23—30; *Nerazik E. E., Rapoport Ju. A.* Die Festung Toprak-Kala in Choresmien.— Das Altertum, 1978, Bd. 24, H. 2, S. 84—88, Abb. 5, 7.
- ⁵ *Литвинский Б. А.* Токкуз-кала.— АО, 1975 г. М., 1976, с. 566—567; *Он же.* Древний и раннесредневековый Калай-Кафирниган.— АО 1977 г. М., 1978, с. 558—559.
- ⁶ *Воронина В. Л.* Изучение архитектуры древнего Пенджикента: По материалам раскопок 1947 г.— МИА, 1950, № 15, с. 189—192; *Она же.* Архитектурные памятники древнего Пенджикента.— МИА, 1953, № 37, с. 99, 105—132; *Она же.* Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества.— Архитектурное наследство. М., 1957, т. VIII, с. 115—128, 136—140; *Она же.* Архитектура древнего Пенджикента: (Итоги работ 1952—1953 гг.).— МИА, 1958, № 66, с. 196—215; *Она же.* Раннесредневековый город Средней Азии.— СА, 1959, № 1, с. 97—98; *Она же.* Архитектура древнего Пенджикента: (Результаты раскопок 1954—1959 гг.).— МИА, 1964, № 124, с. 51—65; *Она же.* Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по данным археологии).— Автореф. дис. ... доктор. ист. наук. М., 1960; *Она же.* Черты раннесредневекового жилища Средней Азии.— СЭ, 1969, № 6.
- ⁷ *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I, II, раскопки 1952—1956 гг.).— МИА, 1964, № 124, с. 88—120; *Ставиский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг.— МИА, 1964, № 124, с. 121—181; *Зеймаль Е. В.* Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956, 1957 гг.).— Там же, с. 244—264; *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг.— Там же, с. 182—243.
- ⁸ *Беленицкий А. М., Бенгович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 25 и сл.
- ⁹ Описания ранних жилищ, раскопанных на объекте XII, составлены по отчету Б. И. Маршака. См.: *Маршак Б. И.* Отчет..., с. 182—243.
- ¹⁰ *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 42—44, рис. 29—30.
- ¹¹ *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента).— СА, 1981, № 2, рис. 4.
- ¹² *Рахматуллаев И.* Зернохранилище начала VIII в. в Пенджикенте.— УСА, 1979, вып. 4, с. 59.
- ¹³ *Исаков А. И.* Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977, рис. 3, 31, 32, с. 118—121.
- ¹⁴ План объекта XXI опубликован в работе В. И. Распоповой «Металлические изделия раннесредневекового Согда» (рис. 25).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. И. ТИМОФЕЕВ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ФЕРГАНЫ

В последние два десятилетия в Центральной Фергане обследованиями, произведенными в 1958 г. Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой, в 1963 г. — 1964 гг. Ю. А. Заднепровским, в 1965 г. У. И. Исламовым, в 1967, 1969, 1970 гг. Ферганской экспедицией Гос. Эрмитажа и Ферганского областного краеведческого музея (начальник экспедиции — Н. Г. Горбунова, начальник Неолитического отряда — автор) обнаружено свыше 120 местонахождений каменной индустрии¹.

На основной территории распространения памятников выделяются большие группы местонахождений: западная, южная и центральная, северная. В литературе пока более подробно освещены особенности южной и центральной групп².

Западную, наиболее раннюю группу памятников составляют обследованные автором в 1969, 1970 гг. местонахождения Бекабад 1—4, у озера Иттак-Кала (п. 1, 2), у озера Шор-Куль (п. 1, 2), Ащиккуль-Янгикадам (п. 1, 2 близ пересечения Ащиккульского коллектора и дороги из Янгикадама), Ащиккуль 1—7. Топография местонахождений однотипна: они связаны с господствующими в рельефе грядами гипсированного песка, вытянутыми параллельно друг другу в направлении юго-запад — северо-восток. В понижениях между грядами часто располагаются мелкие, соединяющиеся между собой озера (более крупные из них — озера Иттак-Кала и Шор-Куль).

На одном из местонахождений (Иттак-Кала 1) сборы были проведены по квадратам 2×2 м. Планиграфия Иттак-Кала 1 (рис. 1), дающая представление о степени насыщенности площади находками каменной индустрии, отражает картину, характерную в целом для центрально-ферганских местонахождений.

Орудия западной группы памятников (рис. 2, А) изготовлялись из цветного кремня (от 40 до 70% находок), а также из глинистого сланца, полупрозрачной опало-халцедоновой и глинисто-кремнистой пород³. Сериями представлены скребки концевые типа, обычно укороченных пропорций (длинные скребки редки; встречаются, видимо, в наиболее ранних комплексах); заготовками для них служили отщепы, обычно с продольными гранями на спинке, отличающиеся от пластин лишь укороченными пропорциями, фрагменты и сечения массивных, широких пластин. Довольно многочисленны скребки с круговой ретушью, выполненные обычно на таких же заготовках, как и концевые (рис. 2, 13, 17).

Еще одну группу составляют скребки на отщепах нерегулярной формы, с плоской или покрытой желвачной коркой спинкой. Более многочисленны они в относительно поздних комплексах. Среди других категорий орудий характерны проколки, изготовленные на отщепах с выделенным ретушью жальцем, долотовидные орудия, выполненные на отщепах или сработанных нуклеусах. Встречаются изделия на массивных, толстых пластинах, оформленных крупной ретушью (рис. 2, 8, 9). Характерны острия

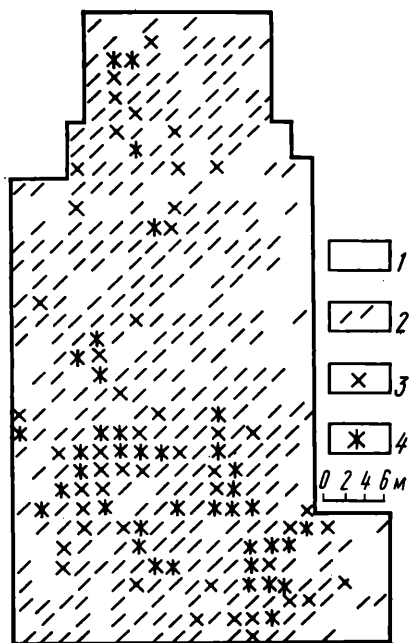

Рис. 1. Планиграфия находок расщепленного камня на местонахождении Иттак-Кала 1

1 — нет находок; 2 — одна-две находки; 3 — три—пять находок; 4 — от 5 до 14 находок' расщепленного камня

с притупленным краем, изготовленные на пластинах, часто довольно неправильного очертания (рис. 2, 26—29). Единичны острия на пластинках со скошенным и притупленным краем (рис. 2, 23, 24). В комплексах Иттак-Кала 1, 2, Ащиккуль-Янгикадам 2, Ащиккуль 1, 7 встречены мелкие, удлиненные пропорций сегменты (рис. 2, 31, 32, 34, 35). Довольно крупная асимметричная трапеция отмечена в п. Ащиккуль-Янгикадам 2 (рис. 2, 33). В п. Бекабад 4 отмечен фрагмент крупной трапеции, видимо, сходной с раннедзетунскими (рис. 2, 30). Характерно присутствие в комплексах относительно небольшого количества микропластинок и ножевидных пластин правильной формы (обычно вместе с изделиями из них составляют не свыше 10% всех находок расщепленного камня). Пластинки со вторичной обработкой оформлены по боковым краям мелкой ретушью, нанесенной со спинки или с брюшка. Встречаются пластинки с притупленным краем, с выемчатым краем. Среди нуклеусов характерны подклиновидные, с торцовым снятием микропластин и призматические, обычно одноплощадные.

Характерно обилие отщепов — заготовок и отходов производства; иногда встречаются массивные галечные отщепы, служившие изредка и заготовками для изготовления орудий. Эти находки показывают, что «галечный элемент» не был чужд населению наиболее ранних стоянок Центральной Ферганы.

Между комплексами отдельных местонахождений имеются и некоторые различия, очевидно хронологического характера. Особенно показательна «горизонтальная стратиграфия» Ащиккульской группы памятников. Здесь рядом с местонахождениями Ащиккуль 1 и 7, давшими архаичный набор инвентаря с преимущественным использованием в качестве сырья цветного кремня, располагалось местонахождение Ащиккуль 3, в комплексе которого преобладали изделия из опало-халцедоновой и глинисто-кремнистой пород; около 20% находок составляли микропластины.

Особенно много памятников представлено в южной и центральной группах. Здесь, в районе Северо-Багдадского коллектора (Замбар) и в грядовых песках, простирающихся к северу и востоку от населенного пункта Янгикадам, У. И. Исламовым в 1965 и автором в 1967, 1969 гг. было обследовано значительное количество местонахождений⁴. Ранее, в 1963—1964 гг., несколько памятников здесь было открыто Ю. А. Заднепровским⁵. Материалы ряда комплексов относятся к мезолитическому времени (Тайпак 3, 5, 7, 13, Тайпак 16, обследованные У. И. Исламовым, Янгикадам 21, 20, 22, Замбар 2, обследованные автором). Набор инвентаря их близок комплексам западной группы. К числу особенностей относится более широкое применение в качестве сырья опало-халцедоновой породы (в некоторых комплексах — до 50—60% изделий).

подавляющее большинство памятников южной и центральной групп (Янгикадам 1—19, 23—25, Доразкуль 1, 2, Замбар 1, 3, Янгисув 1, 2, Тайпак 1, 2, 4, 6, 8—12, 14, 15, Узункуль 1—5, Сигирчилик, Гуртепа) представляют индустрию «ферганского комплекса» (следуя термину, предло-

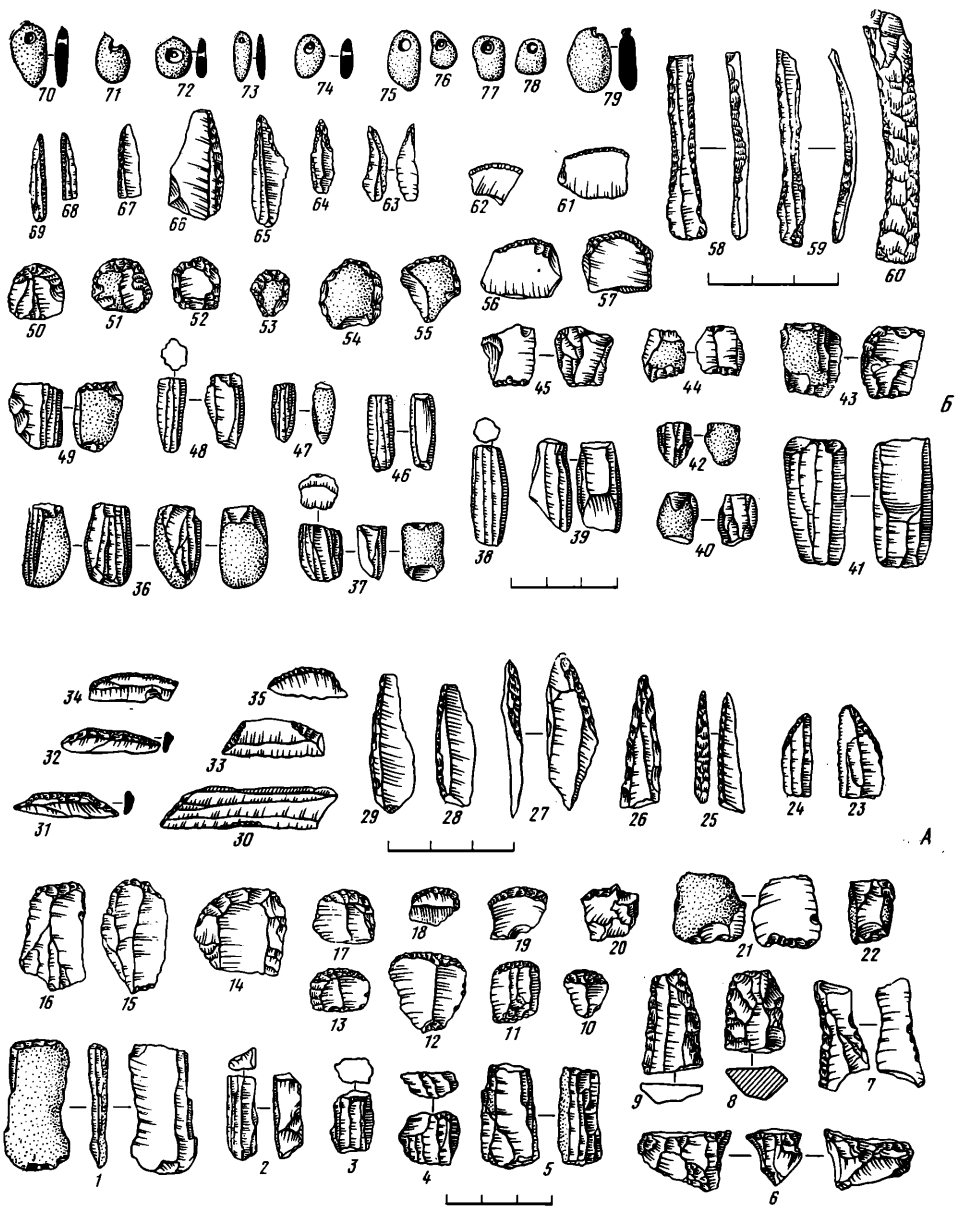

Рис. 2. Инвентарь памятников каменного века Центральной Ферганы

А — обширская культура (1—35); Б — центральноферганская культура (36—75), 1, 3, 10, 19, 24, 29, 31, 32 — Иттан-Кала 2; 2, 3, 4, 7, 14—16, 18, 21, 22, 26, 28, 34, 35 — Иттан-Кала 1; 5, 6, 11—13, 33 — Ащиккуль-Янгикадам 2; 9 — Ащиккуль-Янгикадам I; 17 — Янгикадам 2; 23 — Ащиккуль 3; 25 — Мадьяр II; 30 — Бенабад 4; 36, 62, 73 — Мадьяр 2; 37, 53, 54, 64, 65 — Мадьяр 4; 38, 41, 43, 58—60, 79 — Мадьяр 3; 39 — Мадьяр 8; 40 — Янгикадам 18; 42, 44, 46, 47, 52, 56 — Янгикадам 28; 45, 48, 50, 57, 63, 72 — Доразкуль 1; 49, 51 — Янгикадам 34; 55, 75, 76 — Янгикадам 31; 61 — Доразкуль 2; 63 — Янгикадам 30; 66, 67, 69, 71 — Янгикадам 16; 70, 74 — Янгикадам 25; 77 — Янгикадам 32; 78 — Янгикадам 19

женному Г. Ф. Коробковой⁶⁾). Набор инвентаря их чрезвычайно стандартен, повторяется в деталях в материалах разных местонахождений (рис. 2, Б). Для всех местонахождений характерно значительное количество микропластин и пластин (30—50% всех находок в комплексах). Большинство их (до 80—90%) составляют узкие (4—7 мм), тонкие, ровные, правильной огранки микропластины, что указывает, очевидно, на широкое распространение вкладышевой техники. Среди экземпляров с вторичной

обработкой всегда преобладают оформленные по боковым граням с бруска пологой, приостряющей ретушью. Характерно значительное количество нуклеусов для микропластин, мелких (размерами от 1 до 2,5 см), иногда удлиненных (цилиндрических и близких карандашевидным), как правило, сильно сработанных. Из микропластинок изготовлялись сверла, проколки, а также отдельные острия с притупленным краем, близкие изделиям типа граветт (рис. 2,67—69). Общее количество типологически выразительных скребков в комплексах уменьшается, среди них преобладают скребки на отщепах нерегулярной формы и с круговой ретушью. Почти во всех крупных комплексах имеются находки украшений — подвесок из галечек белой мраморовидной породы (свыше 30 экз.). Встречаются заготовки и галечки с незавершенным сверлением отверстий.

Можно отметить, что в инвентаре местонахождений «ферганского комплекса» сохраняются многие типы орудий, представленные в более ранних мезолитических памятниках, однако меняется их количественное соотношение. Изменения происходят и в составе сырья: если в материалах наиболее южных местонахождений (Замбар 1, 3) преобладают изделия из опало-халцедоновой породы (около 60% всех находок), то далее к северу опало-халцедоновая порода замещается светло-серым, непрозрачным кремнистым известняком (изделия из него составляют 50—60% находок в таких комплексах, как Янгикадам 14, 19, 27, 31, 35 и др.).

Северная группа памятников расположена на южном берегу ныне осушенного озера Дамкуль, занятом обширным массивом барханных песков. Впервые находки изделий каменного века здесь были отмечены в 1958 г. Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой (Бас-Кум I—IV, в 6—9 км к юго-западу от кишлака Мадьяр⁷) и Ю. А. Заднепровским в 1963 г. (Мадьяр, п. 11⁸). В 1969, 1970 гг. автором при обследовании барханных песков в районе населенных пунктов Мадьяр и Дамкуль III было обнаружено 18 местонахождений каменного века. Все пункты находок приурочены к выдувам — межбарханным понижениям, вскрытым дефляцией участкам древней дневной поверхности. Находки фиксировались по отдельным выдувам, расположенным на расстоянии от нескольких десятков до нескольких сотен метров друг от друга.

Ранний этап заселения побережья озера Дамкуль полнее всего представлен в материалах 11-го пункта района Мадьяра (Мадьяр 11). Для коллекции характерны изготовленные из цветного кремня (темного, сургучного цвета или зеленоватого) концевые скребки, в том числе с высоким рабочим краем, грубые пластинки и микропластинки, подклиновидные, с торцовым снятием микропластин нуклеусы. Следует отметить острие с притупленным краем, оформленное архаичной «встречной» ретушью (рис. 2, 25). Сходные материалы представлены также в небольших местонахождениях Мадьяр 5, 10. Типологически мезолитическая «примесь» (архаического облика изделия, изготовленные преимущественно из цветного кремня, аналогичные находкам из западной группы памятников) выделяется в материалах местонахождений Мадьяр 7, 13, Дамкуль III-2. Ряд мезолитических изделий был отмечен ранее Г. Ф. Коробковой в разновременной коллекции Мадьяр (п. 11), собранной Ю. А. Заднепровским⁹.

Выразительные коллекции материалов «ферганского комплекса» представлены в местонахождениях Мадьяр 1—4, 8, 10а. Большинство изделий изготовлено из светло-серого кремнистого известняка (50—65% находок), значительно реже использовались цветной кремень, опало-халцедоновая порода. Характерно обилие пластинок и микропластин при уменьшении количества скребков. Среди скребков типичны изготовленные на отщепах нерегулярной формы (часто с желвачной коркой на спинке), скребки и микроскребки с круговой ретушью. Характерны изделия из микропластинок, а также долотовидные орудия. Серией представлены подвески из галечек мраморовидной породы. В п. Мадьяр 1 обнаружена также округлой формы уплощенная бусина из камня. В целом набор инвентаря данных местонахождений очень близок комплексам центральной и южной групп. В то же время приходится признать, что если для инвентаря южной

и центральной групп местонахождений «ферганского комплекса» характерны устойчивая стандартность размеров заготовок — микропластин, то размеры пластин мадьярских местонахождений заметно варьируют. Так, местонахождение Мадьяр 10а дало микролитическую пластинчатую индустрию с преобладанием микропластин шириною 5—7 мм, в п. Мадьяр 1, 2, 8 преобладают пластинки шириною 7—8 мм. Особенно выделяются комплексы Мадьяр 3, 4, для которых характерны крупные (шириною 7—10 мм), часто длинные пластины и соответствующих размеров удлиненные нуклеусы, «цилиндрические» и близкие карандашевидным. Показательна серия крупных пластин с выемками (скобелей), близких джейгунским или раннекельтеминарским (рис. 2, 58—60). Возможно, местонахождения Мадьяр 3, 4 следует относить к заключительным этапам существования в Центральной Фергане индустрии «ферганского комплекса».

Из других районов северной части Центральной Ферганы отдельные местонахождения индустрии «ферганского комплекса» известны у Сарык-Су, Бахрабада, Мингбулака, близ Ак-Кума (обследования Ю. А. Заднепровского¹⁰), Бувайды (обследование автора).

Суммируя результаты проведенных работ, можно прийти к выводу, об определенном районировании разновременных памятников.

Комплексы западной группы центральноферганских местонахождений характеризуют, очевидно, начальные этапы освоения территории Центральной Ферганы первобытными коллективами.

Инвентарь стоянок западной группы в целом близок мезолитическим комплексам Обишир I, V, что позволяет отнести их к одной археологической культуре¹¹. Отличие состоит прежде всего в отсутствии в комплексах Центральной Ферганы типичных галечных орудий (чопперов, чоппингов и других изделий из крупных галек). Следует отметить также, что в материалах Обишира очень немногочисленны изделия с подтеской (долотовидные), характерные для центральноферганских мезолитических комплексов.

Близкие аналогии набору инвентаря многочисленных местонахождений «ферганского комплекса» за пределами Центральной Ферганы отсутствуют, что указывает, видимо, на правомерность рассмотрения данных памятников в качестве локальной центральноферганской археологической культуры (о чем ранее писала и Г. Ф. Коробкова¹²), связанной происхождением с комплексами предшествующей обиширской культуры. При рассмотрении вопроса о датировке центральноферганской культуры следует учитывать, что на всех ее местонахождениях полностью отсутствуют и прямые и косвенные признаки, свидетельствующие о наличии у ее носителей и керамики и элементов производящих форм хозяйства. Существенно также, что в материалах многочисленных центральноферганских местонахождений еще полностью отсутствуют мелкие, симметричные, «высокой формы» трапеции, распространенные в культурах раннего неолита разных районов Средней Азии¹³. Это так же, как и ярко выраженный микролитизм пластинчатой индустрии, подтверждает скорее всего первоначально предложенную Г. Ф. Коробковой датировку «ферганского комплекса» временем, переходным от мезолита к неолиту¹⁴. К собственно неолитическому времени возможно, относятся лишь типологически наиболее поздние местонахождения, представленные лишь на севере Центральной Ферганы (Мадьяр 3, 4). В последующее время более или менее постоянное население в пределах Центральной Ферганы отсутствует. Возможно, дальнейшее развитие этноса, оставившего памятники обиширской и центральноферганской культур, проходило за пределами рассматриваемой территории.

¹ Заднепровский Ю. А. Неолит Центральной Ферганы.— КСИА, 1966, вып. 108; Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, 1969, № 158, с. 127—141; Тимофеев В. И. Выделение

территориальных групп среди неолитических стоянок Центральной Ферганы: Тез. докл. совещ. «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, с. 62—64; Исламов У. И., Тимофеев В. И. Стоянки каменного

- века южной части Центральной Ферганы.— ИМКУ, 1977, вып. 13, с. 5—12.
- ² *Исламов У. И., Тимофеев В. И.* Стоянки каменного века...
- ³ По определению Г. М. Ковнурко.
- ⁴ *Исламов У. И., Тимофеев В. И.* Стоянки каменного века...
- ⁵ *Заднепровский Ю. А.* Неолит Центральной Ферганы...; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 136—139. К сожалению, в ряде случаев затруднительно отождествление местонахождений, обследованных в разные годы разными исследователями.
- ⁶ *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 11, 12.
- ⁷ Отчет Б. З. Гамбурга о научной поездке в Центральную Фергану хранится в фондах Ферганского областного краеведческого музея.
- ⁸ *Заднепровский Ю. А.* Неолит Центральной Ферганы...; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 134.
- ⁹ *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 142; *Она же.* Мезолит Средней Азии и его особенности.— КСИА, 1977, вып. 149, с. 112.
- ¹⁰ *Заднепровский Ю. А.* Неолит Центральной Ферганы...
- ¹¹ *Исламов У. И.* Обширская культура. Ташкент, 1980, с. 120.
- ¹² *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 14.
- ¹³ *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан.— МХЭ, 1975, вып. 10, с. 211, 212; *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткауд — многослойное поселение гиссарской культуры. — СА, 1971, № 2.
- ¹⁴ *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 142.

Л. Б. КИРЧО

РАСКОПКИ СЛОЕВ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА АЛТЫН-ДЕПЕ В 1979—1980 ГГ.

На Алтын-депе в Южной Туркмении Каракумская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством В. М. Массона продолжает раскопки напластований периода ранней бронзы¹. На стратиграфическом раскопе 5 площадью 500 кв. м в северо-восточной части поселения в 1979—1980 гг. изучены строения 6-го и 7-го горизонтов².

Застройка в пределах раскопа с востока ограничена обводной стеной, идущей по краю холма в направлении юг — юго-восток — север — северо-запад. Ширина стены 0,9—2,0 м. Стена сложена вперевязку из четырех-пяти рядов сырцового кирпича (0,46—0,49×0,22—0,25×0,12—0,15 м), поверхность ее оштукатурена и снаружи имеет откос 70—75°.

В 7-м строительном горизонте значительную часть западной половины раскопа занимает прямоугольная (16,5×10,5 м) площадь — двор А. В южном углу прослежены остатки сырцовой забутовки — фундамента мощной стены, разделявшей кварталы в 6—2-м горизонтах.

В центре западной половины раскопа выявлены трехкомнатный дом — помещения 4, 6, 7. Вход в него был с востока, через вестибюль 6. Помещения 6 и 7 составляли жилой блок дома. В западном углу помещения 7, на полу, найдены восемь глиняных ядер для пращи. Первоначально из комнат 6 был проход в более обширное южное помещение 4 площадью 16 кв. м. Позже проход был заложен и превращен в полукрестовидную нишу. Против ниши в южной стене имелся выступ (0,5×0,8 м). Стены и пол помещения 4 были тщательно обмазаны и имели до пяти слоев штукатурки. В центре пола выявлен очаг-подиум (0,9×0,8 м) с бортиками по краям, на углах переходящих в рогообразные возвышения. На очаге стояла крупная расписная чаша. На полу к западу от очага найдены 56 ядер для пращи, у северной стены — крохотная антропоморфная фигурка (рис. 1, 3), миниатюрная мотыжка серого кремня (рис. 1, 9) и 11 глиняных лепешек. Вдоль южной стены комнаты лежали 14 каменных орудий труда, а около выступа — небольшая гиря с ручкой из известняка.

Южнее помещения 4 располагалось пристроенное к дому помещение 16 (8 кв. м) с прямоугольной нишей в северной стене.

Небольшой домик, примыкавший к помещениям 4 и 16, состоял из трех комнат (8, 10, 15), первая из которых была, видимо, жилой (8 кв. м), а две другие (2 и 3,5 кв. м) — подсобными.

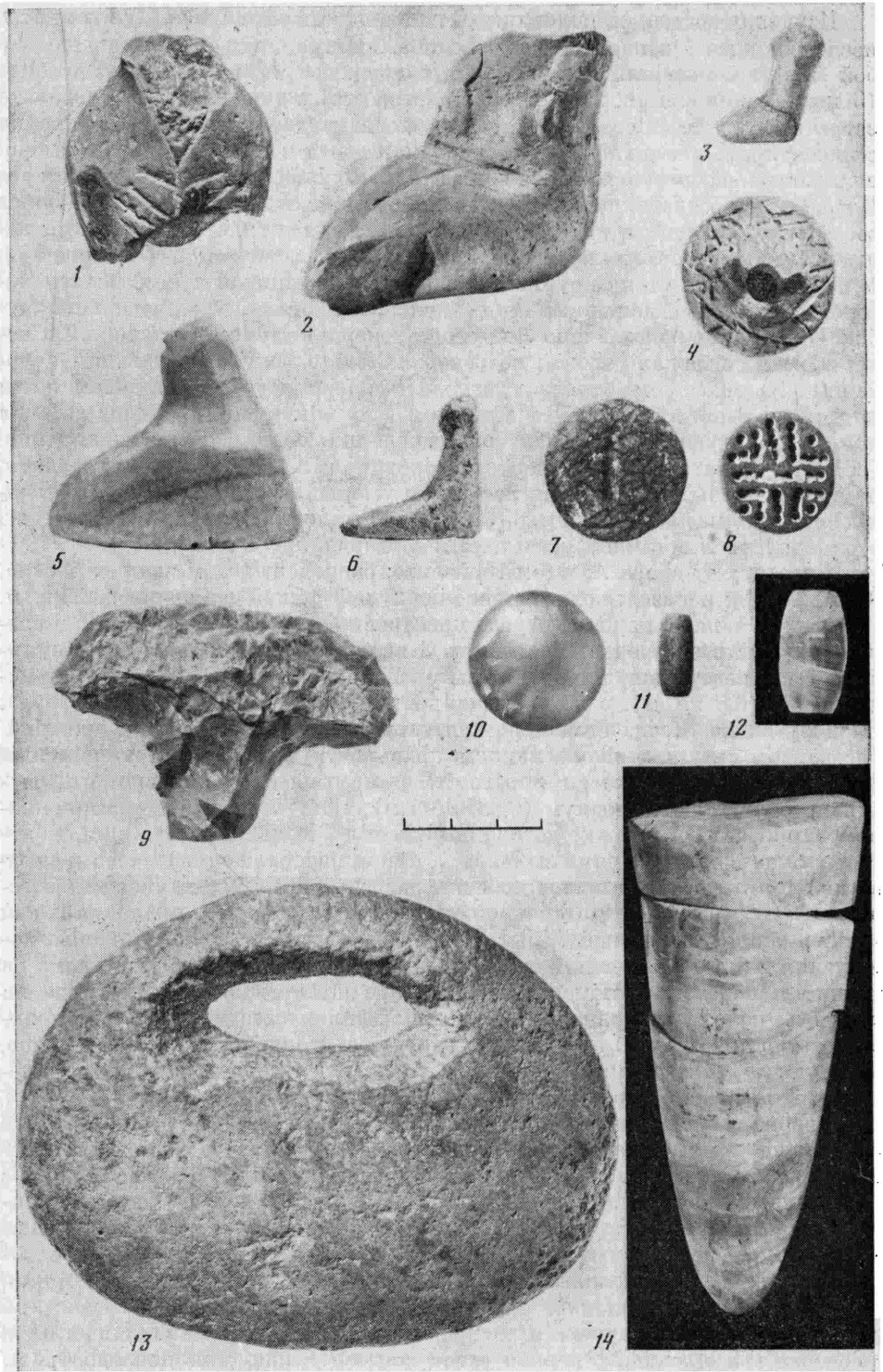

Рис. 1. 1—4 — терракотовые, 7—9, 13, 14 — каменные предметы из заполнения 7-го горизонта; 5, 6, 10—12 — каменные статуэтки и украшения из погребальных камер 6-го горизонта

Изучение восточной половины раскопа еще не завершено. Две комнаты, исследованные в западном углу раскопа, видимо, также представляли собой блок, включавший одно жилое (площадью 9 кв. м) и одно подсобное (3 кв. м) помещения. В заполнении строений и площади 7-го горизонта встречены 13 безы Inventарных захоронений младенцев, три захоронения с инвентарем, а в южном углу площади — кости человека, видимо, выброшенные из расположенной вне пределов раскопа погребальной камеры. Погребение 643 расчищено в центре площади и, судя по сопровождающим сосудам, совершено в пятом строительном периоде. Скелет взрослого лежал головой на северо-запад, на правом боку, в скорченном положении. У лобных костей стоял крупный красноангобированный кубок, внутри которого находился меньший, также красноангобированный расписной кубок. Погребение 644 найдено снаружи у северной стены помещения 7. Скелет взрослого лежал головой на север на левом боку в скорченном положении. За затылком стояла светлоангобированная чаша с обломанным поддоном. В погребении 658 в западном углу помещения 6 скелет ребенка найден в полусидячей позе в сопровождении светлой конической чаши.

В 6-м строительном горизонте, в середине западной половины раскопа, по-прежнему был расположен несколько уменьшившийся двор А с зольно-мусорными ямами и мелкими очажками. Рыхлое заполнение с примесью разложившейся органики указывает на содержание скота.

К востоку от двора А, в 6-м горизонте, расположен дом из трех блоков. Южный блок образовывали помещения 2 и 3 общей площадью 28 кв. м. Вход был с запада, из двора А, где пристроено третье помещение 32, а возможно, просто загородка. Вестибюль 3 являлся одновременно и хранилищем. В его северо-западной части выгорожен хозяйственный отсек — помещение 27 (0,5 кв. м), в котором найдены шесть каменных орудий труда. На полу около отсека стояла резная терракотовая корбочка-реликварий. В северном углу расчищена нижняя половина хума. Между помещениями 2 и 3 был проход (0,6 м) с порогом. В центре на полу помещения 2 расчищен крупный очаг-подиум (0,88×1,04 м), аналогичный очагу в помещении 4 горизонта 7. В южной стене помещения 2 выявлены пять ниш, из которых одна в центре прямоугольная, а ниши, расположенные слева и справа по две, имели как в плане, так и в разрезе форму трехступенчатой пирамиды. Стены и полы тщательно обмазаны. Назначение помещения 2, как и помещения 4 горизонта 7, было, видимо, двояким. С одной стороны, помещения 2 и 3 представляли собой обычный блок многокомнатного дома из жилого и подсобного помещений. Большое количество орудий труда из камня на полах, в заполнении и в хозяйственном отсеке также свидетельствует о бытовом характере блока. С другой стороны, отделка стен и полов, очаги-подиумы, ступенчатые ниши говорят о культовом характере помещения 2 6-го горизонта и помещения 4 7-го горизонта.

Севернее помещений 2 и 3 в 6-м горизонте расположены еще два жилых блока дома: западный — помещения 26, 38/38а — и восточный — помещения 28, 29. Первоначально вход в западный блок осуществлялся с севера, через проход 39, который представлял собой междомное пространство, или, возможно, крытую часть двора. В центре жилого помещения 26 (6 кв. м), на полу, расчищен очаг (0,55×0,55 м), а в западной и восточной стенах — расположенные друг напротив друга щелевидные ниши. На полу найдены каменные орудия труда, набор которых указывает на работы по выделке, окраске и раскрою кож. Позже вход в западный блок с севера был заложен, северная стена дополнительно утолщена до 0,5 м, а помещение 39 отделено от двора А стеной и превращено в погребальную камеру. Здесь было совершено единственное перезахоронение костей ребенка 10—11 лет³ (погребение 614). Вход в западный блок стал осуществляться из двора А, а в помещении 38 был выгорожен хозяйственный отсек.

Восточный блок состоял из жилой комнаты 28 (7 кв. м) и вестибюля 29 (5 кв. м), в помещении 28 очаг устроен у западной стены, а в северо-западном углу отгорожен хозяйственный отсек.

К дому из трех блоков примыкают еще три жилых комплекса. С юга, со стороны небольшого двора 7, пристроена комнатка 4 (5 кв. м) с угловым очагом. Дворы А и 7 разделяли хозяйственные помещения 40 и 41. У южного обреза раскопа исследована овальная погребальная камера 47 (2,1×2,4 м), содержащая захоронения двух человек. Кости погребения 652 сдвинуты к восточной стене камеры. Скелет 651 без черепа, лежал головой на север, на правом боку, в скорченном положении. В ногах — две расписные чаши и биконическая бусина красного камня. Нерасписная чаша расчищена у западной стены камеры. За шейными позвонками найдено аметистовое навершие, у лопаток — халцедоновая бусина, у таза — пронизка из синего фаянса (?)⁴ (рис. 1, 10—12).

Восточнее двора 7 расположено жилое помещение 12/14 (13,5 кв. м) с очагом в центре. На полу у северной стены найдена кучка глиняных ядер для пращи. Вход в помещение 12/14 был с востока, от обводной стены. В междудомном пространстве 13 найдено скопление отходов производства — мелкие обломки мраморовидного известняка заготовки бус и три бракованные бусины, сломанные при сверлении отверстий. К восточной стене помещения 2 были пристроены два небольших (по 4 кв. м) помещения-хранилища 35 и 37.

К северу от центрального дома изучены три комнаты 42—44 площадью 12, 7 и 7 кв. м. Плохая сохранность помещений, частично перекопанных и заполненных золой, позволяет отметить только некоторые детали. Так, северная стена помещений 42 и 44, которая выходила на край холма, состояла из отступающих и выступающих отрезков. У одного из выступов в помещении 44 расчищен очаг на круглом основании (0,6 м). В помещении 43 под восточной стеной найдены три подпятника, уложенные в ряд для укрепления основания стены.

Все эти строения восточной половины раскопа образовывали один тянувшийся вдоль края холма квартал, ограниченный с запада и юга дворами, а с востока и севера — краем холма. К этому кварталу относилась и округлая погребальная камера 1 диаметром 1,7 м у обводной стены. Камера 1 частично сохранила ложносводчатое перекрытие и послужила для захоронения четырех взрослых (погребения 634, 635, 637, 638) и одного подростка (погребение 636). В анатомическом порядке в скорченном положении сохранились части скелетов погребения 636 — головой на северо-восток, на левом боку, 637 и 638 — головой на восток — северо-восток и восток, оба — на правом боку. В инвентарь входили четыре расписных сосуда — две чаши, горшочек и кубок, каменный конический сосуд, две антропоморфные статуэтки (рис. 1, 5, 6) и нитка пастовых бус.

В западном и южном углах раскопа расчищены части двух других многокомнатных домов-кварталов. В южном углу выявлено пять помещений дома, часть которого уходит в обрез раскопа. Помещение 30 (10 кв. м), видимо, жилое, а помещения 34 (4 кв. м) и длинные и узкие помещения 31 и 33 — подсобные.

В западном углу вдоль северного обреза раскопа выявлены три помещения (16—18), построенные анфиладой. Центральное положение занимает помещение 16 (более 8 кв. м), в полу которого расчищен очаг, вымощенный галькой и окруженный невысоким глиняным бортиком. В южном углу находится второй очажок — обожженное и заполненное золой пространство, отгороженное кирпичом. Узкое помещение 18 (более 4 кв. м) было подсобным. Западная стена его укреплена выступом-контрфорсом, против которого на полу расчищена овальная вымостка из гальки, перекрытая обломками полихромных расписных хумча.

Восточнее расположен еще один комплекс (помещения 19—22). Два первых помещения площадью более 5 и 4 кв. м, видимо, жилые, а помещения 20 и 21 (по 1 кв. м) подсобные. В помещении 22 прослежено два уровня полов, на нижнем в юго-западном углу находился очаг на сырцовом основании (0,55×0,65 м). Позже в помещении 22 были совершены перезахоронения женщины 40 лет (погребение 603) и мужчины

16 лет, перемешанные кости которых разбросаны на верхнем полу в западной половине помещения.

Таким образом, на территории раскопа в 6-м строительном горизонте были выявлены остатки трех многокомнатных домов-квартир. Полностью исследованный квартал на восточном краю холма состоял из шести блоков, образованных жилой комнатой с очагом и одним-двумя подсобными помещениями. Один из блоков, видимо, выполнял функции квартального святилища.

Помимо захоронений в погребальных камерах, в 6-м горизонте изучены 16 безы Inventарных захоронений младенцев, одно — подростка 10—13 лет (погребение 610), головой на восток, на правом боку, в скорченном положении, и два взрослых: погребение 625 — головой на северо-запад, на правом боку; погребение 628 — головой на запад, на левом боку; оба — в скорченном положении.

Особый интерес представляют погребения 607 и двойное погребение 626—627. В погребении 607 скелет женщины 40—50 лет лежал головой на юго-запад на левом боку, в сильноскорченной позе. Инвентарь представлен единственным сосудом — сероглиняной лощеной биконической вазой на ножке с ручкой-упором и процарапанным орнаментом в виде вертикальных волнистых линий на бортике. Подобные сосуды характерны для одновременных захоронений могильника Пархай II в Юго-Западной Туркмении⁵. Стратиграфические наблюдения позволяют заключить, что захоронение совершено в начале 5-го строительного периода.

Погребение 626—627, судя по разрушенным в 5-м и 6-м горизонтах стенам, совершено в 4-м строительном периоде. Погребальное сооружение прослежено только в плане, однако, судя по форме входной ямы и неодновременности захоронений, это было округлое в плане сооружение типа катакомбы диаметром около 1,1 м. Входная яма глубиной более 1,5 м расположена к западу от камеры. Первоначально в катакомбе был захоронен ребенок 11—12 лет (погребение 626). Скелет лежал видимо, головой на северо-запад. Рядом находились три расписных кубка, расписной горшок, в котором найдена фаянсовая бусина, три каменных сосуда, миниатюрный светильник с круглой крышкой и бронзовый стержень с утолщением на конце и с копьевидным навершием. В ногах была положена передняя ножка барана. Затем кости и инвентарь погребения 626 были сдвинуты к восточной стене катакомбы, а в западной половине совершено захоронение женщины 60 лет (погребение 627). Скелет лежал головой на северо-запад, на правом боку, в скорченном положении. За черепом найдена биконическая бусина из мраморовидного известняка, у пояса — каменная печать с ушком и высверленными крестовидным орнаментом (рис. 2, 3), у ног — миниатюрный каменный горшочек.

В заполнении помещений и дворов 6- и 7-го строительных горизонтов раскопа 5 найдено много обломков костей животных, сосудов, поделок из камня, глины и меди и каменные орудия труда. Комплекс керамики (более 1900 венчиков) включает обломки столовых и хозяйственных сосудов для хранения запасов и приготовления пищи. Столовые сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины на гончарном круге, реже представлены лепные подправленные на круге. Несколько маленьких сосудов сформованы вручную. Основные формы: чаши, кубки, миски и небольшие горшочки разнообразных пропорций. Поверхность сосудов покрыта светло-коричневым или красным ангобом. В 7-м горизонте представлена группа чаш с красным ангобом на внутренней поверхности сосудов, продолжающая позднеэнеолитические традиции.

Хозяйственные сосуды (хумы, хумча, корчаги и тагора) изготовлены в основном на гончарном круге, однако в керамике 7-го горизонта представлена большая группа лепных сосудов из теста с примесью мелкого песка, венчик которых оформлен на гончарном круге. Кухонные котлы с большой примесью песка и дробленого кварца в тесте изготовлены вручную, иногда с подправкой верхних частей на гончарном круге.

Значительная часть столовых сосудов украшена монохромной геоме-

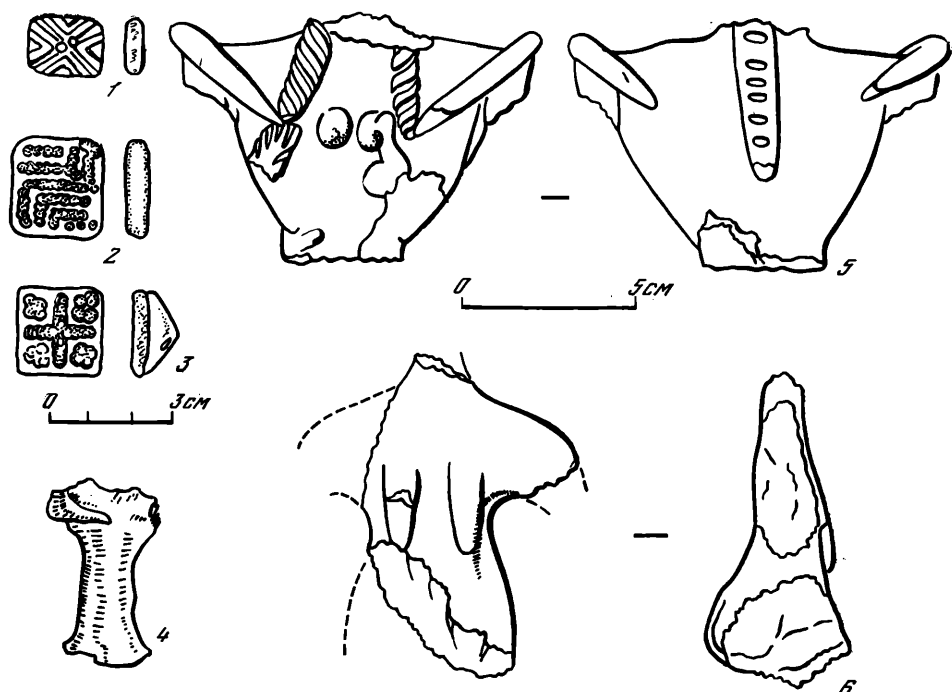

Рис. 2. 1—2 — каменные печати, 4—6 — терракотовые статуэтки из заполнения 6-го горизонта; 3 — каменная печать из погребения 627

трической фризовой росписью, продолжающей позднеэнеолитические традиции. Изредка встречаются обломки полихромных хозяйственных сосудов. Комплекс керамики в целом характеризует средний этап Намазга IV, когда в керамическом производстве уже широко внедрен гончарный круг, а измельченная и начинающая деградировать роспись распространена еще довольно широко. В 7-м горизонте около 42% сосудов изготовлены на гончарном круге, 31% — с подправкой на круге; расписная керамика составляет около 48% всех сосудов. В 6-м строительном горизонте гончарная керамика составляет уже около 85%, а с подправкой на круге — 9%, роспись нанесена на 30% сосудов.

Глиняные и терракотовые поделки представлены антропоморфными статуэтками, фигурками животных, пряслицами и навершиями на веретено, реликвариями и их обломками, ядрами для пращи и колесами для моделей повозок.

Антропоморфные статуэтки встречены трех типов: массивные сидящие женские фигурки с прическами, украшенными косами или вьющимися прядями (рис. 1, 2), подквадратными плечами с косыми налетами (рис. 2, 5), процарапанным изображением дерева на бедрах (рис. 1, 1); более редко встречаются миниатюрные фигурки без рук и грудей (рис. 1, 3); наиболее многочисленны так называемые статуэтки-фишки на расширяющемся подцилиндрическом основании, часто лишённые головы, но с изображением рук, расставленных, поднятых или сложенных на груди (рис. 2, 4).

Пряслица конические, иногда орнаментированные вдавлениями или насечками по основанию, и биконические. Навершия напоминают сферические, биконические и конические пряслица, не проткнутые до конца. Некоторые орнаментированы насечками по основанию и прочерченными линиями и наколами по боковой поверхности (рис. 1, 4).

Каменные сосуды из известняка, мрамора и алебастра изготовлены как вручную, так и станковым сверлением. Наиболее распространены конические с молоточкообразным венчиком и расширяющимся дном. Среди других каменных поделок наибольший интерес представляют две антропоморфные сидящие статуэтки (рис. 1, 5, 6) и пуговицы-печи с высвер-

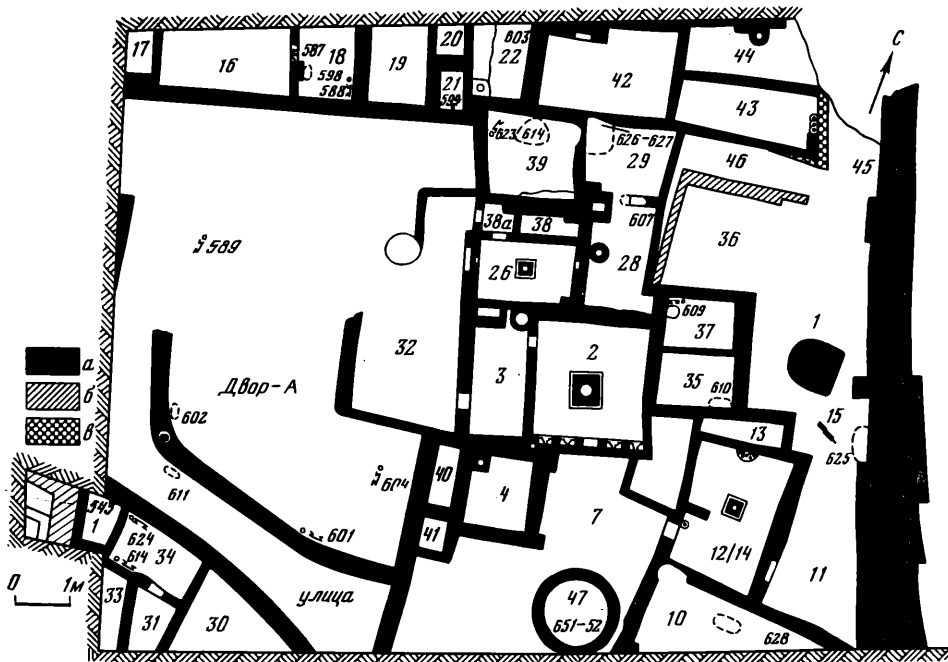

Рис. 3. Алтын-депе. План строений горизонта VI, раскоп 5

а — стены горизонта VI; б — стены горизонта V; в — стены горизонта VII

ленным или процарапанным орнаментом в виде креста (рис. 1, 7, 8; 2, 2), в том числе одна из лазурита (рис. 2, 1). Светильники из мраморовидного известняка в 6- и 7-м горизонтах встречены двух форм — вытянутые квадратные в сечении и конусовидный (рис. 1, 14).

Каменные пряслица и навершия имели в основном коническую форму. Сфероконические навершия изготовлены из специально подобранных кусков мрамора и из полудрагоценных пород (рис. 1, 10). Из сердолика, халцедона, агата и мрамора изготовляли и разнообразные бусы (рис. 1, 12).

Малочисленные металлические предметы представлены обоюдоострыми почти квадратными и круглыми в сечении шильями, двулезвийным ножом с округлым концом лезвия, стержнями с утолщением на конце с посоховидным или в виде плоской ступенчатой пирамиды навершиями, кольцами в один оборот.

Среди 364 каменных орудий труда преобладают орудия для обработки зерна, камня, кожи и краски. Широко представлены абразивы и оселки для заточки металлических изделий. В 7-м горизонте найдена серия орудий, связанных с обработкой руды⁶.

Таким образом, в результате работ 1979—1980 гг. на раскопе 5 Алтын-депе (рис. 3) получены новые материалы, характеризующие, судя по керамике, средний этап развития культуры ранней бронзы (Намазга IV) Южной Туркмении. Наиболее близкие аналогии имеются в материалах раскопа 1 Хапуз-депе⁷ и в керамике X—VII ярусов шурфа 1 Намазга-депе⁸. Целый ряд компонентов культуры для этого периода выявлен впервые: круглые погребальные камеры, катакомба, ступенчатые ниши, конические светильники, светильники-чашечки, ряд орнаментов сосудов, в частности стилизованные изображения барсов, каменная мотыжка.

Особое значение имеют эти материалы для решения проблемы генезиса раннегородской цивилизации Алтын-депе эпохи развитой бронзы. Культурная и генетическая связь комплексов ранней бронзы и позднего энеолита выявляется теперь не только в орнаментации керамики и совпадении ряда типов изделий. Важнейшие компоненты культуры: принцип застрой-

ки поселения многокомнатными домами-кварталами из блоков и наличие домового святилища, круглые погребальные камеры и состав инвентаря погребений, основные типы антропоморфной пластики, каменные пуговицы-печати, терракотовые реликварии, т. е. весь круг компонентов культуры, так или иначе определяемый внепроизводственной сферой, продолжает позднеэнеолитические традиции.

¹ Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981, гл. 1.

² Массон В. М. Изучение слоев энеолита и бронзы на Алтын-депе.— АО 1979 г. М., 1980, с. 465—466.

³ Антропологические определения Т. П. Княткиной.

⁴ Определение пород камня Н. Б. Селивановой.

⁵ Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник Пархай II в долине Сумбара.— ИАН ТССР СОН, 1979, № 5.

⁶ Функции каменных орудий труда определены Г. Ф. Коробковой.

⁷ Сарияниди В. И. Новые раскопки на Хапуз-депе.— КСИА, 1969, вып. 115.

⁸ Литвинский Б. А. Намазга-депе.— СЭ, 1952, № 4.

Г. Н. БЕСТУЖЕВ, А. Д. РЕЗЕПКИН

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ГРОБНИЦЫ У СТАНИЦЫ НОВОСВОБОДНОЙ

В урочище Клады у станицы Новосвободной в одном из курганов, раскопанных в 1979—1980 гг. Майкопским отрядом Кубанской экспедиции, открыта двухкамерная мегалитическая гробница эпохи ранней бронзы (курган 31, погребение 5). В гробнице лежали остатки двух плохо сохранившихся костей — взрослого и ребенка. Захоронение богато обставлено разнообразной утварью. Даже простое перечисление находок составило бы внушительный список — свыше 80 наименований.

Небольшая группа вещей по своему назначению представляет, вероятно, замкнутый микрокомплекс. Эти предметы находились во внутренней камере, где помещались останки погребенных и откуда происходит часть находок. Сверху плашмя лежало бронзовое изделие в форме колеса с четырьмя спицами и выступающей с одной стороны осевой втулкой. Колесо было обращено втулкой кверху. Во втулке сохранились остатки дерева. Под колесом лежали три обработанные деревянные палочки. Рядом с ними стоял орнаментированный бронзовый сосуд. Внутри сосуда находилось каменное изделие в виде песта или оселка (рис. 1).

1. Бронзовый предмет в виде колеса представляет собой круглый обод диаметром около 32,5 см с двумя перпендикулярно пересекающимися в плоскости круга осями и круглой втулкой в месте их пересечения (рис. 2). Колесо собрано из нескольких отдельно изготовленных деталей. Цельнолитая крестовина с выделенной втулкой в центре, возможно, отлита по восковой модели. Втулка выступает над плоскостью колеса только с одной стороны. Высота втулки 3 см, наружный диаметр 1,7 см, диаметр отверстия 1 см. Длина спиц от их основания у втулки до торцов составляет 16,5 см. Конфигурация поперечного сечения спиц постепенно меняется от основания к концам крестовины. Возле втулки спицы круглые в сечении, диаметром около 1 см. На расстоянии 4 см от втулки поперечное сечение спиц становится уже прямоугольным: 5 мм в высоту и 4 мм в ширину. По мере удаления от втулки контур прямоугольника их поперечного сечения все более уплощается и на расстоянии 2 см от внутренней стороны обода колеса сечение составляет 5 мм в ширину и 2 мм в толщину. Концы спиц крестовины сужаются уступом, их поперечное сечение также прямоугольное, 5×1,5 мм; к торцам толщина спиц уменьшается, образуя острые плоские окончания. Эти окончания крестовины вставлены в предназначенные для этого отверстия в ободу. Выступающие наружу кончики спиц загнуты вверх, в сторону выступания втулки.

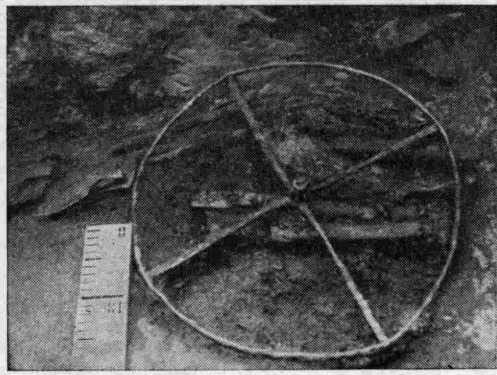

Рис. 1. Положение вещей в гробнице

На одном конце соединения просверлено два таких отверстия диаметром 1,5 мм. Расстояние между отверстиями 3 мм. На другом конце соединения просверлено одно отверстие диаметром 2 мм. Во всех этих отверстиях сохранились сильно окислившиеся бронзовые заклепки, которые после извлечения колеса из гробницы разрушились. В короткой дуге обода имеется также отверстие, в котором закреплена одна из спиц крестовины. Это отверстие расположено на расстоянии 2,5 см от края с одной заклепкой и на расстоянии 3 см от другого конца.

2. Бронзовый сосуд в форме ковчечка с выделенным квадратным дном сохранился не полностью, на высоту до 5 см (рис. 3). Сохранившаяся длина сосуда 22 см, реконструируемая длина около 23 см. Реконструируемая высота сосуда около 7–7,5 см. Сохранившаяся ширина ковчечка в его средней части составляет около 8 см. Дно, вогнутое внутрь, в плане квадратное со скругленными углами, со сторонами $5 \times 5,5$ см. Высота выделенной придонной части стенок около 3 мм. Стенки и дно сосуда тонкие, приблизительно одинаковой толщины: около 1 мм. Это наводит на мысль о том, что такой тонкостенный сосуд мог быть сформирован из листовой бронзы обжимным способом с проковкой и обкаткой (горячим или холодным?) на модельной болванке. Не исключено все же, что племена майкопской культуры владели техникой отливки тонкостенной металлической посуды в литейных формах¹.

Орнамент выбит пуансоном со стороны внутренней поверхности стенок сосуда. Снаружи орнамент представляет собой параллельные ряды

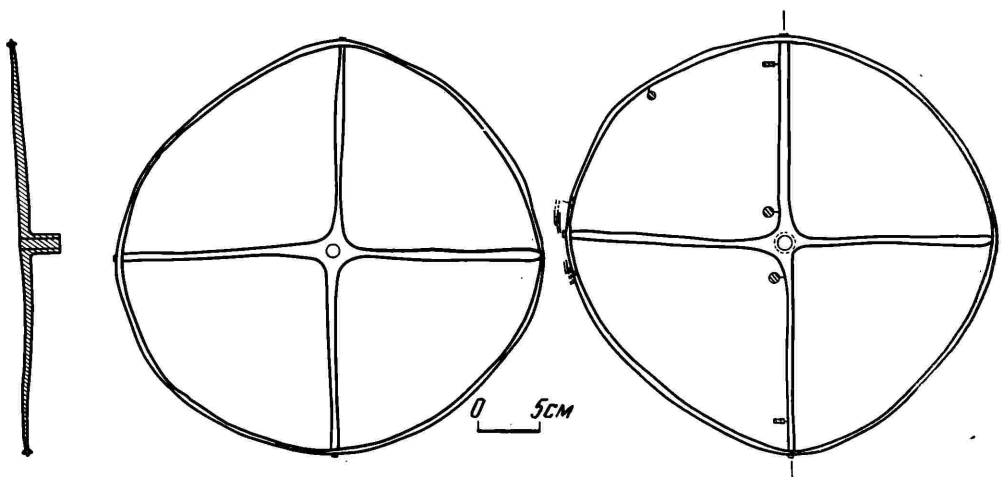

Рис. 2. Бронзовое колесо

округлых бугорков. Изнутри им соответствуют такие же углубления. На сохранившейся части стенок по длинным сторонам сосуда прослеживается по три ряда выпуклин. Ряды начинаются у придонной части ковчезка и поднимаются вверх параллельно длинным сторонам дна. На узких сторонах стенок сосуда ряды начинаются приблизительно на расстоянии 3,5 см от придонной части. Прослеживается до 14 рядов на одной узкой стороне стенок и до 9 — на другой. Свободное от орнамента пространство в нижней половине сосуда образует прямоугольное в плане поле размером 13×6 см.

С наружной стороны на стенках сосуда сохранились обрывки тонкой ткани, насыщенной и законсервированной окислами и солями металла.

В лаборатории ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным проделан спектральный анализ всех категорий металлических изделий из гробницы. Анализ показал, что по химическому составу металл, из которого изготовлены колесо и сосуд-ковчезек, относится к числу мышьяковистых бронз и этим ничем существенно не отличается от остальных бронзовых предметов из данного погребения. Спектр химических элементов, содержащихся в металле, свидетельствует, по заключению В. А. Галибина, что этот металл выплавлен из руд

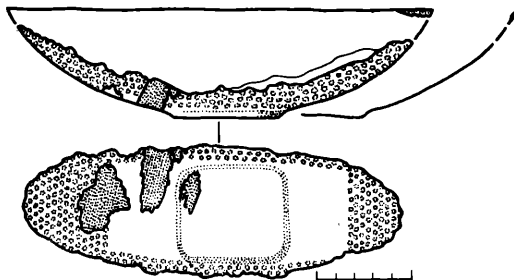

Рис. 3. Бронзовый сосуд

скорее всего северокавказского происхождения.

3. Каменный предмет (пест или оселок) изготовлен из серого сланца. Длина изделия 15,7 см. Поперечное сечение квадратное со сторонами 2×2 см. Боковые грани изделия закруглены, торцы также округлые.

4. Деревянные палочки различаются между собой по форме и по размерам. Две из них лежали в могиле рядом и приблизительно параллельно друг другу и продольной оси сосуда. По форме эти палочки несколько напоминают каменное изделие. Длина их 9 и 12 см. Третья палочка лежала под одной из первых двух. Ее длина 8 см и она более плоская, чем две другие.

Прямые аналогии колесу и сосуду нам не известны. Бронзовый круг со спицами и осевой втулкой вряд ли является моделью колеса повозки. Колеса со спицами в колесницах-повозках облегченной конструкции появляются спустя несколько веков уже после угасания майкопской культуры². Не известны нам и штандарты подобного облика.

Если предположить, что колесо и сосуд мыслились как символы и были взаимосвязаны какой-то общей идеей, можно привлечь для сравнения несколько примеров.

Из погребения майкопской культуры, исследованного в кургане у с. Кишпек³, происходит бронзовый сосуд, украшенный соляным узором в виде перекрещивающихся линий. Сосуд представлял собой блюдо подпрямоугольной в плане формы с округлыми углами. Узор выполнен в пуансонной технике. По мнению Р. М. Мунчаева, этот сосуд ладьевидной формы⁴.

Такой же соляной мотив характерен для орнаментики фатьяновских чаш⁵.

Крест из налпных валиков встречается на внутренней поверхности днищ реповидных сосудов катакомбной культуры⁶.

Поскольку исследуемые предметы обнаружены в погребальном памятнике, не исключено, что они имели культовое назначение. Описание мифического колеса, охраняющего сосуд с «амритой» — живой водой, имеется в Махабхарате⁷. Каменный пест, возможно, предназначался для добычи «живой воды» из растения типа сомы, деревянные палочки — для до-

бывания священного огня трением⁸. Уникальность новосвободненского комплекса наводит на мысль, что в гробнице был погребен «царь» или вождь. Культовый сосуд для жертвенных возлияний указывает на магические функции погребенного.

¹ Достоверные факты о производстве тонкостенной металлической посуды способом отливки в литейных формах относятся к эпохе средней бронзы. См., например: *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, з. 251, табл. XLVI.

² *Генинг В. Ф., Ашишмина Л. И.* Могильник эпохи бронзы на р. Синташта.— АО 1974 г. М., 1975, с. 145; *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.— ВДИ, 1974, № 4, с. 82.

³ *Мизиев И. М., Бегров В. Ф., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 14, рис. 8, 1.

⁴ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 283.

⁵ *Крайнов А. Д.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, с. 134—135.

⁶ *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974, т. II, с. 16, табл. IX; *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 86, рис. 45, 7.

⁷ *Махабхарата.* Рамаяна/Пер. с санскрита С. Липкина. М., 1974, с. 297.

⁸ *Эрман В. Г.* Очерк истории ведийской литературы. М., 1980, с. 81.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

О МЕТАЛЛЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЭШЕРСКИХ ДОЛЬМЕНОВ

Статья посвящена общей характеристике состава металла докобанского времени из дольменов Абхазии, расположенных недалеко от селений Эшери и Кюр-Дере близ г. Сухуми. Эти памятники наиболее богаты находками бронзовой утвари среди подобных сооружений «дольменного района» причерноморской полосы от пос. Очамчире до г. Туапсе. Дольменные памятники представляют собой коллективные усыпальницы. По определению Б. А. Куфтина, они начали сооружаться в эпоху, «переходную от древней бронзы к средней», используя для вторичных погребений. Послойная расчистка дала возможность Куфтину выделить древний комплекс с орудиями и оружием (нижний слой), который был отделен стерильной прослойкой от следующих захоронений переходного времени от средней бронзы к поздней (верхний слой)¹. Инвентарь, обнаруженный во время раскопок, имел аналогии в горной Осетии и Имеретии (Сачхерский район Северной Грузии).

Дату открытого комплекса находок нижнего слоя Б. А. Куфтин определял при помощи аналогий из дольменов станции Новосвободной концом III—началом II тысячелетия до н. э.² Так же рассматривал соотношение этих памятников В. И. Марковин в обобщающей работе по дольменам Западного Кавказа. Он датировал их начиная с 2300 г. до н. э. по хронологии новосвободненского этапа майкопской культуры А. А. Иессена. Второй период строительства дольменов относился к первой половине II тысячелетия до н. э., третий — к 1400, 1300 гг. до н. э.³ Мнение исследователей о том, что инвентарь нижнего слоя эшерских дольменов имеет датирующие параллели в памятниках майкопской культуры станции Новосвободной и древностей «сачхерской группы» центра Большого Кавказа, делает его весьма ценным для хронологических сопоставлений. Внутренняя стратиграфия создает возможности для исследования динамики сплавов в причерноморской полосе Большого Кавказа. Изучение данного вопроса с применением результатов спектрального анализа и методов статистической обработки еще не имеет отражения в литературе. Небольшое число эшерских вещей ранее было обследовано методом химического анализа в Тбилисской лаборатории⁴.

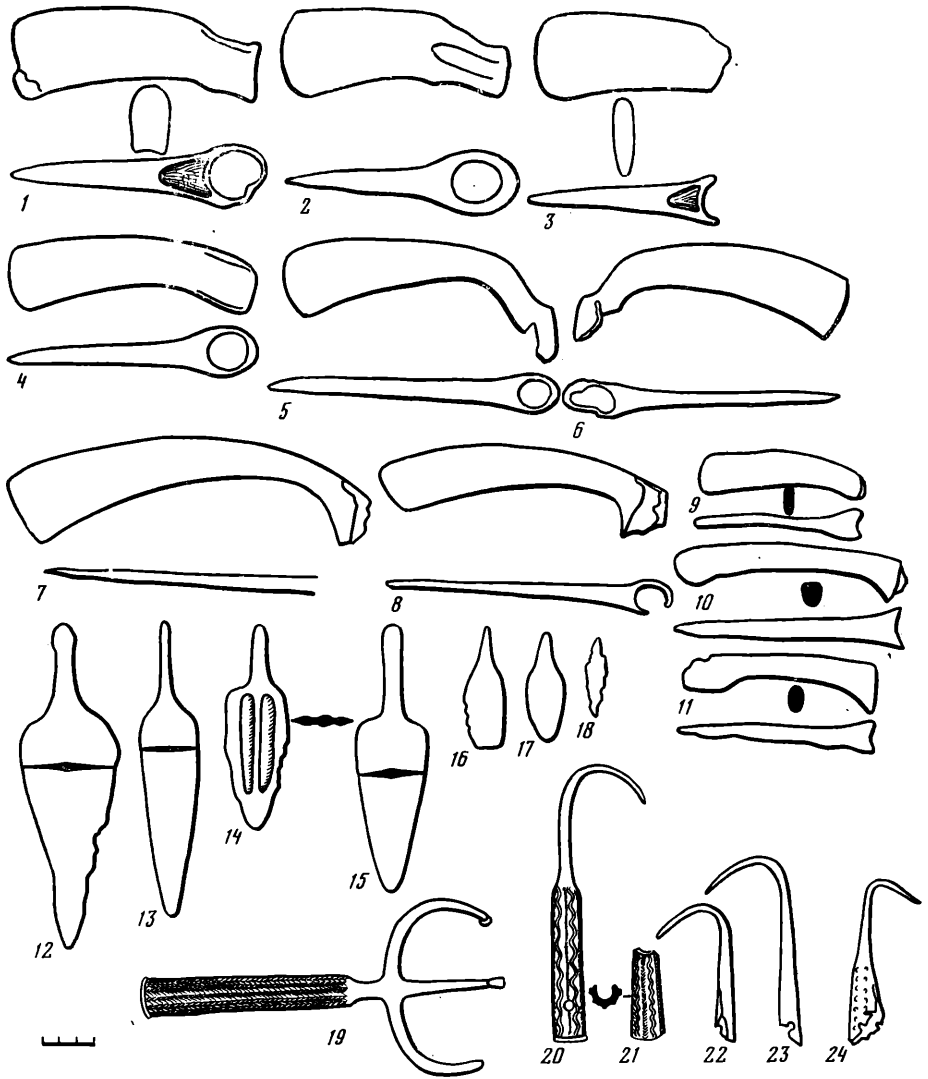

Рис. 1. Находки из нижнего слоя дольменов и их аналоги

1—3, 9—11 — р. Сочи, случайные находки; 4, 13 — дольмен 5 у с. Эшери; 5, 12, 14, 18, 19, 20 — дольмен 4 у с. Эшери; 6 — с. Отхара, в площади дольменов; 7 — дольмен в с. Кюр-Дере; 8 — с. Эшери, случайная находка; 15 — дольмен 6 у с. Эшери; 16, 21, 23 — дольмен 2 у с. Эшери; 17 — дольмен у с. Хабью; 22 — дольмен у с. Сули; 24 — дольмен у с. Кизинка

Для характеристики металла периода «нижнего слоя» была привлечена коллекция из 24 предметов (рис. 1) из дольменов 2, 4—6, раскопанных М. М. Иващенко и Б. А. Куфтиным, и ряда случайных поступлений с р. Сочи. Эта серия дополнена находками из дольмена у с. Хабью, дольмена 305 у с. Кизинка, дольмена у с. Сули. В число рассматриваемых вещей входят втульчатые топоры и их обломки — литейный брак. Одни отливались с бруска (рис. 1, 1—3) (в дольмене такой топор найден у с. Кюр-Дере⁵), другие — со спинки (рис. 1, 4—11). Все аналоги им в центре Большого Кавказа появились после эпохи ранней бронзы (или древнейшего этапа куро-араксинской культуры в рамках I, II периодов, по К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили)⁶. Следующим видом орудий являются оригинальные крюки с литой втулкой и шнуровой орнаментацией. Крюки дольменов с кованой разомкнутой втулкой имеют широкий круг параллелей в Предкавказье в эпоху средней бронзы. Кинжалы представлены листовидной черенковой формой, слабо дифференцированной во

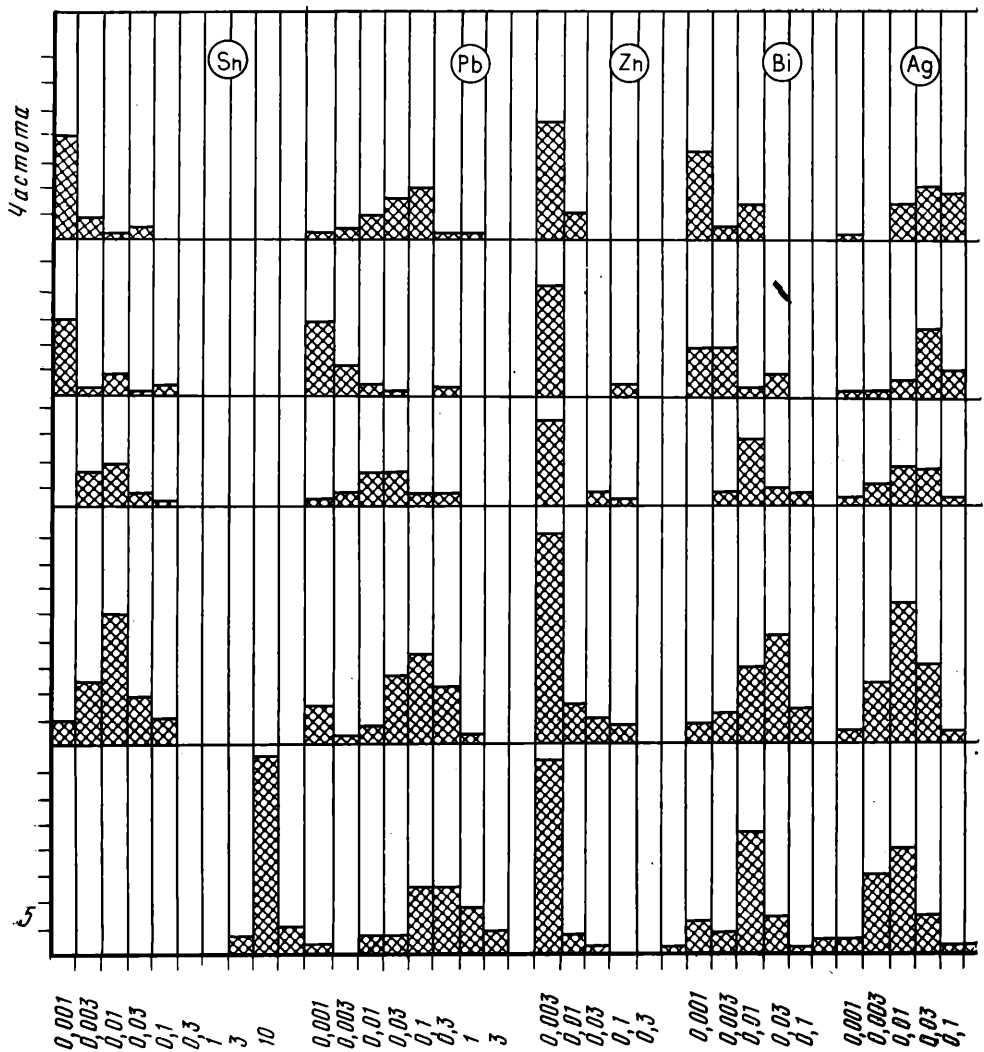
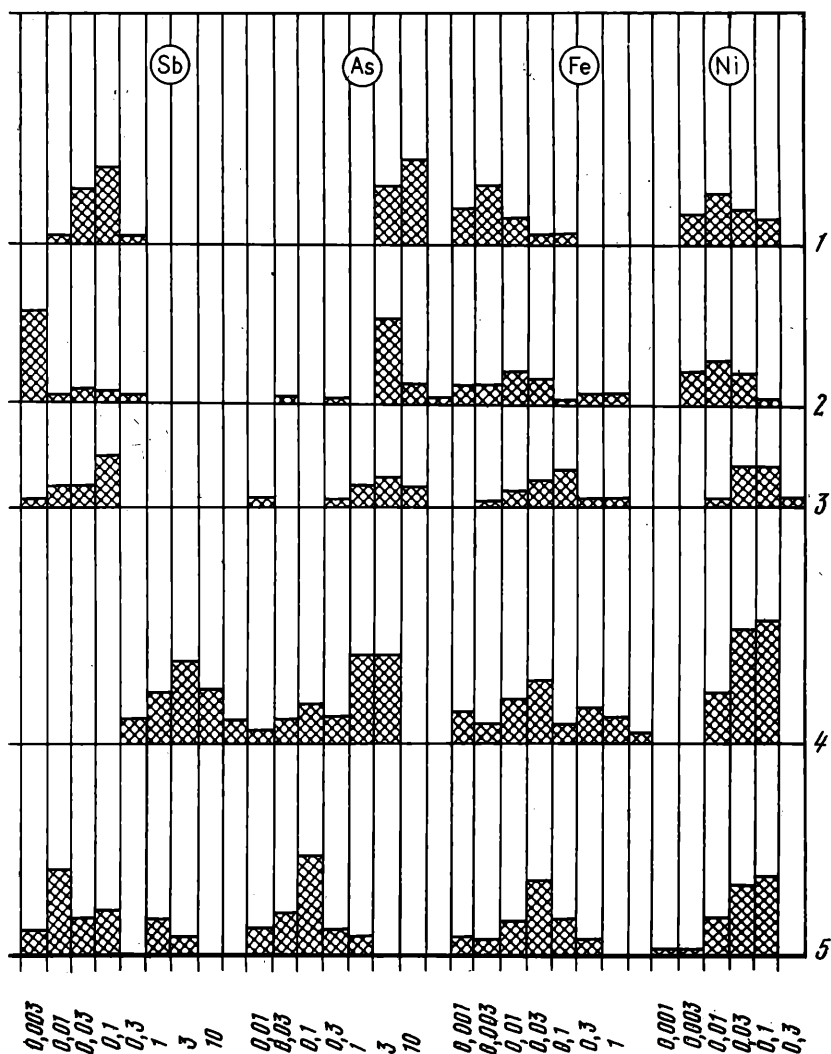

Рис. 2. Графики химического состава металла

1 — «сачхерские» бронзы группы М без примесей цинка равных или больших 0,1%; 2 — группа М нижнего слоя дольменов и их аналогии; 3 — группа М верхнего слоя дольменов у с. Эшери и с. Отхара, раскопанного И. И. Цвинария; 4 — группа МСМ; 5 — оловянистые бронзы класса Б

времени⁷. Металл рассматриваемой серии изготовлялся из мышьяковой бронзы химико-металлургической группы М (т. е. мышьяковой). Ее основные показатели — примеси олова, висмута, цинка, никеля (<0,1%), свинца (0,3%), сурьмы (0,15%), серебра и железа — доходят до десятых долей процента (рис. 2, 2). Группа М на Большом Кавказе является самой распространенной в докобанское время. По насыщенности микроэлементами имеет количественные отличия в различных районах и памятниках. Характеристика состава металла верхнего слоя эшерских дольменов дана по коллекции 54 предметов из раскопок М. М. Иващенко, Б. А. Куфтина дольменов 1, 2, 4–6 и по похожей утвари дольмена у с. Отхара, раскопанного И. И. Цвинария, представляющих выборку из 58 вещей⁸.

Б. А. Куфтин отмечал заметное изменение утвари верхнего слоя по сравнению с более древним. Находок оружия почти не встречается. Много декоративных предметов. Наша серия (рис. 3) представлена булавками с прорезной головкой, обломками булавок со шляпковидной головкой, неясными типами булавок. Многочисленны крупные литые полые бусы, нередко с орнаментом, бусы с прорезями («жуковины»), серьги в один

оборот («цепочки»), серьги в полтора оборота, спиральки, подвески-птички. Редки браслет, кошь с кованой разомкнутой втулкой, а также неопределенные обломки бус или блях. Этот набор изделий относится к эпохе поздней бронзы Большого Кавказа, начиная с ее раннего периода, лучше всего выделяемого по материалам Тлийского и Стырфазского могильников Юго-Осетии⁹.

Среди проанализированных предметов можно выделить три класса химико-металлургических групп (рис. 4, 1). Класс А — бронзы без лигатуры олова ($\text{Sn} < 0,1\%$), класс Б — бронзы с лигатурой олова ($\text{Sn} \geq 1\%$), класс Б? — условно-оловянистые бронзы ($0,1\% < \text{Sn} < 0,9-1\%$). Повышенное содержание олова здесь связано то ли с рудными примесями, то ли с перепадом металла, а также другими неясными причинами. Класс А распадается на две группы: мышьяковую (М) и мышьяково-сурьмяную (МСМ) (рис. 4, 2). Одно изделие не содержит мышьяка, является медным (группа МД). Группа М состоит из 19 предметов (рис. 2, 3), группа МСМ — из 55 (рис. 2, 4). Содержание сурьмы в ней колеблется от 0,15 до 10% и более. Намеренную присадку сурьмы условно можно связывать с концентрациями от 0,9–1%, как показывают данные по Северной Осетии¹⁰. Условно в группу МСМ относятся предметы с небольшим содержанием мышьяка: $< 0,5\%$. Бронзы класса Б насчитывают 42 предмета (рис. 2, 5). Они сильнее насыщены свинцом (часто до 3% и выше), чем безоловянистые. Однако примеси мышьяка представлены в меньших кон-

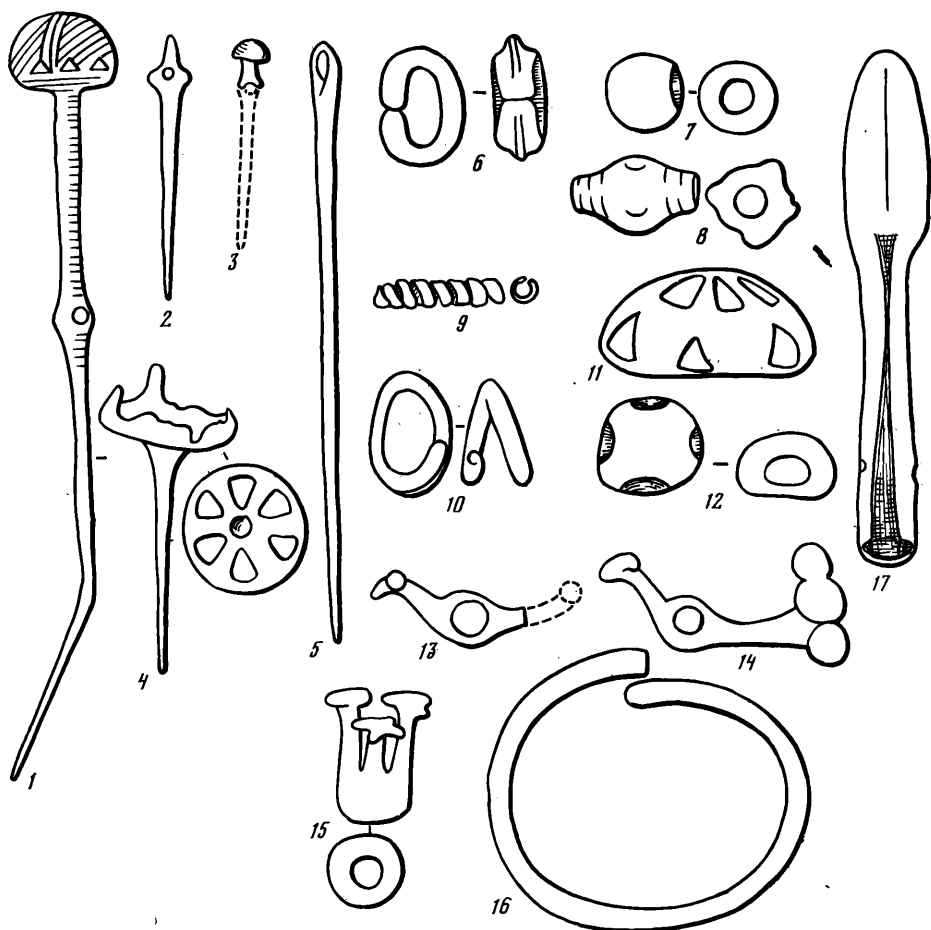

Рис. 3. Типы вещей верхнего слоя дольменов у с. Эшери и дольмена у с. Отхара

1—3, 5—10, 12 — дольмен у с. Отхара; 4, 11 — дольмен 1 у с. Эшери; 13 — дольмен у с. Эшери, раскопки М. М. Иващенко; 14, 15 — дольмен 5 у с. Эшери; 16 — дольмен 6 у с. Эшери; 17 — дольмен 2 у с. Эшери. Анализы: 1 — 20 523; 2 — 20 527; 3 — 20 543; 4 — 1250; 5 — 20 526; 6 — 20 524; 7 — 20 531; 8 — 20 553; 9 — 20 540; 10 — 20 565; 11 — 1247; 12 — 20 529; 13 — 12 720; 14 — 12 44а; 15 — 1242; 16 — 3609; 17 — 3611

центрациях, чем в группе М: в сотых, десятых долях процента, редко более одного процента (рис. 4, 3). Бронзы с лигатурой олова не однородны по примесям сурьмы. Небольшое количество их имеет ее повышенное содержание — от 0,3 до 3%. Можно предположить, что для изготовления оловянистых сплавов использовался металл, часто обогащенный свинцом, иногда мышьяком и редко — сурьмой, который затем легировался олово-содержащими минералами. Существует представление, что в древности слабо различали олово и свинец¹¹. Обогащение сырья мышьяково-сурьмо-содержащими минералами могло предотвратить сплав от «оловянной чумы», нейтрализовать нежелательные эффекты, образующиеся при повышенных примесях свинца¹². При более детальной классификации сплавов с лигатурой олова мы будем использовать номенклатуру бронз Тлийского могильника¹³. Бронзы класса Б? немногочисленны — пять предметов.

Распределение типов утвари по химико-металлургическим группам позволяет говорить о связи сплавов с формой предметов методом изготовления (см. таблицу). Так, из металла группы МСМ отливались прежде всего украшения, не требующие дополнительной проковки: бусы, жуковины, подвески-птички, навершие. Среди них были часты случаи намеренных сурьмяных присадок (62%). Иногда даже лигатура мышьяка в группе МСМ не имела места и заменялась сурьмой. Бронзы с лигатурой

олова, напротив, использовались для изготовления украшений, которые в дальнейшем необходимо было отковать, изогнуть. Таковы серьги в полтора оборота, серьги-цепочки, спиральки, браслет. Особенностью эшерской коллекции является большой процент сплавов с оловом, оловом и повышенным содержанием свинца (B_1, B_2), составляющих вместе примерно 70%. Сплавов с оловом и увеличенными примесями мышьяка, сурьмы (большими 0,15%) немного.

Мышьяковые бронзы класса А верхнего слоя эшерских дольменов малочисленны (табл. 1). Из них отливались различные предметы: копье, одна игла, четыре бусы, три жуковины, пять булавок. Булавки с прорезной головкой отливались и из оловянистой бронзы¹⁴. Сказать, что-либо определенное о связи условно-оловянистых бронз класса Б? с типами вещей невозможно. Из сплава Б?, отлита одна игла, из сплава Б?, — литая буса, две серьги в полтора оборота, из сплава Б₂ — одна жуковина.

Основные итоги исследования можно свести к следующим положени-

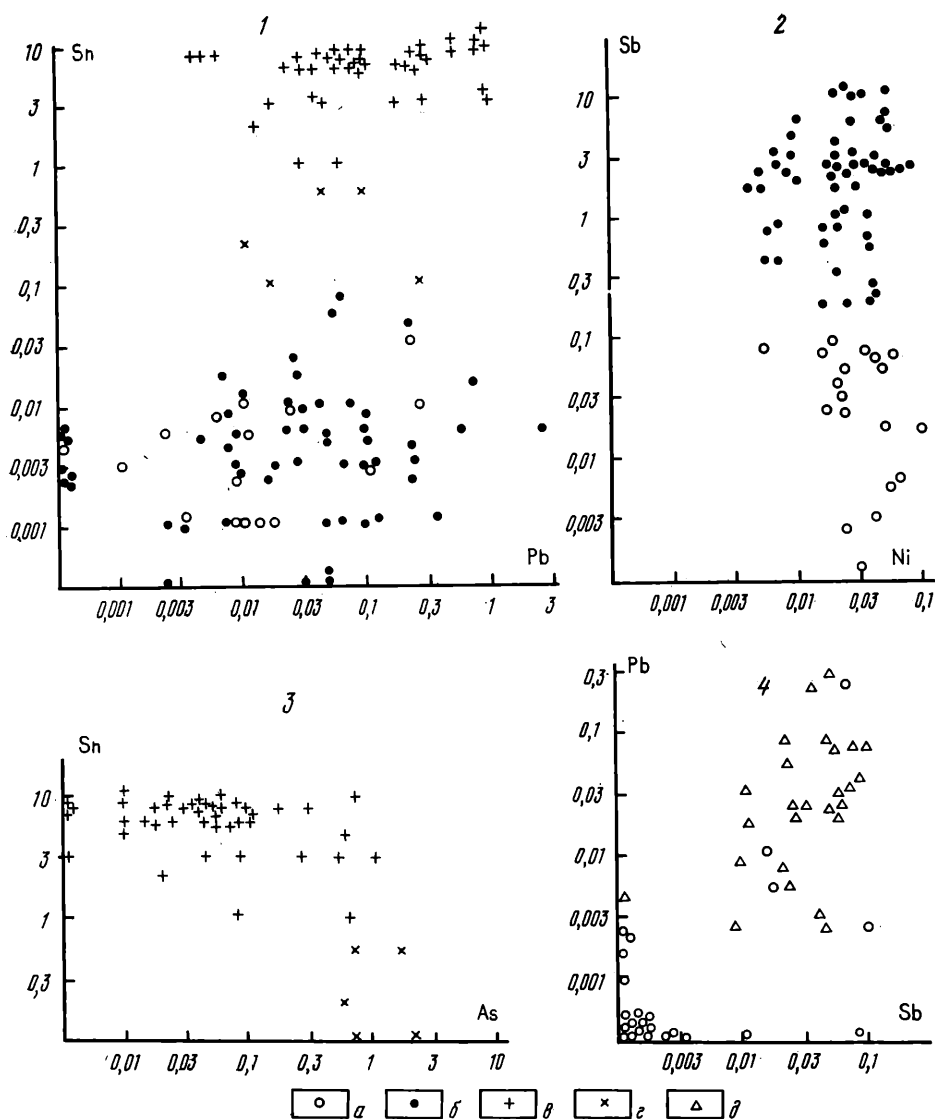

Рис. 4. Графики химического состава металла

1—3 — верхний слой дольменов у с. Эшери и дольмена у с. Отхара; 4 — находки нижнего слоя дольменов, их аналоги и «сачхерские» бронзы
а, б, — класс А (а — группа М, б — группа МСМ); в — класс Б; г, д — сачхерские бронзы группы М

Таблица

Распределение химико-металлургических групп верхнего слоя дольменов у с. Эшери и с. Отхара по типам вещей

Класс сплава	Химико-металлургическая группа		Номенклатура находок			
			бусы литые полые	жуковины	птички- подвески	навершие
А	М/МД МСМ	Sb < 0,9%, 1%	4	3		
		Sb ≥ 0,9%, 1%	11	11		
	1	Sn	20	13	4	1
	2	Sn + Pb		1		
	3	Sn + Pb + Sb				
Б	4	Sn + Pb + Sb + As				
	5	Sn + Pb + As				
	6	Sn + Sb + As	1			
	7	Sn + Sb				
	8	Sn + As				

Примечание. Номенклатура оловянных бронз класса Б дана по схеме Тлийского могильника. Примеси свинца, сурьмы, мышьяка равны: больше 0,15%, примесь олова 1%.

ям. В дольменах у с. Эшери были найдены своеобразные предметы докобанского времени: крюки с литой втулкой, шнуровым орнаментом, топор, украшенный таким же образом¹⁵, булавки с «жуковидными» головками, бусы-цепочки, отражавшие, по всей вероятности, своеобразие локального участка металлообработки причерноморской полосы Большого Кавказа (таблица). Местное производство утвари подтверждается в этом районе следами литья на Дегуакско-Даховском поселении, обнаруженными В. И. Марковиным¹⁶, находками бракованных отливок топоров по р. Сочи. Сложение причерноморского, «дольменного» участка металлообработки в Абхазии приходится, видимо, на конец III тысячелетия до н. э., характеризуется типами вещей эпохи средней бронзы (или III периода куро-араксинской культуры, по схеме К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили). Вместе с тем на ассортимент утвари нижнего слоя эшерской коллекции отложила отпечаток металлообработка майкопской культуры Предкавказья. В качестве ее наследия можно рассматривать производство крюков с литой втулкой со шнуровой орнаментацией, типичным узором постмайкопского времени, и, вероятно, листовидные формы клинков. С другой стороны, изготовление оружия ближнего боя — топоров — находилось под воздействием традиций центральных районов Большого Кавказа, где был центр распространения типов с тонким планом клина. Однако при сравнении особенностей химизма мышьяковых групп М эшерской и сачхерской серий¹⁷ обнаруживается, что они заметно отличны микропримесями свинца, сурьмы (рис. 2, 1, 2), которых меньше в причерноморских материалах. Нет среди них и мышьяковых бронз с повышенными примесями цинка (от 0,1% и выше), как в предметах из Начеркесеси и Корети. По общей композиции элементов причерноморская коллекция более близка прикубанской группе мышьяковых бронз северокавказской культуры или II майкопской группе, выделяемых Е. Н. Черных¹⁸, представляющих, по сути дела, одно и то же. Поэтому можно предположить, что металл эшерских древностей нижнего слоя дольменов и их аналогии с р. Сочи связан с рудопроявлениями западной части Большого Кавказа. Поступало на побережье сырье или готовая продукция из центральных районов, сказать трудно, несмотря на тождество форм предметов. Исключить такую вероятность нельзя, так как часть причерноморских и сачхерских анализов совпадает по характеристике (рис. 4, 4).

С наступлением в начале второй половины II тысячелетия до н. э. раннего периода позднего бронзового века в верхнем слое дольменов по-

Номенклатура находок								Всего
серьги в один оборот	серьги в 1,5 оборота	спиральки	браслет	булавки	иглы	наконечник копьей	неопределенные формы	
		1		5/1	1	1		19
	3							
1	1							40
3	7	4	1	1			1	18
3	7	1						11
1								1
								—
	1	1						2
	4							4
2	2							5
	1							1

являются типичные украшения этого времени, частью своеобразные, частью аналогичные формам центра Большого Кавказа: жуковины, птички, крючки-подвески, литые бусы. Резкие перемены зафиксированы в литейном деле. По набору микропримесей группа М верхнего слоя отличается от группы М нижнего слоя более высокими концентрациями олова, свинца, висмута, сурьмы, никеля. Она связана с другой геохимией источников. Локализация последних пока затруднительна. Главную роль в производстве декоративных предметов играют мышьяково-сурьмяные, сурьмяные, оловянистые бронзы, применение которых определялось часто целесообразностью для изготовления тех или иных украшений. Основной рудной базой сурьмасодержащего сырья на Большом Кавказе можно считать Рача-Осетинскую зону¹⁹, откуда такой металл вместе с готовой продукцией мог поступать в Причерноморье, лишенное собственных источников. Проблема месторождений олова на Кавказе не ясна, как и на Востоке в целом. На примере эшерской коллекции можно отметить устоявшуюся рецептуру лигатуры олова без широкого обогащения металла сурьмасодержащими компонентами, как отмечалось в центре, по примеру Тлийского могильника. Категории оружия этого времени остаются еще мало исследованными. Встречаются случаи их производства из мышьяковых бронз.

¹ Куфгин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры по данным археологии.— ВГМГ, 1944, вып. XII-B, с. 305.

² Куфгин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, вып. 1, с. 271.

³ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с. 280—282.

⁴ Абесадазе Ц., Баггадзе Р., Двали Т., Джапаридзе О. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958, табл. I; Абесадазе Ц. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, табл. VII, 140—148.

⁵ Абесадазе Ц. Производство металла..., табл. VII, 144.

⁶ Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. М., 1970, с. 62.

⁷ Корневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур.— СА, 1978, № 2.

⁸ Цвингария И. И. Раскопки в селе Отхара.— АО 1976 г. М., 1977, с. 483.

⁹ Телов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977; Он же. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.

¹⁰ Корневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы.— В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с. 33, 34.

¹¹ Иессен А. А. Олово Кавказа.— ИГАИМК, 1935, вып. 110, с. 204.

¹² Смирнов В. И. Металлургия меди и никеля. М., 1950, с. 348—351.

¹³ Корневский С. Н. Химический состав

- бронзовых изделий из Глийского могильника. — СА, 1981, № 3.
- ¹⁴ Абесадазе Ц., Бахтадзе Р., Двали Т., Джапаридзе О. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии, табл. VII, 3.
- ¹⁵ Куфгин Б. А. К вопросу о древнейших корнях..., табл. II, 3.
- ¹⁶ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа, с. 253, рис. 128, 16.
- ¹⁷ Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980, с. 113, 114. По химическим примесям к меди коллекция предметов эпохи средней бронзы из Имеретии (Сачхере, Корети, Начеркезеви) не однородна. Из 48 учтенных вещей 18 изделий из Корети и Начеркезеви выделяются в особую группу,

- обладающую повышенным содержанием цинка (0,1—3%), отражая, может быть, использование полиметаллических медно-цинковых месторождений центра Большого Кавказа. Шесть предметов из Сачхере отличаются повышенными примесями сурьмы (0,2—1%). С эперскими мышьяковыми бронзами группы М наиболее сопоставима серия из 23 изделий «сачхерской» коллекции с пониженным содержанием цинка и сурьмы, меньших 0,1%.
- ¹⁸ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 43, рис. 15.
- ¹⁹ Черницын В. Б. Металлогения Большого Кавказа. М., 1977, с. 169.

В. А. ТРИФОНОВ

ДВЕ ГРУППЫ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА СРЕДНЕМ БЕЙСУГЕ

Кубанской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР¹ в 1978—1980 гг. производились раскопки курганов в бассейне среднего течения р. Бейсуг в Красноярском крае. Исследовано несколько курганных групп у ст. Брюховецкой, Новокурсунской и Батуриной. Изучено свыше 60 погребений катакомбной культуры.

По конструкции погребальных сооружений, обряду и инвентарю, положению в кургане четко выделяются две группы катакомбных погребений.

К первой группе относятся около 20 погребений. Для них характерны прямоугольные в плане шахты от 1×0,5 до 3×1,5 м, дно которых слегка понижается к входу в камеру, а вдоль длинных стен — ступеньки-уступы. Вход в камеру обычно подпрямоугольной формы — 0,8×0,3 м. Камера располагается сразу за входом, иногда в нее ведет лаз длиной до 0,5 м. Камеры прямоугольные или трапециевидные от 1,25×1 до 3×2 м. высотой от 0,25 до 1,25 м. Ориентировка всегда перпендикулярна длинной оси шахты. Погребенные лежат скорченно на правом боку, руки протянуты к коленям (левая рука согнута в локте), лицом к выходу в шахту (в одном случае в противоположную сторону); отмечены: коричневый тлен от подстилки, охра у ног и головы, отдельные ее пятна справа и слева вдоль костяка. Встречены два двойных, очевидно одновременно совершенных захоронения, ритуалом не отличающиеся от одиночных. Ориентировка погребенных разнообразна и зависит от местоположения в секторе кургана. Погребальный инвентарь представлен в основном керамикой — жаровнями из обломков крупных, чаще чернolощенных сосудов, помещавшихся в левом, ближнем к выходу углу камеры. Кроме жаровен, обнаружены бронзовые и серебряные проволочные спиральные кольца в 1,5 оборота и кольца с несомкнутыми концами, уплощенные костяные бусы (длина около 1 см), шарики со следами потертости из сферосидерита, природного минерала красного цвета.

Несколько богаче погребение кургана 1 из Брюховецкой 1-й группы, где вместе с костяками взрослого и ребенка были обнаружены: роговая молоточковидная булава (рис. 1, 10) (так называемый «элистинский», V тип по Б. А. Латынину)², две подвески из эмали клыков кабана (рис. 1, 11), глиняная орнаментированная чашечка (рис. 1, 3) и фрагмент

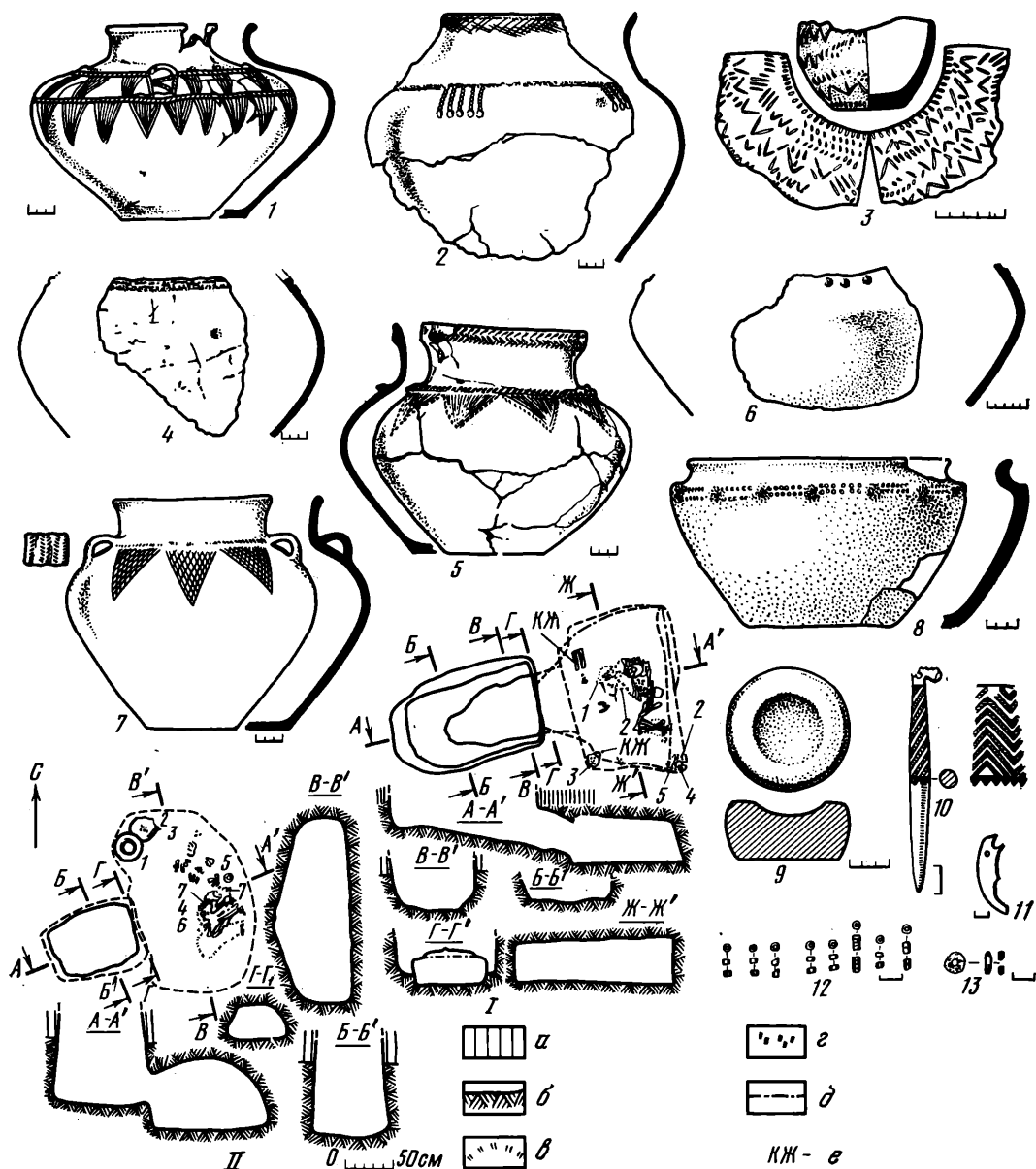

Рис. 1. Материалы из катакомбных погребений на Среднем Бейсуге

Брюховецкая группа: 3, 6, 10, 11, I (1 — молоточковидная булава, 2 — подвеска из клыка, 3 — жаровня, 4 — сосуд, 5 — сферосидерит) — погребение 6, курган 2; 8 — погребение 21, курган 3; Батуриная группа: 1, 2, 9, 12, 13, II (1 — сосуд, 2 — жаровня, 3 — уголь, 4 — бронзовое кольцо, 5 — ступка, 6 — бусина из раковины, 7 — бисер) — погребение 10, курган 1; 4, 5 — погребение 13, курган 3; 7 — погребение 8, курган 6
 а — предматерик, б — материковый суглинок, е — охра, z — уголь, d — реконструкция границ, e — кости животных

чернолощеного сосуда с примесью раковин в тесте (рис. 1, б). Рядом с чашечкой на подсышке из охры лежал шарик из сферосидерита.

Для катакомб рассмотренной группы типично присутствие в шахте (иногда, в камере) черепа овцы, положенного на трубчатые кости конечностей.

Почти все погребения первой группы оказались впускными в насыпь ямных курганов. Только два основных: погребение 9 кургана 8 и погребение 5 кургана 15 Батуриной 1-й группы. Камеры и частично шахты выкопаны в плотном слое материкового суглинка и поэтому сохранили

на стенках следы орудий: округлые желобкообразные, вертикальные — в шахте и плоские шириной около 4 см — в камере. Не менее характерно для катакомб этой группы расположение по окружности кургана, причем камеры выводятся только к центру, хотя и устраиваются практически в любом секторе кургана.

Ко второй группе относятся около 15 погребений. Катакомбные сооружения представлены типами с квадратной (1×1 м), круглой (диаметром около 1 м), короткой прямоугольной (1×0,7 м) шахтами и с шахтой в форме узкого прямоугольника (1,5×0,6 м), параллельно сопряженного с камерой. В двух катакомбах на горизонтальном дне шахт обнаружены углы и фрагменты сосудов, использованных как жаровни. Вход в камеру аркообразный, высотой 0,3—0,6 м. В отдельных погребениях прослежены деревянные конструкции из плах шириной около 7 см, закрывающие устья камер. Дно камер, как правило, ниже шахт на 0,2—0,5 м. Камеры в плане неправильной овальной формы, в среднем 2×1,5 м. Высота свода колеблется от 0,7 до 1 м. Характерны чрезвычайно глубокие шахты (от 3 до 10 м от уровня погребенной почвы).

Погребенного укладывали лицом к выходу в шахту скорченно на правом боку (лишь в одном случае — на левом) руки протянуты, к коленям. В двух погребениях обнаружены частично расчлененные костяки. Ориентировка погребенных разнообразная, но принцип расположения катакомб по кругу, камерой к центру не выдерживается.

Большую часть инвентаря составляет керамика. Типично сочетание жаровни из части сосуда, орнаментированного налепным расчлененным валиком, и большого (иногда двуручного) сосуда, украшенного налепным и прочерченным орнаментом. Для всей керамики характерны примесь раковин в тесте и приемы внешней обработки поверхности (тщательное заглаживание или лощение). Металлический инвентарь обнаружен только в виде мелких украшений.

Среди катакомб этой группы выделяется погребение 10 кургана 1 (рис. 1, а), в котором обнаружены: 1) крупный сосуд высотой 25 см (его поверхность бурого цвета тщательно заглажена, рис. 1, 1); 2) фрагмент крупного чернолощеного орнаментированного сосуда, орнамент — налепной расчлененный валик по плечикам и косо прочерченная сетка по воротничку венчика, толщина стенки 0,7 см, фрагмент принадлежал сосуду высотой около 35 см с диаметром венчика 15 см, наибольшим диаметром тулова 31 см (рис. 1, 2); 3) бронзовый проволочный спиральный перстень с одетыми на него пастовыми бусинами; 4) каменная ступка (рис. 1, 9); 5) пастовые бусы (рис. 1, 12); 6) бусина из раковины (рис. 1, 13).

Таким образом, из приведенного описания следует, что по конструктивным особенностям, инвентарю и расположению в кургане катакомбы 1- и 2-й групп заметно отличаются друг от друга. Решающими для их периодизации являются данные типологического анализа инвентаря, погребальных сооружений и стратиграфические наблюдения, в совокупности позволяющие определить место рассматриваемых памятников в системе катакомбных древностей. На ранний характер первой группы указывает чернолощеноя керамика, украшенная налепами (рис. 1, б), прототипом которой, возможно, была посуда подобно обнаруженной в курганах у ст. Новосвободной и поселений Ясенова Поляна, Хаджох и др.³

С другой стороны, близкий, судя по описанию, фрагмент, орнаментированный выпуклинами, напоминающими жемчужины новосвободненской керамики, происходит из донецкого катакомбного погребения у с. Новоникольское на р. Красной⁴. Чернолощеноя керамика с примесью ракушки в тесте, обнаруженная еще в ряде катакомбных погребений на Нижнем Дону, С. Н. Братченко связывается по происхождению с Северным Кавказом⁵. Что касается сосуда из погребения 21 кургана 3 (рис. 1, 8), то вне Прикубанья он точных аналогий не имеет, хотя по своим пропорциям он приближается к некоторым типам дольменной керамики⁶, с одной стороны, и к мискам с бортиком донецкого варианта⁷, — с другой.

Более определенно на ранний характер погребений 1-й группы указы-

вают булавка из погребения 6. Роговые молоточковидные булавки типа обнаруженной (рис. 1, 10), характерные для позднейших погребений, встречаются только в раннекатакомбных комплексах⁸. В Калмыкии роговые булавки из катакомб ни разу не обнаружены с керамикой маньчского типа, но встречены вместе с посошковидными бронзовыми булавками типа ульских⁹.

Ранний характер носят и бронзовые подвески в виде свернутого шнура с утолщением на одном конце и отверстием — на другом, обнаруженные в катакомбе, аналогичной по конструкции 1-й группе (прямоугольная камера, плоский потолок и т. д.)¹⁰.

В ряде случаев подвески этого типа встречены в катакомбах вместе с роговыми молоточковидными булавками¹¹. Таким образом, первая группа катакомбных погребений, судя по аналогиям, синхронна (возможно, она частично и более ранняя) донецкому варианту.

Что касается второй группы катакомб, то она достаточно уверенно синхронизируется с левобережными памятниками маньчского типа на Нижнем Дону. Среди них выделенная группа находит наиболее полные аналогии типам катакомбных сооружений и керамическому инвентарю.

В кургане у ст. Платоново¹² в катакомбном погребении 1 вместе с фрагментом кувшина, типичным для маньчских памятников Калмыкии, обнаружен фрагмент крупного сосуда с округлым туловом и высоким слегка расширяющимся горлом с выделенным воротничком, украшенный прочерченной косой сеткой. У основания горла — налепной расчлененный валик: на фрагменте сохранились следы прикрепления к горлу и плечу ручки¹³. Этот сосуд по размерам, пропорциям, орнаменту и ряду деталей аналогичен керамике из погребений второй группы (рис. 1, 2, 5). Другой близкий к этим сосуд, к сожалению, департизанный, происходит из 1(?) Келермесского кургана (раскопки Н. И. Веселовского)¹⁴.

Второй сосуд из погребения 10 кургана 1 (рис. 1, 1) сближается по тем же признакам с сосудом из катакомбного погребения 6 кургана 1 у ст. Усть-Лабинской¹⁵. Разница состоит в наличии у усть-лабинского сосуда четырех петельчатых ручек, вместо которых на батуринском — орнаментированные фигурные налепы.

Из погребений этого же типа происходит керамика, выделенная А. А. Иерусалимской в четвертую, самую позднюю группу предкавказской катакомбной культуры, сближающую ее не без основания с каменнотохорчевской и маньчской керамикой¹⁶. Эти наблюдения подтверждаются фактом обнаружения в погребении 11 кургана 1 Новокурсунской курганной группы сосуда реповидной формы вместе с сосудом «батуринского» типа (миска, рис. 1, 7). Для определения верхней хронологической границы, возможно, следует учитывать и сосуд из Каменноостского могильника, представляющего определенную аналогию керамике из ст. Усть-Лабинской и Батуриной (рис. 1, 1)¹⁷.

Таким образом, исходя из последовательности памятников донецкого и маньчского типов для Нижнего Дона, можно предположить аналогичную последовательность выделенных в бассейне среднего Бейсуга первой и второй групп катакомбных погребений.

Этому не противоречат и стратиграфические наблюдения. В одном случае основное катакомбное погребение 9 по типу относится к первой группе, а впускное погребение 8 с большим двуручным сосудом, орнаментированным валиком и прочерченными треугольниками — ко второй. В другом случае (хутор Верхний, курган 2)¹⁸ основное катакомбное погребение, аналогичное по конструкции и инвентарю погребению 21 кургана 3 Батуриной 1-й курганной группы, перекрыто погребением с реповидным сосудом.

Выделяемые группы не охватывают всех катакомбных погребений в бассейне Бейсуга. Более того, они, по-видимому, не смыкаются во времени, а напротив, разделены таким образом, что в хронологическом промежутке между ними существовали катакомбные погребения иных типов. В пользу этого предположения говорят как типологические различия

между группами, так и наблюдения над кругом их аналогий. Учитывая разрыв во времени между группами аналогий на смежных территориях, можно допустить существование подобного промежутка и между погребениями 1- и 2-й групп.

- ¹ Начальник экспедиции В. С. Бочкарев.
- ² *Латынин Б. А.* Молотчочковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка.— АСГЭ, 1967, вып. 9, с. 34, рис. 32.
- ³ *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 69—81.
- ⁴ *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 43.
- ⁵ Там же, с. 43.
- ⁶ *Марковин В. И.* Очерк по изучению дольменов Прикубанья и Причерноморья.— МАА, 1972, № 3, с. 39—46, рис. 4, 29 (дольмен у Красной Поляны).
- ⁷ *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье..., с. 44, рис. 30, 3.
- ⁸ Там же, с. 142.
- ⁹ *Синицын И. В.* Древние памятники восточного Мангыча. Саратов, 1978, ч. 1, с. 74—75.
- ¹⁰ *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье..., с. 200, табл. III, 3.
- ¹¹ *Синицын И. В.* Древние памятники восточного Мангыча..., с. 14.
- ¹² *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье..., с. 94, рис. 50, 5.
- ¹³ Судя по двум ручкам у целых сосудов этого типа (рис. 1, 7), можно предположить, что платоновский сосуд также относится к типу амфор, а не кувшинов.
- ¹⁴ ОАК за 1904 г., с. 85—97.
- ¹⁵ ОАК за 1903 г., с. 68, рис. 123.
- ¹⁶ *Иерусалимская А. А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры.— СА, 1958, № 2, с. 39.
- ¹⁷ *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3, с. 318, табл. XX, 2.
- ¹⁸ *Нехаев А. А.* Отчет о раскопках курганов в Кореневском районе Краснодарского края в 1978 г.— Арх. ИА АН СССР, р-1, д. № 7329.

А. Е. СИМОНЯН

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ ВЕРИН НАВЕР

В 1975 г. совместная археологическая экспедиция Института искусств АН Армянской ССР, Центра арменоведческих исследований Ереванского государственного университета и Института археологии и этнографии АН Армянской ССР обнаружила некрополь Верин Навер¹. Могильник находится в Аштаракском районе, в 3,5 км к западу от райцентра на стыке Аратский равнины и юго-восточных склонов горы Арагац. С 1976 г. экспедиция Центра арменоведения ЕГУ под руководством А. Е. Симоняна начала раскопки памятника. В июле — августе 1980 г. они проходили при участии Музея истории основания города Еревана в Эребуни. В ходе исследований выяснилось, что эта местность использовалась как могильник с конца III тысячелетия до н. э. до X в. до н. э.² Территория площадью свыше 100 га была покрыта густой сетью курганов различных величин. Хотя интенсивное земледелие со временем уничтожило основную часть могильника, до нас дошли около 300 курганов.

В 1980 г. были раскопаны семь курганов, один из них относится к эпохе поздней бронзы, шесть — к периоду средней бронзы. Последние предполагались в центральной части некрополя на расстоянии 2—5 м друг от друга. Погребения находились под каменно-земляными насыпями диаметром 7—10 м, высотой 0,3—0,6 м. В насыпи преобладали рваные базальтовые камни вулканического происхождения. Под курганными насыпями были плиты перекрытия могил и кромлехи. Камеры покрыты поперечно поставленными на дневной поверхности тремя—пятью необработанными туфовыми плитами размером 2,5×1,1×0,7 м. В двух погребениях (21, 22) между плитами специально были оставлены треугольные отверстия — элемент погребального обряда, имеющий широкое распространение в Армении в эпоху раннего железа³. Камеры и плиты перекрытия находились внутри кромлехов, которые были выложены из базальтовых камней средней величины.

Погребальные камеры находятся в центральной части кромлеха и имеют вытянутую четырехугольную форму, иногда с округленными углами.

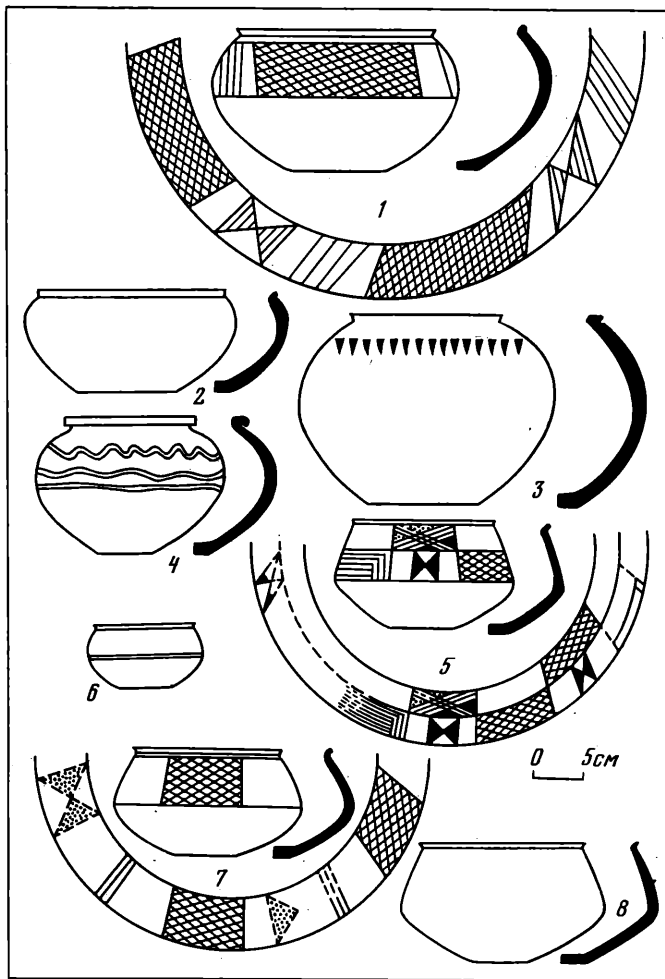

Рис. 1. Могильник Верин Навер

1—3 — курган 21; 4, 5, 7 — курган 24; 6, 8 — Курган 26

ориентированы с севера на юг, иногда они все же имеют некоторые отклонения. Верхние части могил вырыты в аллювиальных наносах, а нижние вырублены в туфовой скале. Согласно погребальному обряду могилы до краев были засыпаны мелкой, пудрообразной землей с примесью маленьких камней. В двух камерах (21, 22) были обнаружены каменные забутовки мощностью 65 см. Этот обычай был широко распространен в эпоху поздней бронзы и раннего железа⁴. Иногда нижнюю часть камеры заливали глиной и утрамбовывали (25, 26)⁵, закрывая таким образом покойника и погребальный инвентарь. Погребения в основном одиночные, в одном случае двойное (25). Скелеты лежат в скорченном положении, на правом боку, головой на север, лицом к западу, располагаясь в южной и центральной частях могилы.

Погребальный инвентарь в основном составляют два—пять сосудов, размещенных в центральной и северной частях камеры. Сосуды размещены компактно: либо вплотную прижаты к стенкам могилы (21, 24—26), либо стоят поперечно в центральной части камеры, разделяя ее на две части (22), либо же размещены в специально вырубленном углублении (23). Остальное пространство могил, возможно, заполняли вещи из органических материалов, которые до нас не дошли.

Большой интерес представляют нишеобразные углубления, вырубленные у южных (24), северных (21, 25, 26) и восточных (22) стен могил на

уровне пола, в туфовой скале. В погребении 26 — три углубления. Не исключено, что эти погребения являются прототипом местных катакомб, которые известны на территории Армении для эпохи средней бронзы⁶.

В некоторых могилах (21—24) вдоль восточных или западных стенок вырублены прямоугольные выступы-скамьи, напоминающие скамьи-ложа, выложенные из сырцового кирпича вдоль стен жилых домов куро-аракской культуры.

Курган 21. Высота 0,6 м, погребальная яма (2,5×1,08×1,22 м) перекрыта пятью туфовыми плитами. По бокам этих плит положены базальтовые камни, образуя прямоугольную раму. Погребальный инвентарь представлен монохромной расписной миской (рис. 1, 1), чернолощеной миской (рис. 1, 2) и бурым сосудом кухонного назначения (рис. 1, 3), покрытым сажей. Скелет не сохранился, только возле западной стены — две маленькие истлевшие кости.

Курган 22. Высота 0,5 м, погребальная яма (3,6×1,4×1,4 м) перекрыта одной туфовой и двумя базальтовыми плитами. Южная стенка камеры вырублена с прямыми углами, а северная закруглена. Камера с юга на восток постепенно сужается. Севернее центральной части камеры поставлены поперек три сосуда: монохромная расписная миска, чернолощеной миска и кувшин, украшенный шагающим гребенчатым штампом. Они разделяли камеру на две неравные части. В маленькой, северной части и под сосудами находились кости жертвенных животных, а в южной — скелет плохой сохранности. На правой руке скелета лежал бронзовый черенковый кинжал.

Курган 23. Высота 0,6 м, погребальная яма перекрыта тремя туфовыми плитами, которые с запада окольцованы полукруглой рамой, выложенной из семи камней. Камера в плане имела яйцевидную форму. Острой стороной направлена на север. Под северной стеной, на специально вырубленной высокой ступеньке стояли два расписных сосуда — миска и гидрия. Еще одна чернолощеной миска находилась в центральной части могилы, у живота покойника, над скелетом. Возле шеи обнаружено ожерелье из 103 фаянсовых и стеклянных бус зеленого, черного и белого цвета. Возле миски лежал осколок черного обсидиана с острыми краями.

Курган 24. Высота 0,5 м, погребальная яма (3,9×1,1×0,93 м) перекрыта тремя туфовыми плитами, но центральная часть камеры была открытой. В центре северной части камеры стояли три сосуда — две монохромные расписные миски (рис. 1, 5, 7) и закопченный горшок из красной глины, украшенный вдавленными волнообразными линиями (рис. 1, 4). От скелета сохранились только отдельные трубчатые кости рук и ног.

Курган 25, высота 0,3 м. Погребальная яма перекрыта тремя туфовыми плитами. С восточной стороны плит выложена стена из базальтовых камней. Вдоль западной стены вплотную друг к другу стояли четыре монохромных расписных сосуда — одна гидрия и три миски (рис. 2, 1, 2, 4). Еще одна гидрия из черной глины стояла у центральной части восточной стены. Ее плечики украшены чередующимися меандрами, нанесенными шагающим гребенчатым штампом (рис. 2, 3). В северной стороне лежал скелет в скорченном положении, под ним находился другой скорченный скелет. Возле второго скелета найден осколок обсидиана. Размеры 2,57×1,12×1,12 м.

Курган 26. Высота 0,3 м, в насыпи найден монгольский черенковый железный наконечник стрелы XIII в. Погребальная камера перекрыта тремя туфовыми плитами. Размеры погребальной ямы 1,47×0,75×0,65 м. В середине продольных стен — два выступа, которые как бы разделяли камеру на две части. В северной части камеры поставлены миска из краснобурой глины (рис. 2, 8) и черная чаша (рис. 1, 6). В южной части найдены фрагменты трубчатых костей. Это погребение уступает другим своими размерами, инвентарем и, по всей вероятности, является детским захоронением.

Посуду можно разделить на две группы: столовую и кухонную. Однако следует отметить, что строгого функционального разделения между этими

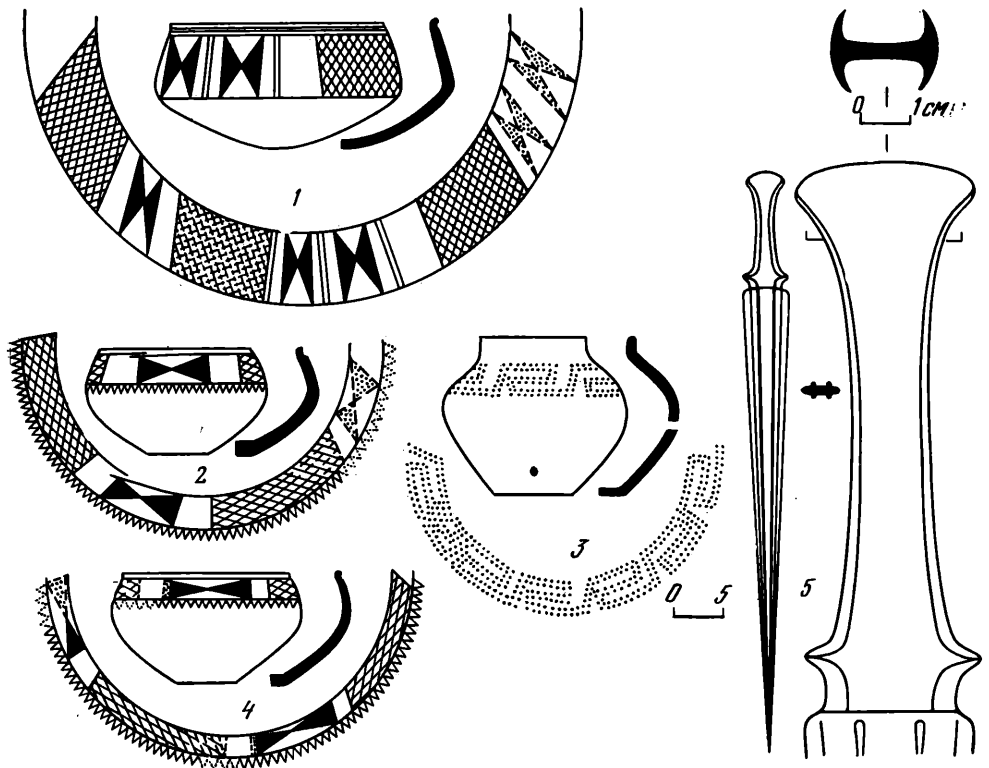

Рис. 2. Могильник Верин Навер

1—4 — курган 25; 5 — курган 19

группами не существовало. В некоторых случаях столовая посуда могла использоваться как кухонная.

К столовой посуде относятся монохромные расписные сосуды и черно-лощеная керамика. Первые представлены двумя формами — гидрии и миски. Эти сосуды изготовлены из крупнозернистой красной глины с примесью мелких камней. Их поверхность покрыта ярко-красным ангобом и тщательно залощена. Эту керамику долгое время считали лепной⁷, но при тщательном ее исследовании на внутренней части сосудов нам удалось обнаружить параллельные друг другу горизонтальные линии — следы вращающегося круга. Аналогичные линии имеют почти все монохромные расписные сосуды из Кармирбердского (Тазакендского) могильника, раскопанного в 90-х годах XIX в. П. Ф. Чарковским⁸, хранящиеся в Государственном музее Грузии⁹. Кроме того, на дне некоторых расписных сосудов из Верин Навера сохранились следы деревянной подставки, на которой их изготовляли. Исходя из этих фактов, можно заключить, что основная масса расписной керамики так называемой кармирбердской (тазакендской) группы изготовлена с помощью вращающегося круга. Керамика эта имеет превосходный обжиг и хорошую сохранность, только на некоторых сосудах вследствие осыпания ангоба роспись сохранилась не полностью. Верхние части сосудов покрыты каймой чередующихся геометрических узоров, нанесенных черной краской. С помощью двух горизонтальных линий образуется широкий фриз с изображением чередующихся сетчатых полей, двойных треугольников с соединяющимися вершинами; ряды вертикальных линий; вписанные друг в друга прямоугольники; прямоугольники с пересекающимися косыми линиями в центральной части, заполненные треугольниками, и т.д. По внешнему виду, по форме и по росписи сосуды из Верин Навера имеют аналогии в других памятниках Армении (Кармир-

берд, Арич, Гарни, Элар, Айгеван и т. д.), которые объединяются под общим названием «Группа памятников тазакендского (кармирбердского) типа»¹⁰. Между тем, по нашему мнению, есть все основания для выделения кармирбердской археологической культуры, которая объединяла бы все памятники упомянутой группы.

Чернолощенные сосуды представлены тремя типами: гидрии, миски и чаша. Гидрии небольших размеров. На выпуклой части проходят парные точки, нанесенные шагающим гребенчатым штампом, которые в одном случае образуют вписанные друг в друга полукруги, а в другом — чередующийся меандр. Последний встречен впервые на керамике кармирбердской культуры, а роспись вписанных друг в друга полукругов находит прямые аналогии в керамике среднего слоя Узерлик-тепе¹¹. Она также является излюбленным мотивом расписной керамики типа керамики Кировоканского кургана и Триалети. Такое сходство росписи еще раз указывает на родственные отношения между кармирбердской, севано-узерликской и кировакано-триалетской культурами эпохи средней бронзы Южного Кавказа. Чернолощенные миски имеют полушаровидное тулово и прямой венчик. По форме они не отличаются от аналогичных мисок куро-аракской культуры. Особенно поразительное сходство имеют они с находками из куро-аракских погребений Элара¹². Чернолощенная чаша представлена одним экземпляром и по своей форме аналогична расписным мискам.

Кухонная керамика изготовлена из плохо отмученной крупнозернистой глины серо-бурого и красного цвета. Обжиг неважный. Представлена двумя типами: 1) горшки с шаровидным туловом (возле шейки одного из них проходят ряд вдавленных клинообразных украшений с направленными вниз острыми концами, рис. 1, 3) и 2) горшки, украшенные тремя волнообразными линиями (чем выше ряд, тем круче волны, рис. 1, 4). Вторая группа кухонной керамики представлена одной миской, которая повторяет формы расписных мисок. Вся керамика составляет одну компактную группу, изготовлена в основном на вращающемся круге, относится к одной археологической культуре (кармирбердской).

Датируя эти памятники археологии, в основном следовали за выработанной Е. Байбуртяном в 30-х годах относительной хронологией, согласно которой расписная керамика следует за куро-аракской (по Е. Байбуртяну шенгавитской) культурой¹³. Большинство исследователей придерживалось того мнения, что кармирбердская (тазакендская) керамика является древнейшей расписной керамикой, и датировали ее первой четвертью II тысячелетия до н. э.¹⁴ А. А. Мартиросян предполагал, что между куро-араксом и тазакендом (кармир-бердом) находится промежуточная фаза типа арагатских находок¹⁵. Мы принимаем эту хронологию, но считаем, что кармирбердская культура заменила куро-аракс сразу без промежуточных фаз, о чем свидетельствуют тесные связи между ними. По нашему мнению, кармирбердскую культуру можно отнести не к началу II тысячелетия до н. э., а к последним векам III тысячелетия до н. э., сразу же после крушения куро-аракской культуры в Армении.

Курган 19. Высота 1,5 м, каменно-земляная насыпь, с востока и запада частично разрушенная вследствие распадки и строительства дороги, имела вытянутую с востока на запад форму. Она насыпана прямо на выходе туфовой скалы и имела размеры: диаметр с севера на юг 10—12 см, с востока на запад — 27 см.

В центральной части кургана находилась неглубокая камера, выложенная двумя рядами больших туфовых блоков с плоскими фронтальными сторонами. Камера имеет четкую ориентировку: север — юг. Следы перекрытия не обнаружены. По сравнению с курганом и блоками, из которых сложены стены, камера выглядела маленькой — 4×1×0,7 м — и как будто являлась макетом больших погребальных залов этого же некрополя¹⁶. Она доверху засыпана землей и камнями. С ее северной стороны находился вход — коридор, который забутован камнями и отделялся от погребальной камеры каменной перегородкой. В камере обнаружено несколько обломков серой и красноватой керамики, одна сердоликовая бусина, несколько об-

ломков костей крупного рогатого скота и цельноотлитой бронзовый меч (рис. 2, 5). Следы скелета не зафиксированы. Трудно полагать, что погребение ограблено, так как при всяком проникновении в камеру размером 1,2×2,2 м нельзя было не столкнуться с мечом, который лежал в положении *in situ*.

С восточной стороны к камере примыкает подковообразное сооружение, вероятно алтарь, выложенное базальтовыми камнями средней величины. В центральной части этого сооружения оставлено отверстие в виде входа, на правой стороне которого стоял обточенный камень с выгравированными петроглифами. По всей вероятности, здесь изображена сцена битвы. Видны летящая стрела и человеческая фигура, защищающаяся поднятым вверх щитом. Маленькие размеры камеры при сравнительно больших размерах кургана, отсутствие кромлеха, который является непременной чертой курганов Верин Навера, отсутствие перекрытия, следов захоронения и обычного погребального инвентаря дают нам право предполагать, что это кенотаф.

Найденный в могиле меч длиной 54,7 см цельнолитой и относится к переднеазиатскому типу мечей с рамочной рукоятью. Рукоять имеет с обеих сторон по всему периметру вертикальный бортик с загнутым внутрь краем, необходимый для удержания несохранившейся органической накладки. Однако в верхней части рукояти такой отгиб, или нависание над накладкой отсутствует. Эта деталь существенна, так как она характерна для армянских находок и может служить индикатором местного производства изделия. Отметим, что каменная форма для отливки мечей с рамочной рукоятью, найденная недавно в Армении при проведении дороги Кафан-Каджаран, не имеет нависания бортика в верхней части рукояти¹⁷. На сужающемся обоюдоостром клинке отмечены четыре ребра жесткости, доходящие до острия и делящие плоскость лезвия на пять «полос».

Ареал распространения мечей и кинжалов с рамочной рукоятью охватывал всю Переднюю Азию, Иран и Кавказ. Они известны с конца III тысячелетия до н. э. до VIII в. до н. э. При таком длительном бытовании мечей с рамочной рукоятью датировка кургана 19 является трудной задачей, так как другой погребальный инвентарь отсутствует. Несмотря на обилие параллелей, вериннаверский меч находит прямую аналогию в Арктическом могильнике¹⁸. Исходя из этого, а также основываясь на материалах вериннаверских погребений с подобными могильными сооружениями¹⁹, мы датировем меч, а соответственно и курган 19 серединой XV—XIV вв. до н. э.

¹ Арешян Г., Кафадарян К., Симомян А., Тирацян Г., Калантарян А. Археологические разведки в Аштаракском и Наирыйском районах Армянской ССР.— Вестн. общ. наук АН АрмССР, 1977, № 4, с. 91—92. На арм. яз.

² Симомян А. Е. Верин Навер — новооткрытый среднебронзовый могильник в Аштаракском районе.— В кн.: Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в АрмССР (1975—1976 гг.). Ереван, 1977, с. 15—17. На арм. яз.; Арешян Г., Симомян А., Саркисян Г., Кочарян Г., Оганян О. Полевые археологические работы Центра арменоведения в 1977—1978 гг.— ВЕГУ ОН, 1979, № 2, с. 211—220. На арм. яз.

³ Арешян Г. Е. Раскопки группы памятников в Шамираме.— В кн.: Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в АрмССР (1975—1976 гг.). Ереван, 1977, с. 13—14. На арм. яз.

⁴ Там же, с. 13—14.; Арешян Г., Симомян А. Археологические работы проблемной лаборатории арменоведческих исследований ЕГУ в 1975 г.— ВЕГУ ОН, 1976, № 1, с. 287. На арм. яз.

⁵ ВЕГУ ОН, 1979, № 2, с. 212, 213.

⁶ Хачатрян Т. С. Арктический некрополь. Ереван, 1979, с. 10.

⁷ Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии.— КСИИМК, 1940, вып. VIII, с. 33—34; Кушнарева К. Х. Тазакендский могильник в Армении.— СА, 1960, № 1, с. 143.

⁸ Чарковский П. В. Дневник о раскопках в селе Тазакенд Эриванской губернии в 1896 г.— Арх. ЛОИА АН ССРСР, ф. 1, № 140/1896.

⁹ ГМГ, инв. № 28—58, № 2743—2754.

¹⁰ Кушнарева К. Х. Тазакендский могильник Армении, с. 137—147; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 48—54; Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975, с. 89—121.

¹¹ Кушнарева К. Х. Раскопки на холме Узерлик-тепе.— КСИИМК, 1957, № 69, с. 131; Она же. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе около Агдама.— МИА, 1959, № 67, с. 397, 402, рис. 12—14; Она же. Новые данные о поселении Узерлик-тепе около Агдама.— МИА, 1965, № 125, с. 91, рис. 23—24.

- ¹² Ханзадян Э. В. Элар-Дарани. Ереван, 1979, с. 37—43. На арм. яз.
- ¹³ Байбуртян Е. Последовательность древнейших культур Армении.— Рук. Арх. ИЭА АН АрмССР, д. 148, с. 38, 74, 79.
- ¹⁴ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триаleti. Тбилиси, 1941, с. 5—7; Кушнарева К. Х. Тазакендский могильник в Армении, с. 146; Иссен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 1965, № 125, с. 18—19; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 48; Ханзадян Э. В. Гарни IV, с. 100. На арм. яз.; Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака, с. 109.
- ¹⁵ Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 42.
- ¹⁶ Арешян Г., Симомян А., Саркисян Г., Кочарян Г., Оганян О. Полевые археологические работы..., с. 212, 216—217.
- ¹⁷ Караханян Г., Азизбекян Г. Древняя литейная форма из Сюника.— ВОН АН АрмССР, 1981, № 2, с. 75—76.
- ¹⁸ Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, с. 52, рис. 6.
- ¹⁹ Симомян А. Е. Раскопки могильника Верин Навер в 1977—78 гг.— В кн.: Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в АрмССР (1977—1978 гг.). Ереван, 1979, с. 8—9. На арм. яз.; Он же. Раскопки могильника Верин Навер.— АО 1978. М., 1979, с. 524—525.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

О «ВПУСКНЫХ» ПОГРЕБЕНИЯХ В КУРГАНАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАКАСПИЯ

В 1963 г. при исследовании курганов позднего этапа эпохи бронзы в могильнике Патма-сай, расположенном у северных склонов горного массива Больших Балхан¹, в двух случаях были обнаружены своеобразные «впускные» погребения. Точнее, здесь следует говорить о более позднем использовании их каменных насыпей для сооружения наземных камер — своего рода перестройке, не вызвавшей в принципе нарушения основных захоронений. Раскопки указанного памятника производились на начальном этапе археологического изучения территории Закаспия, вследствие чего возможности сопоставлений и интерпретации этих погребений фактически отсутствовали.

За истекшие годы здесь велись систематические исследования, благодаря которым получены важные и полноценные сведения о памятниках разных периодов, их особенностях и территории распространения. В свете новых данных «впускные погребения» могильника Патма-сай приобретают определенный интерес для дальнейшей разработки некоторых вопросов археологии этой части Средней Азии.

Число «впускных погребений», обнаруженных в Закаспии, крайне ограничено, вследствие чего наличие их в каждом случае явно заслуживает внимания. В западных же областях степного пояса Европы, с которыми существовали связи уже с эпохи бронзы, положение совершенно иное: впускные погребения разных периодов в более ранних курганах представляют собой обычное явление.

В кургане 1 могильника Патма-сай каменная насыпь была деформирована ее частичным сползанием по склону и имела овальную форму (7,0×5,3 м) при высоте 0,85 м. При разборке насыпи выявлена разрушенная в верхней части глухая наземная камера подпрямоугольной формы 1,9×1,3 м, вытянутая с юга на север (рис. 1). Она находилась в северо-восточном секторе насыпи, где наблюдалась концентрация относительно крупных камней; дно ее располагалось на уровне древнего горизонта. В первоначальном положении сохранились горизонтально лежащие камни, образующие нижний слой кладки стенок. Внутренние контуры камеры неровные (за исключением северного торца): камни и небольшие плиты уложены вплотную друг к другу, но признаков перевязки не прослеживалось. Высота, очевидно, была близка к высоте насыпи в момент ее «перестройки». В заполнении камеры имелись многочисленные камни. Под ними прослеживались остатки слоя перегнившего тростника, местами толщиной бол-

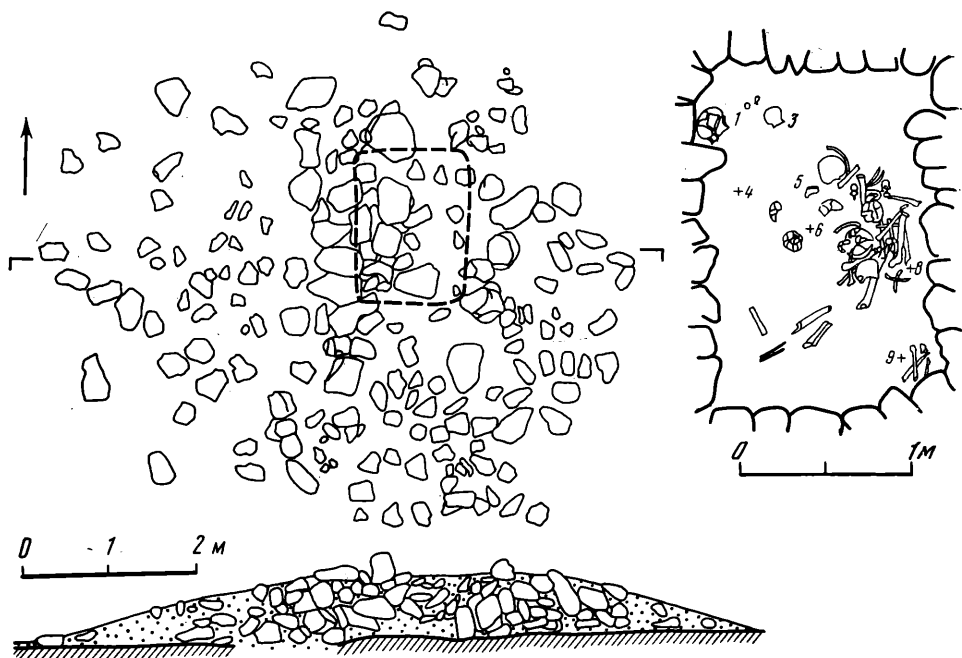

Рис. 1. Могильник Патма-сай, курган 1. План и разрез

1—3 — горшок; 2 — обломок зеркала; 4 — обломок железного крючка; 5 — обломок горшка; 6 — каменная пуговица; 7 — браслет; 8 — бусина; 9 — обломок бронзовой пластинки

0,2 м. Среди тлена встречались отдельные обломки человеческих костей. На дне камеры обнаружены лишь беспорядочно разбросанные кости и их обломки, принадлежащие трем скелетам. Их скопление, вытянутое с юга на север, имелось около середины восточной стенки: в нем находились обломки черепов.

Вблизи от северо-западного угла найден раздавленный лепной круглодонный горшок с шаровидным туловом и очень низкой горловиной (рис. 2, 1). Внутри горшка находилась кость овцы (ножка). Восточнее его лежали небольшой обломок бронзового дисковидного зеркала (рис. 3, 1) и лепной круглодонный горшок с шаровидным туловом и слабо выделенной горловиной (рис. 2, 2). Внутри него находились угли и четыре гальки со следами воздействия огня.

Западнее скопления костей, между ними и стенкой, обнаружены: обломок нижней части железного крючка (рис. 3, 5), обломки лепного круглодонного горшка с шаровидным туловом (горловина не сохранилась) (рис. 2, 3) и небольшая каменная дисковидная пуговица (?) (рис. 3, 3).

Среди костей скопления у восточной стенки находились: бронзовый браслет из овальной полоски с незамкнутыми, находящими друг на друга концами (рис. 3, 2) и стеклянная шаровидная бусина. Вблизи от юго-восточного угла лежал небольшой обломок бронзового предмета-пластинки (рис. 3, 4).

В кургане 3 насыпь относительно правильной круглой формы диаметром до 7 м с концентрацией камней в центральной части, где они слегка просели. Высота ее посередине 1,05 м. При разборке было установлено, что здесь имелась развалившаяся выкладка — обычный в этих местах «тур». Под камнями, уложенными, очевидно, в недавнее время, была раскрыта четырехугольная глухая камера размером 1,9×1,8 м, вытянутая с запада на восток. От нее сохранилась только основание — стенки с одним-двумя слоями кладки. Они сложены из сравнительно небольших обломков плитняка и вытянутых камней: частично они уложены вплотную друг к другу, но без перевязки. Внутренние контуры стенок неровные. Камера заполнена беспорядочно лежащими камнями. Под ними был толстый слой пере-

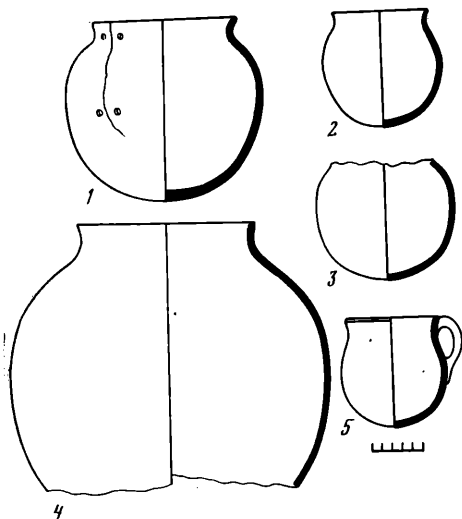

Рис. 2. Могильник Патма-сай. Впускные погребения. Глиняные сосуды

1—3 — из кургана 1; 4, 5 — из кургана 3

гнившего камыша, сильно нарушенного во всей центральной части. Толщина слоя около стенок до 0,3 м. В нарушенных участках встречались обломки костей человека.

На дне камеры обнаружено небольшое количество разбросанных костей, принадлежащих, по-видимому, трем скелетам. Значительная часть их составляет три скопления, вытянутых с юга на север; но в каждом из них имеются кости разных скелетов. Обломки черепов находились преимущественно в западной части камеры: в числе их имеются принадлежащие ребенку.

В северо-восточной части лежали разбросанные обломки большого лепного горшка, по-видимому, шаровидной формы с очень низкой горловиной (рис. 2, 4). На наружной поверхности его стенок имелись пятна плотной сажи. У середины западной стенки лежало каменное точило

(рис. 3, 6), несколько восточней его — железный крючок (рис. 3, 9).

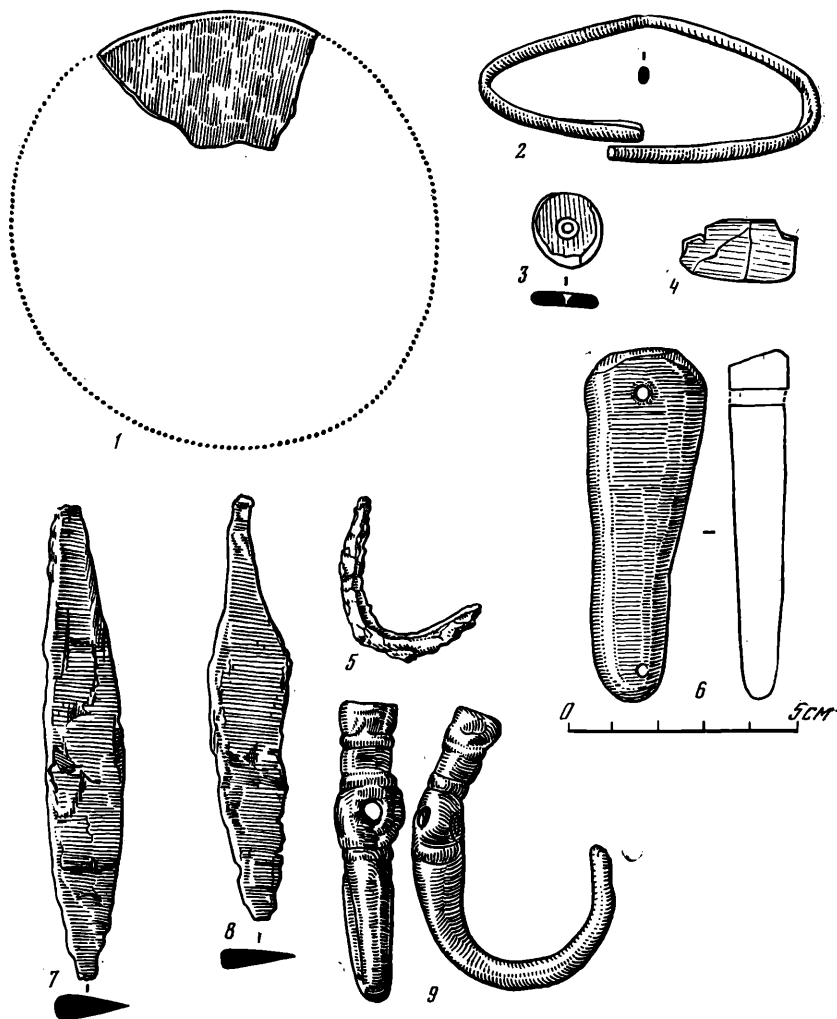
В средней части камеры найдены два железных ножа (рис. 3, 7, 8) и часть лепного глиняного круглодонного горшка с овальным туловом и вертикальной ручкой (рис. 2, 5). В южной части находились обломки второго большого, по-видимому, шаровидного, лепного горшка.

На бедренных костях, лежавших в средней части камеры, прослеживались пятна окислов бронзы треугольной формы, являющиеся, по-видимому, признаками бывшего наличия здесь наконечников стрел. Из-за ограбления камер в древности (возможно, в то время, когда бронзовое оружие представляло ценность) нельзя установить положение скелетов. Наличие вытянутых с юга на север скоплений костей, возможно, свидетельствует о том, что они лежали вытянуто в меридианальном направлении. Относительная многочисленность обломков глиняных сосудов в северной части как будто говорит о том, что они помещались там.

Обе описанные камеры сильно разрушены. Наблюдения над характером развала стенок позволяют лишь предполагать, что высота их вряд ли превышала высоту самих курганов в момент перестройки. Использование лишь камней неправильной формы и небольших обломков плитняка, а также отсутствие признаков перевязки в кладке говорят о том, что это были сравнительно простые сооружения. Устройство перекрытия осталось неясным, но отсутствие больших плит не дает оснований предполагать существование ложного свода или сплошного плоского перекрытия. В то же время наличие толстого слоя остатков камыша, может быть, следует рассматривать как свидетельство отсутствия специального конструктивного перекрытия. В таком случае речь может идти о простом заполнении верхней части камеры после укладки над захоронениями нескольких слоев циновок или связок камыша камнями различной величины. В целом первоначальный облик этих погребальных сооружений после перестройки курганных насыпей можно было бы представить себе как полусферический округлый каменный курган с глухой камерой внутри, не выделяющейся специальным перекрытием.

Не менее сложен вопрос о датировке рассматриваемых погребений.

Вся керамика однотипна и характеризуется прежде всего круглым дном; выделяется лишь один сосуд, снабженный вертикальной петлевидной ручкой. Аналогичная керамика была найдена в сооружении 2 могильника Гекдаг II² вместе с бронзовыми наконечниками таких типов, ко-

Рис. 3. Могильник Патма-сай. Впускные погребения. Различные предметы
 1—5 — из кургана 1; 6—9 — из кургана 3; 1, 2, 4 — бронза; 3, 6 — камень; 5, 7—9 — железо.
 1, 3 — горшок; 2 — обломок зеркала; 4 — обломок железного крючка; 5 — обломок горшка;
 6 — каменная пуговица (?); 7 — браслет; 8 — буса; 9 — обломок бронзовой пластинки

торы, по общепризнанной периодизации К. Ф. Смирнова, были распространены в западных степях степного пояса в V—III вв. до н. э. Комплексы, представленные в могильниках, исследованных на протяжении последних лет³, свидетельствуют о том, что в целом круглодонные горшки бытовали более длительное время. По-видимому, их можно рассматривать как одну из характерных черт материальной культуры ранних кочевников Закаспия. Показательно использование большого круглодонного горшка в качестве костехранилища⁴.

Вместе с тем следует учитывать, что время появления круглодонной керамики в Закаспии пока еще не может быть установлено, так же как и возможные ее прототипы. Сопоставление комплексов находок из разных погребальных сооружений, исследованных за последние два десятилетия, позволяют лишь прийти к заключению, что в целом наблюдается тенденция к уменьшению в них удельного веса круглодонной керамики при одновременном росте числа привозных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Поскольку последние не представлены в рассматриваемых погребениях, состав керамики, по-видимому, свидетельствует в пользу относительно ранней их датировки.

Железный крючок, найденный в камере кургана 3, характеризуется заметно изогнутой стержневой частью и наличием в ней отверстия, расположенного значительно ниже верхнего конца — в пределах округлой выпуклости, обрамленной сверху и снизу валиками. Сходный крючок (но без валиков) найден в кургане 3 Ново-Кумакского могильника (относящегося к савроматскому периоду) вблизи от Орска⁵. Сопоставимы в данном случае и бронзовые крючки этого же времени из могильника у с. Липовка Оренбургской области. Один из них (случайная находка) также имеет округлое утолщение с отверстием в нижней половине стержневой части, другой (из кургана 3) — аналогичное расширение без отверстия⁶. Близкую аналогию представляет собой миниатюрный бронзовый крючок, найденный в Закаспии в погребальном сооружении южнее колодца Чарышлы⁷, по-видимому, относящемся к IV—III вв. до н. э. Однако прямая синхронизация в данном случае затруднена ввиду различий размеров, очевидно, отражающих различия в назначении⁸.

Таким образом, вероятная датировка, установленная по разным предметам, в данном случае лежит в одних и тех же пределах. Наиболее вероятной следует считать V—IV вв. до н. э. В пользу этого говорит также отсутствие в камерах предметов, обычно находимых в погребальных сооружениях, относящихся к более позднему времени: курильниц, прясел, перстней и серег.

По устройству и конфигурации рассматриваемые камеры во многом очень близки к камерам теперь уже сравнительно хорошо известных монументальных наземных погребальных сооружений типа склепов, широко распространенных на территории севернее Больших Балхан, вероятно, начиная с IV в. до н. э. Но вместе с тем между ними наблюдаются заметные различия. Отчетливо выступает большая простота их конструкции. Стенки здесь сложены не из массивных плит, а из небольших обломков плитняка и уплощенных камней, в кладке их отсутствуют перевязка и забивка щелей, внутренние контуры не выровнены ни в горизонтальной, ни в вертикальной плоскости. Нет также никаких признаков столь характерного для упомянутых сооружений типа склепов выступания концов верхних рядов кладки стенок внутри и перекрытия типа ложного свода (или купола). Внешний вид «перестроенных» курганов, очевидно, также был иной: в частности, тут отсутствуют наружные стенки-кладки. Обращают на себя внимание также меньшие размеры камер и меньшее число погребенных.

При всем этом следует иметь в виду, что сравнительно недалеко от Патма-сай, северо-восточнее и восточнее его, расположено несколько могильников, состоящих из монументальных сооружений типа склепов.

На территории севернее Больших Балхан более простой конструкцией характеризуются также синхронные «перестроенным» курганам ограды в могильниках Гекдаг II и Джанак II. В первом случае правильнее говорить о более сложном погребальном сооружении, так как, кроме камеры, имеется наружная стенка; последнее — черта, сближающая с сооружениями типа склепов. Следует упомянуть также о наличии сооружений сходного более простого устройства в разграбленном могильнике, расположенном в 2 км восточнее г. Казанджика.

Все это позволяет высказать предположение, что камеры «перестроенных» курганов могильника Патма-сай принадлежат к одному из ранних этапов формирования погребальных сооружений типа склепов. Прямоугольная форма их в дальнейшем стала преобладающей. Параллельно, вероятно, шло и развитие округлых оград, результатом которого явились сооружения с круглой камерой. Следует допустить возможность того, что совершенствование конструкции и строительных приемов не было повсеместным и одновременным процессом: оно могло протекать преимущественно на территории расселения господствующей части той группы племен, которая в древности населяла Закаспий.

⁵ *Мандельштам А. М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении.—

КСИА, 1966, вып. 108, с. 105, и сл. В кургане 1 основное погребение пол-

- ностью разрушено, что, однако, вряд ли следует считать одновременным с сооружением наземной камеры.
- ² *Мандельштам А. М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия.— КСИА, 1976, вып. 147, с. 22 и сл., рис. 2.
- ³ Например, могильник у колодцев Чырышлы. См.: *Юсупов Х. Ю.* Исследование курганных памятников вдоль верхнего Узоя весной 1973 г.— УСА, 1975, вып. 3, с. 49, рис. 18, 2, 7.
- ⁴ Могильник Ялкым, сооружение 1. См.: *Юсупов Х. Ю.* Памятники древних кочевников заузбойского плато (Чо-лынкыр).— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 139, рис. 30, 7.
- ⁵ *Мошкова Г. М.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска.— МИА, 1962, № 115, с. 206, 222, рис. 4, 4.
- ⁶ *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Савроматско-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 12, рис. 5, 1, с. 7, рис. 4, 4.
- ⁷ *Юсупов Х. Ю.* Исследования курганных памятников вдоль верхнего Узоя весной 1973 г.— УСА, 1975, вып. 3, с. 49—50, рис. 21, II.
- ⁸ Малые размеры крючка из могильника южнее Чырышлы затрудняют возможность считать его колчаным: вернее, следует предполагать использование его для подвеса каких-то небольших предметов. Учитывая выявленные в последние годы признаки параллелизма в развитии предметов вооружения населения Закаспия и савромато-сарматских племен, уместно обратить внимание на заключение М. Г. Мошковой о том, что в раннепрохоровских погребениях в III—II вв. до н. э. колчаные крючки почти полностью исчезают (*Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1947, с. 26).

И. Н. ХЛОПИН, Л. И. ХЛОПИНА

ВТОРОЙ СЕЗОН РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ПАРХАЙ II

Могильник Пархай II, расположенный на западной окраине поселка Кара-Кала (Красноводская обл., Туркменской ССР), открыт в 1977 г.¹ Первый сезон раскопок был проведен в 1978 г.²

В 1979 г. вскрыто 25 погребальных сооружений (25—46), четыре из них (27, 31, 38 и 42) использовались дважды с некоторым временным интервалом.

Новые материалы, особенно по могилам 39 и 44, позволяют ставить вопрос о местном происхождении сумбарской культуры эпохи поздней бронзы (1350—1000 гг. до н. э.). Погребальное сооружение могилы 39 представляет собой катакомбу с одиночным погребением (рис. 1, I). Круглая в плане шахта ведет в овальную погребальную камеру размера 1,6×1,3 м, вход в которую был заложен пятью рядами кладки из крупноформатных сырцовых кирпичей; камера расположена к западу от входного колодца. В камере находился скелет женщины, ориентированный головой на север; покойная была уложена на правый бок спиной к входу с согнутыми в коленях и тазобедренных суставах ногами и с кистями рук перед лицом. У колен была поставлена большая хумча для воды (рис. 1, 8), в головах найдены чечевицеобразное пряслице из белого камня и пять сосудов: сферический горшок с отогнутым венчиком (рис. 1, 7), коническая чаша раструбом (рис. 1, 5), две глубокие сферические чаши (рис. 1, 3—4) и яйцевидный сосуд со сложным носиком (рис. 1, 6).

Погребальное сооружение могилы 44—также катакомба, но худшей сохранности (рис. 1, 2). Овальная погребальная камера 1,7×1 м имела вход с южной стороны. В камере найден скелет женщины на левом боку лицом к входу, головой на восток. Ноги сильно согнуты в коленях, плечи развернуты в положение «на спине», кисти рук прижаты к плечам. При погребенной найдено четыре сосуда: хумча и сосуд с открытым носиком в головах, маленький горшочек у пояса и коническая чаша у колен.

Если сравнить эти два погребения с могилами поздней бронзы, можно выявить ряд общих черт и тенденций развития отдельных элементов. Так, для погребального обряда эпохи поздней бронзы характерны: катакомба

с одиночным захоронением, набор погребальной керамики, приближающейся к «стандартному» набору Сумбарских могильников, наличие пряслица, помещение в могилу хумчи — крупного сосуда для воды. Керамика из этих погребений не ассортиментом, а формами и сероглиняным тестом является праобразом сумбарского керамического комплекса. Так, хумча соответствует сумбарской; чаша имеет характерную коническую форму, но у нее еще нет вертикальной петельчатой ручки у дна; у яйцевидных сосудов появился сложный носик, но он еще короткий, и сосуд не приобрел форму чайника; появился открытый носик (в виде слива, но окружность венчика сосуда не нарушена), однако сосуд еще не приобрел форму стандартного горшочка — неизменного спутника хумчи в погребениях эпохи поздней бронзы.

В то же время конические чаши раструбом являются характерной формой посуды предшествующего времени, когда они сочетаются с большими

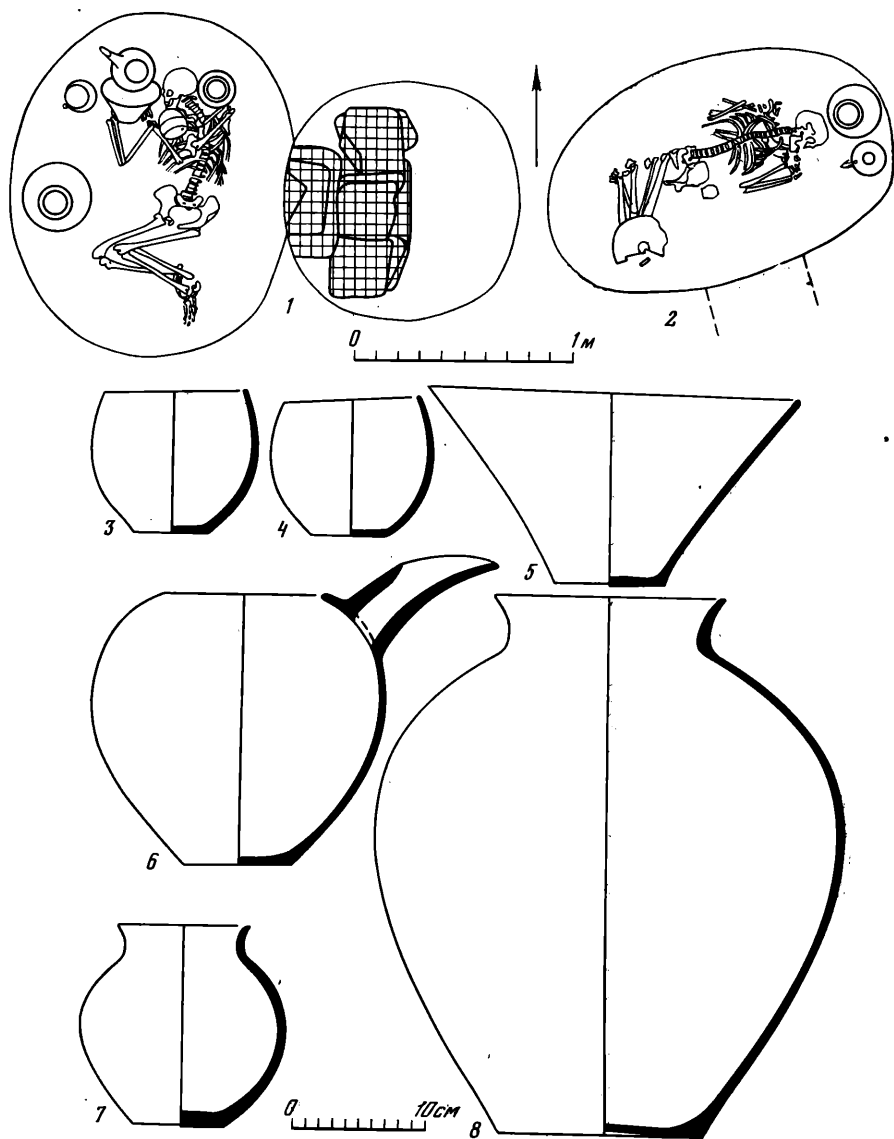

Рис. 1. Предсумбарский комплекс эпохи бронзы

1 — камера 39; 2 — камера 44; 3—8 — керамика из камеры 39

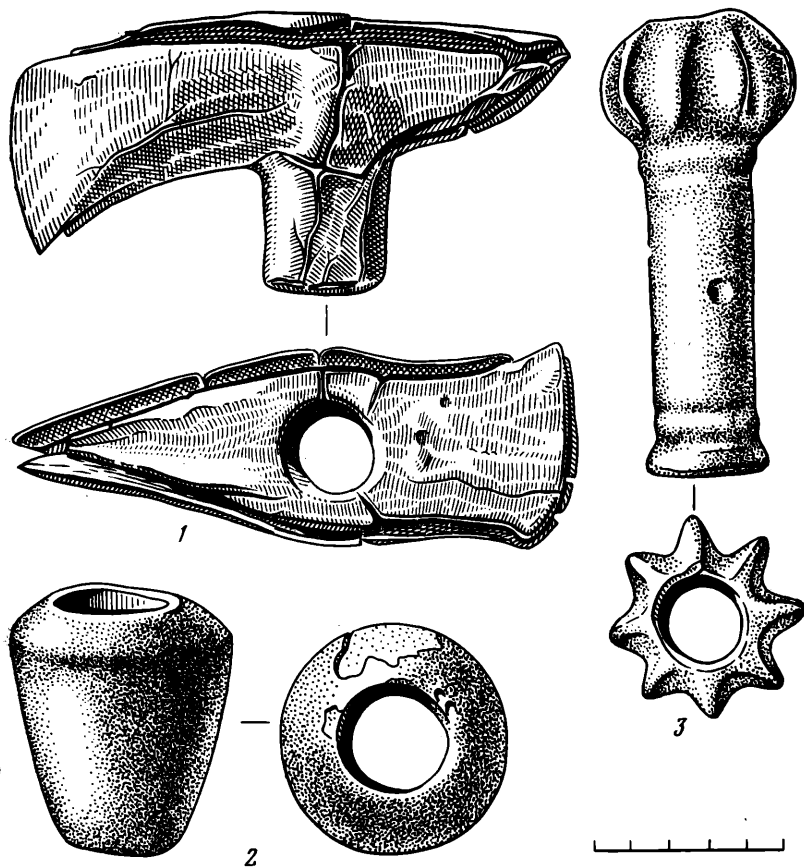

Рис. 2. Бронзовые изделия III тысячелетия до н. э.

1 — топор-тесло; 2 — навершие булавы; 3 — навершие железа или посоха

жубками с подкосом у дна; также глубокие сферические чаши были встречены в более ранних комплексах.

Таким образом, можно выделить так называемый предсумбарский археологический комплекс, который имеет как уже чисто сумбарские черты, что свидетельствует о местных генетических корнях последнего, так и более архаические традиции, что доказывает его местное происхождение. Следовательно, после раскопок могильника Пархай II можно считать решенной проблему происхождения Сумбарской культуры эпохи поздней бронзы — она является закономерным результатом развития местных племен юго-западной Туркмении. Более того, ее глубокие местные корни, с одной стороны, и отсутствие корней культуры железного века I (ЖВ-I) в Иране — с другой, позволяют в порядке постановки вопроса выдвинуть предположение о том, что керамика железного века I в Иране могла распространиться на территорию Ирана (Хурвин, Кайтарье и др.) именно из юго-восточного Закаспия, который представляет с юго-западной Туркмении единую культурно-историческую провинцию.

Из отдельных находок 1979 г. следует остановиться на крупных бронзовых изделиях и на оригинальных керамических предметах на четырех ножках.

С последним погребенным в камере 31 найден бронзовый втульчатый топор-тесло длиной в 14 см и высотой 7,5 см (рис. 2, 1). Лезвие топора слегка закруглено и оттянуто вниз, лезвие тесла также закруглено; у втулки при переходе от топора к теслу имеется расширение. Наиболее вероятная его датировка — конец III тысячелетия до н. э. До этого из южной Туркмении был известен только один такой топор-тесло из окрестно-

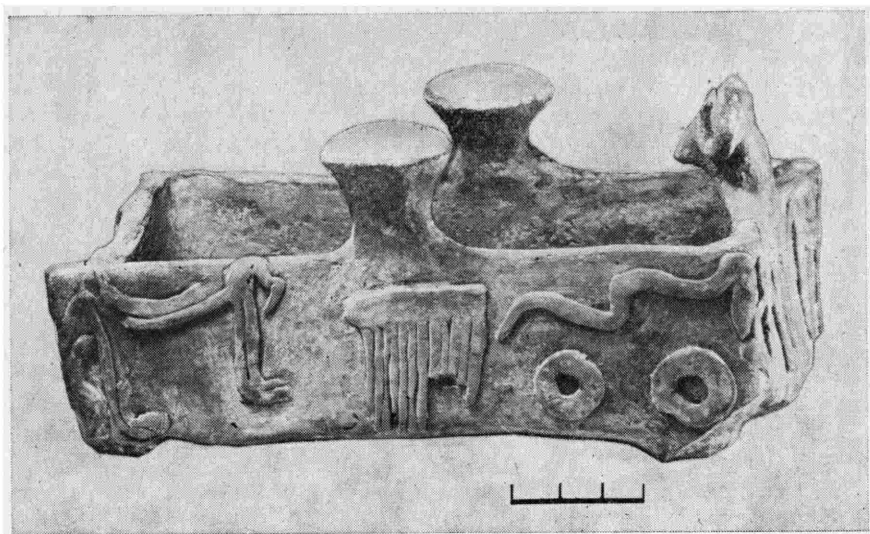

Рис. 3. Прямоугольный ритуальный сосуд на четырех ножках

стей селения Дайна в верховьях Сумбара³. Найденные вместе с ним три сосуда позволяют датировать его более поздним временем. Аналогичные предметы из разграбленных могил Бактрии эпохи поздней бронзы и литейная форма с поселения Дашлы 3 в Северном Афганистане⁴ показывают, что бронзовые топоры-тесла доживают в восточных областях южной земледельческой зоны Средней Азии до второй половины II тысячелетия до н. э.

Памятники эпохи бронзы Ирана содержат подобные предметы: они происходят как с памятников юго-восточного Закаспия (Астрабадский клад с Тюренг-тепе, Шах-тепе IIa — миниатюрная модель)⁵, так и из более южных областей: Гиссар ШВ и ШС, тепе-Сиалк, некрополь В — миниатюрная модель⁶. Однако все эти находки происходят из слоев, которые можно относить к эпохе железного века I; топор-тесло из Астрабадского клада как будто следует датировать чуть раньше. Следовательно, можно говорить, что топор-тесло из могильника Пархай II является самым древним. Как примечательный факт следует отметить полное отсутствие таких топоров среди Луристанских бронз⁷.

В другой погребальной камере того же периода, 40, с последним погребенным найдено два массивных бронзовых навершия; одно из них биконической формы, причем ребро делит навершие по высоте в пропорции 1 : 6 (рис. 2, 2). Эта булава не имеет прямых аналогий, но по общему силуэту и пропорциям близка знаменитой булаве Меселима (около 2600 г. до н. э.) из Лувра⁸. Другое — трубчатое со звездчатым завершением (высота 11,5 см) было навершием посоха или жезла (рис. 2, 3). В памятниках подгорной зоны Копет-Дага такие изделия не известны, в могильниках Бактрии эпохи поздней бронзы они особой формы. Наиболее близкие изделия, датируемые второй половиной III тысячелетия до н. э., происходят из слоя II Гиссара⁹, из Луристана¹⁰, похожие навершия — из Чога-Занбила (Элам) относятся к более позднему времени¹¹.

Погребения с рассмотренными предметами относятся к середине и второй половине III тысячелетия до н. э.¹²

Другой категорией предметов середины и второй половины III тысячелетия до н. э. являются прямоугольные в плане глиняные резервуары на четырех ножках. Их девять экземпляров (пять целых) (рис. 3). Если изделия первого варианта имеют лишь чашечки по углам, а на изделиях второго варианта иногда встречен лощеный рисунок дерева, то изделия третьего варианта покрыты сложным наlepным узором: змеи, соляные круги и горные козлы. Чашечки по верхнему краю резервуара, возможно,

предназначались для плодов мандрагоры туркменской¹³, которую предположительно можно отождествить с известной «хаомой». Символы на налlepном фризе предположительно отражают членение вселенной на три мира по вертикали: нижний подземный мир символизируют змеи, верхний небесный мир — солнце, а средний, пригодный для жизни скота и людей, — млекопитающие, в частности козлы. Кроме того, согласно древней иранской мифологии, которая дошла до нас в Авесте, в полисемантическом образе быка мог быть скрыт Тиштрия, первоскот Геуш¹⁴, а в образе барана — царская слава Хварено, позднейший Фарн.

¹ Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Раскопки в долине Сумбара.— АО 1977 г. М., 1978, с. 550—554; Они же. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении.— СА, 1980, № 1, с. 251—258.

² Хлопин И. Н., Хлопина Л. И., Курочкин Г. Н. Раскопки в долине Сумбара.— АО 1978 г. М., 1979, с. 570; Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник Пархай II в долине Сумбара (предварительное сообщение).— ИАН ТССР, СОИ, 1979, № 5, с. 75—80.

³ Ганялин А. Ф. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага.— ИАН ТССР, 1953, № 5.

⁴ Саруаниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 71, 73—76.

⁵ Rostovzeff M. The Sumerian treasure from Astrabad.— Journ. Egypt. Arch., 1920, vol. 2, part I; Arne A. Excavations at Shah-tepe. Stockholm, 1945, с. 304.

⁶ Schmidt E. Excavations at tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937, pl. LII;

Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. Paris, 1938, pl. XCIII.

⁷ Vahden Berghe L. Luristan. Vorgeschiedliche Bronzekunst aus Iran. München, 1981.

⁸ См., например: Флиттнер Н. Д. Искусство Древнего Двуречья. М.; Л., 1958, с. 110.

⁹ Schmidt E. Tepe Hissar excavations 1931.— Mus. Journ., 1933, vol. 23, N 4, pl. CV, B.

¹⁰ Vanden Berghe L. Luristan, s. 43—44.

¹¹ Ghirshman R. Tshoga-Zanbil (Dur Untash).— MDAI, vol. I, t. XXXIX. Paris, 1966.

¹² Хлопин И. Н. Раскопки в долине Сумбара.— АО 1979 г. М., 1980, с. 467.

¹³ Хлопин И. Н. Мандрагора туркменская в истории народов Востока.— ИАН ТССР, СОИ, 1979, № 1, с. 70—75; Khlopin I. Mandragora turcomanica in der Geschichte der Orientalölker.— OLP, 1980, N 11, s. 223—231.

¹⁴ Хлопин И. Н. Образ быка у первобытных землевладельцев Средней Азии.— В кн.: Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 26—31.

Г. А. БРЫКИНА

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЕ

В 1966 г. во время разведок был открыт небольшой могильник, занимавший две площадки на высокой террасе на левом берегу реки. В восточной части площадки находился грунтовый могильник, занимающий самый край площадки и частично разрушенный рекой, подмывавшей берег.

В восточной части площадки находится курганный могильник, насчитывающий 12 насыпей, сложенных из крупных хорошо окатанных камней (рис. 1).

Летом 1981 г. на обеих группах проведены раскопки, давшие новые чрезвычайно важные материалы по идеологии и динамике заселения района. В грунтовом могильнике открыты захоронения середины I тысячелетия н. э. В западной части площадки раскопаны шесть курганов, давшие ценные материалы, характеризующие самый древний этап заселения долины Ходжа-Бакырғана.

Курган 3 находится в южной части могильника. Под насыпью кургана в западной его половине открыто скопление камней. Под камнями в восточной части встречены очень мелкие не поддающиеся определению кости. После того как камни были разобраны, открылась овальная яма, заполненная песком, крупными и мелкими камнями. В заполнении ямы и

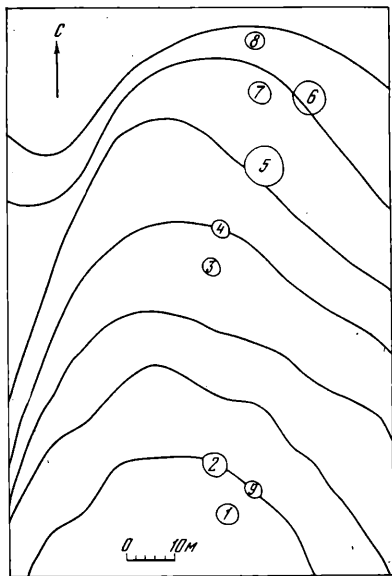

Рис. 1. План могильника
Андархан I

на ее дне, открытом на глубине 115 см от нулевого репера, найдены мелкие раздробленные кости.

Курган 4 расположен в 4 м к северу от кургана 3. Его диаметр равен 6 м. Захоронение совершено на древнем горизонте в центре кургана. Погребение ограждено крупными камнями, положенными в два ряда. Внутри оградки находились сильно разрушенные и разрозненные кости человеческого скелета. К востоку от оградки лежали две берцовые кости человека. По заключению антрополога С. С. Тур, под курганом находились два погребения. Внутри оградки был погребен ребенок. Кости ног, лежавшие к востоку от оградки, принадлежали взрослому человеку. Вполне вероятно, что взрослый захоронен раньше ребенка и его погребение было разрушено при захоронении ребенка. Положение погребенного, захороненного внутри оградки, установить почти невозможно. Можно предположить, что он был ориентирован головой на юго-восток.

При этом погребении были две чаши. Они стояли на камнях обкладки могилы. Одна чаша полусферической формы слегка уплощена сверху и снизу, дно округлое. Края загнуты внутрь. Поверхность чаши покрыта белым ангобом и украшена росписью, нанесенной буро-коричневой краской (рис. 2, 8). Вторая чаша имеет округло-заостренное дно, округлый корпус и слегка загнутый внутрь сосуда утоньшенный край (рис. 2, 7).

Под костяком лежала железная четырехгранная в сечении игла. Рядом с ней — две створки маленькой плоской ракушки. Под раздавленными костями черепа — бронзовая серьга, имеющая вид кольца с разомкнутыми концами. Один его конец утоньшен, другой утолщен (рис. 2, 2).

Два кургана отличаются от остальных большим размером. Диаметр кургана 15—8 м, высота — 0,5 м. При снятии насыпи на восточной половине кургана обнаружены фрагменты керамики, среди которых есть стенки толстостенных больших сосудов типа хумов.

При разборке насыпи были выявлены камни, лежавшие в определенном порядке и являвшиеся обкладкой могилы. Четко прослежена юго-западная и восточная стены оградки. От северо-восточной стены сохранились лишь отдельные камни. Здесь на камнях оградки стояли два сосуда — узкогорлый кувшин с широким плоским дном и сильно расширенным в нижней части сосуда туловом (рис. 2, 16) и красноангобированная чаша с уплощенным дном, округлым корпусом и невысоким бортиком, заканчивающимся утоньшенным краем (рис. 2, 9).

В 20 см к северу от этого сосуда находилась еще одна круглодонная чаша с округлым корпусом и загнутым внутрь скругленным краем. Красный ангоб покрывает обе стороны сосуда (рис. 2, 5).

В южной части погребения около камней оградки открыто еще одно скопление керамики. Внутри оградки, около западной ее стены, также лежали раздавленные фрагменты керамики.

Внутри оградки находились фрагментированные кости человека. Раздавленный череп находился около западной стены оградки. Кости конечностей (ног), также сильно фрагментированные, лежали в восточной части могилы. Судя по расположению костей, можно предположить, что погребенный лежал на правом боку головой на запад. Ноги подогнуты в коленях.

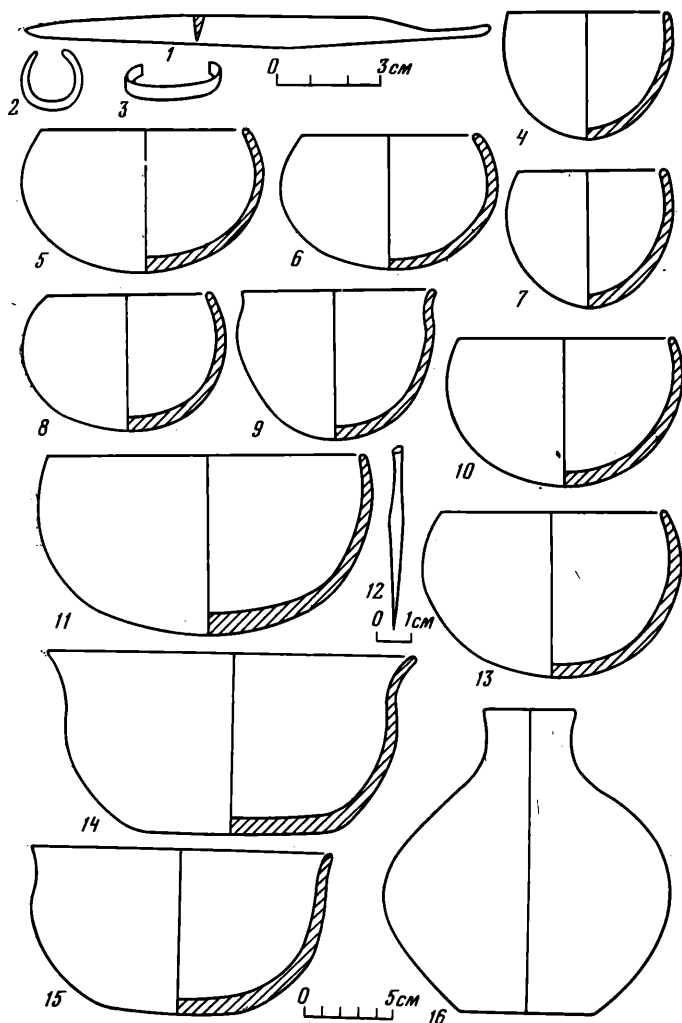

Рис. 2. Вещи из курганов могильника Андархан I

1 — нож, курган 5; 2 — железный браслет, курган 6; 3 — бронзовая серьга, курган 4; 4, 5, 11, 13, 14 — чаши, курган 6; 5, 9, 10, 15 — чаши из кургана 5; 7, 8 — чаши из кургана 4; 16 — кувшин из кургана 5; 12 — железная проколка из кургана 4

К северу от оградки, около бровки, лежала раздавленная круглодонная полусферическая чаша, слегка уплощенная сверху и снизу. Край чаши слегка наклонен внутрь и утоньшен. С обеих сторон сосуд покрыт плотным красным ангобом (рис. 2, 10).

В северо-восточной части кургана найдены отдельные фрагменты керамики. Среди них — фрагменты хумов, стенки больших тонкостенных сосудов, стенки красноангобированных кувшинов. Здесь же находились фрагменты сероглиняной чаши, которую удалось склеить полностью. Она полусферической формы. Утоньшенный край слегка отклонен наружу. Дно уплощено (рис. 2, 15).

В северо-западной и северной частях кургана обнаружены фрагменты керамики.

В 30 см к западу от оградки открыта небольшая группа костей. Вполне вероятно, что они были выброшены из погребения при его разрушении.

К северу от оградки, в 20 см от кувшина, обнаружен железный нож с узким длинным лезвием, утоньшенным к концу и плавно переходящим в черешок (рис. 2, 1).

Курган № 6 имеет диаметр 8 м. Высота каменной насыпи 50 см. После того как насыпь была снята, в центре кургана на уровне древнего горизонта была обнаружена прямоугольная в плане выкладка из крупных хорошо окатанных камней. Она имеет площадь 2,6×2 м и вытянута длинной осью с северо-запада на юго-восток.

В западной части выкладки стояли по одной линии раздавленные сосуды, покрытые плотным красным ангобом. Среди них: 1) небольшая полусферическая чаша, слегка сплюснутая сверху и снизу (рис. 2, 6); 2) большая плоскодонная чаша с прямыми стенками и слегка отогнутым утоньшенным краем (рис. 2, 14); 3) большая чаша с округлым корпусом и слегка наклоненным внутрь скругленным краем (рис. 2, 11); 4) небольшая полусферическая тонкостенная чаша. Здесь же находились отдельные фрагменты керамики: стенки больших сосудов, стенки чаш.

Среди камней найдены мелкие разрозненные человеческие кости и кости мелкого рогатого скота.

В восточной части кургана, у самой восточной его полы, открыто погребение. Оно было ограждено крупными окатанными камнями. Оградка вытянута с севера на юг. Погребенный лежал на спине головой на север. Правая рука чуть согнута в локте, левая — вытянута вдоль тела. Ноги вытянуты. Костяк очень плохой сохранности. От скелета сохранились несколько ребер, позвоночник и частично кости конечностей. Череп лежал слева от костяка на уровне коленей, а нижняя челюсть — около левого плеча. Около локтя правой руки стояла круглодонная миска яйцевидной формы, стенки корпуса почти прямые, слегка наклоненные внутрь сосуда. Корпус суживается ко дну (рис. 2, 4). Справа от костяка лежали несколько костей барана.

Справа от костяка, на уровне ног, обнаружены фрагменты керамики. Среди них — часть чаши, имевшей поддон. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты красным ангобом.

Два кургана (7 и 8), располагавшиеся у северо-западного края площадки, были сильно разрушены при распашке. Их диаметры не превышали 6 м, а высота не более 20 см. В обоих курганах в западной части на древнем горизонте найдено по два фрагмента в каждом. Никаких следов захоронений в курганах не обнаружено. Вполне вероятно, что погребения были разрушены при распашке.

Все открытые в могильнике курганы по обряду захоронения и по составу погребального инвентаря представляют комплексную группу. Над всеми курганами были сооружены насыпи из крупных окатанных камней. Во всех курганах захоронения совершены на древнем горизонте и окружены оградками из крупных камней. Исключение составляет, видимо, только курган 3, где под скоплением камней открыта яма, в заполнении которой обнаружены разрозненные кости, не поддающиеся определению. Курганы 7 и 8, под которыми не обнаружены следы захоронений, вполне могли быть кенотафами.

В могильнике прослеживаются повторные захоронения (курганы 4 и 6). Это была, видимо, одна из причин плохой сохранности костяков.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в курганах, беден и представлен в основном лепной посудой. Ассортимент ее большим разнообразием не отличается. Это один узкогорлый кувшин и чаши четырех типов: I тип — чаши яйцевидной формы (рис. 2, 4, 7), II тип — чаши полусферической формы с загнутым внутрь утоньшенным краем (рис. 2, 5, 6, 8, 10, 13), III тип — полусферические чаши с почти прямыми стенками, IV тип — чаши с округлым корпусом, уплощенным дном и отогнутым наружу утоньшенным краем (рис. 2, 9, 14, 15). Одна чаша отличается от двух других. Край ее сильно отклонен наружу, а дно широкое плоское (рис. 2, 14).

Андарханский могильник по обряду захоронения и по погребальному инвентарю обнаруживает сходство с могильниками актамовской культуры раннего железного века, выделенной Н. Г. Горбуновой на основании материалов из ее раскопок в южной и юго-восточной Фергане¹. Для этой

культуры характерны длинные курганы, насыпи которых формировались постепенно при подзахоронениях, и малые курганы². Захоронения совершались в неглубоких грунтовых ямах и на древнем горизонте. В Актанском могильнике — в грунтовых ямах, в Суфане преобладают захоронения в грунтовых ямах, окруженных каменными оградками, но есть и захоронения на древнем горизонте³. В Кунгайском же могильнике захоронения на древнем горизонте преобладают⁴. Вокруг этих захоронений сооружались оградки из крупных камней. В Актанском могильнике сосуды ставились на специальные полочки в южной части могилы, а в Кунгае — на камни обкладки могилы. Во всех могильниках актанской культуры отмечены повторные захоронения. При этом первоначальные погребения разрушались. Иногда кости складывали или в ногах у последующего погребенного, или на край могилы, а иногда и кости и инвентарь выбрасывались⁵. В могильнике Ниязбатыр В. И. Козенкова отметила кенотафы⁶.

Керамика представлена как лепными, так и гончарными сосудами, украшенными росписью. Причем гончарная керамика преобладает в грунтовых погребениях, а для захоронений на древнем горизонте более характерна лепная расписная и нерасписная посуда⁷. На основании находок бронзовых наконечников стрел скифского типа, а также на основании стратиграфических наблюдений на самих могильниках и на поселениях Н. Г. Горбунова считает возможным датировать бытование памятников актанской культуры VI—IV вв. до н. э.

Погребения, открытые в Андархане, по способу захоронения более всего сходны с захоронениями в Кунгае. Они также совершены на древнем горизонте и окружены каменными оградками. Как и в Кунгае, сосуды в Андарханском могильнике стоят на камнях оградки могилы. В отличие от погребений Кунгай и других актанских могильников, имеющих западную ориентировку, в Андархане нет устойчивой ориентировки; в кургане 6 погребенный в восточной части кургана был положен головой на север; а в кургане 4, вероятно, погребенный внутри оградки лежал головой на юг.

Керамика же из Андарханского могильника отличается от кунгайской. В этом могильнике среди находок преобладают плоскодонные чаши. Андарханские круглодонные полусферические чаши обнаруживают большее сходство с актанскими полусферическими чашами⁸. Андарханские чаши из курганов 4 и 6, выделенные в I тип, сходны с чашами из кургана 11 Суфанского могильника⁹. Чаша IV типа из кургана 5 (рис. 2, 15) также имеет аналогии в Суфанском могильнике. Она сходна с чашей из нижнего погребения кургана 12¹⁰.

В Андарханском могильнике нет вещей, которые могли бы дать ему твердую дату. Поэтому важны сопоставления этого могильника с аналогичными памятниками сопредельных территорий. Отмеченные черты сходства в погребальном инвентаре и погребальном обряде в Андархане с памятниками актанской культуры позволяют отнести Андарханский могильник к кругу памятников этой культуры и датировать его VI—IV вв. до н. э.

20 лет назад Н. Г. Горбунова на имевшихся в ее распоряжении материалах наметила ареал актанской культуры. Она отметила, что основным районом распространения памятников этой культуры была восточная и юго-восточная Фергана. Она отметила также отдельные находки актанской культуры в северо-западной Фергане (раскопки Е. Д. Салтовской). В юго-западной Фергане памятники актанской культуры не были известны.

Андарханский могильник является пока первым памятником этой культуры в юго-западных предгорьях Ферганы.

- ¹ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— Авт. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961; *Она же*. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСГЭ. Л., 1962, вып. 5; *Она же*. К истории Ферганы в эпоху раннего железа.— СА, 1962, № 4.
- ² Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З. Актанский могильник.— КСИИМК, 1957, вып. 69.
- ³ Горбунова Н. Г. Суфанский могильник.— АСГЭ. Л., 1969, вып. 11, с. 84 и сл.
- ⁴ Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник.— АСГЭ. Л., 1961, № 2, с. 101.
- ⁵ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСГЭ. Л., 1962, № 5, с. 97.
- ⁶ Козенкова В. И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г.— КСИИМК, 1954, вып. 71, с. 59.
- ⁷ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы..., с. 99.
- ⁸ Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З. Актанский могильник.— КСИИМК, 1957, вып. 69, рис. 31.
- ⁹ Горбунова Н. Г. Суфанский могильник, с. 83, рис. 7, 31.
- ¹⁰ Там же, с. 85, рис. 8, 13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИН ГССР — Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР
- ОА — Археологические открытия
- АП — Археологические памятники
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВЕГУ — Вестник Ереванского государственного университета
- ВОН — Вестник общественных наук АН Армянской ССР
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГМГ — Государственный музей Грузии
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ЗРАО — Записки русского археологического общества
- ИА АН АрмССР — Институт археологии АН Армянской ССР
- ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
- ИАН КиргССР — Известия АН Киргизской ССР
- ИАК — Известия Археологической комиссии
- ИАН ТССР — Известия АН Туркменской ССР
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
- КД — Каракумские древности
- КЗ — Кавказский зал
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- КЭС — Кавказский этнографический сборник
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- МАН — Материалы по археологии Адыгеи
- МАД — Материалы по археологии Дагестана
- МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
- МАК — Материалы по археологии Кавказа
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
- ОАК — Отчеты археологической комиссии
- ОН — Общественные науки
- ПСА — Проблемы скифской археологии
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
- СОН — Серия общественных наук
- СЭ — Советская этнография
- ТКАЭ — Труды Кахетинской археологической экспедиции
- Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа

- УЗИИЯЛ ДагФАН СССР — Ученые записки Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- УЗХНИИЯЛИ — Ученые записки научно-исследовательского института языка, литературы и истории
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии
- ЭВ — Эпиграфика Востока
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
- AAA — Annals of Archaeology
- Ac. Arch. — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica
- AFO — Archiv für Orientforschung
- AIPH — Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine
- AJA — American Journal of Archaeology
- BAIPAA — Bulletin of the American Institute for Persian (Iranian) Art and Archaeology
- EAF — Ethnographisch — Archäologische Forschungen
- ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua
- IA — Iranica Antiqua
- Ist.Mit. — Istanbuler Mitteilungen
- JA — Journal Asiatique
- JNES — Journal of the Near Eastern Studies
- MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
- MDAI — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Iran
- MJ — Museum Journal
- OIP — Oriental Institute Publications
- OLP — Orientalia Lovaniensia Periodica
- PBF — Prähistorische bronzenfunde
- RGF — Römisch-Germanische Forschungen

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. И. Марковин</i>	
К вопросу о социально-экономической интерпретации древностей Кавказа	3
<i>К. Х. Кушнарера</i>	
К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе	9
<i>Э. С. Шарафутдинова</i>	
Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье	15
<i>В. А. Алексин</i>	
Погребения с оружием в древнеземледельческих обществах	23
<i>Ю. Н. Воронов</i>	
Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи	29
<i>М. П. Абрамова</i>	
О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника	34
<i>И. Т. Кругликова</i>	
Обол кушанца «Герая» из Дильберджина	40
<i>В. Б. Ковалевская</i>	
Антропоморфные амулеты VI—IX вв. на Северном Кавказе	43
<i>Ю. А. Заднепровский</i>	
Основные этапы истории Ошского оазиса	51
<i>В. И. Распопова</i>	
Вопросы исторической интерпретации жилища древнего Пенджикента	57

Полевые исследования

<i>В. И. Тимофеев</i>	
Памятники каменного века Центральной Ферганы	63
<i>Л. Б. Кирчо</i>	
Раскопки слоев ранней бронзы на Алтын-депе в 1979—1980 гг.	68
<i>Г. Н. Бестужев, А. Д. Резепкин</i>	
Новые находки из гробницы у станицы Новосвободной	75
<i>С. Н. Корневский</i>	
О металле эпохи бронзы эшерских дольменов	78
<i>В. А. Трифонов</i>	
Две группы катакомбных погребений на Среднем Бейсуге	86
<i>А. Е. Симонян</i>	
Могильник эпохи бронзы Верин Навер	90
<i>М. М. Мандельштам</i>	
О «впускных» погребениях в курганах эпохи бронзы Закаспия	96
<i>И. Н. Хлопин, Л. И. Хлопина</i>	
Второй сезон раскопок могильника Пархай II	101
<i>Г. А. Брыкина</i>	
Новый могильник в юго-западной Фергане	105